

По следам индейцев. Истории миссионерской работы среди индейцев кри и солто

Эджертон Райерсон Янг

On the Indian Trail

Egerton Ryerson Young

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга " По индейской тропе "

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: По индейской тропе

Автор: Эджертон Райерсон Янг

Дата выхода: 31 октября 2007 [Электронная книга # 23270]

Язык: Английский

В титрах: Продюсер Ник Ходсон из Лондона, Англия

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА По ИНДИЙСКОМУ СЛЕДУ" ***

Преподобный Эгертон Райерсон Янг

"По индейской тропе"

Предисловие.

Это не непрерывное повествование о миссионерской работе, как в некоторых книгах автора. Это сборник отдельных глав, некоторые из которых написаны специально для этого тома, другие, полностью или частично увидевшие свет в другом виде, теперь, по просьбе друзей и благодаря любезности издателей, собраны здесь.

Романтическая миссионерская деятельность среди краснокожих индейцев скоро уйдет в прошлое. Цивилизация достигает этого народа, и железный конь мчится с визгом туда, где индейская тропа когда-то была единственным путем. Живописная одежда быстро исчезает, а магазинная одежда, часто слишком быстро превращающаяся в лохмотья, отнюдь не живописные, лишила индейца того интереса, который когда-то привлекал к нему.

Эти странствия по быстро исчезающей тропе говорят скорее об успехах, чем о неудачах; не потому, что последних было много, а также о долгом ожидании урожая после посева, но потому, что гораздо приятнее и полезнее смотреть на светлую сторону жизни и говорить о победе, а не о поражении.

Поэтому в надежде, что эта книга будет полезной и ободряющей для друзей и сторонников миссий, которых стало так много, и что таким образом Его имя может быть прославлено, мы отправляем ее в путь.

Глава первая.

На тропе в прерии.

Мы вышли на тропу в прериях Сент-Пола в 1868 году.

Нам, то есть моей молодой жене и мне в компании с некоторыми другими миссионерами и учителями, предстояло преодолеть по нему многие сотни миль, чтобы добраться до вигвамов индейцев в северной части Территорий Гудзонова залива, которым нам было поручено нести славное Евангелие Сына Божьего.

Нам предстояло продолжить дело, начатое людьми возвышенной веры и героического мужества, и перенести его еще дальше, в более отдаленные регионы, где еще никто не слышал сладостной истории о любви Спасителя. У нас было достаточно доверия к Богу, чтобы поверить, что если бы торговцы пушниной могли путешествовать по этим тропам и жить в этих уединенных отдаленных регионах, пользуясь благословениями цивилизации, и, чтобы зарабатывать деньги, торгуя с индейцами, мириться с трудностями и лишениями, сопутствующими такой жизни, мы могли бы пойти на такие же жертвы ради Христа, чтобы донести Радостную весть о Его великой любви до тех, кто никогда не слышал этой чудесной истории.

После примерно трехнедельного путешествия мы проехали так далеко, как только могли, на пароходе и по железной дороге, и были на пределе возможностей этих великолепных методов цивилизованного передвижения. С этого момента перед нами не было ничего, кроме тропы в прериях. Она тянулась все дальше и дальше на сотни миль, все дальше и дальше в страну северного ветра. Давным-давно по его извилистому волнистому руслу отважные первопроходцы нового света отправились на поиски приключений; и когда они храбро продвигались вперед, их переполняли изумление и благоговейный трепет перед просторами великих и безграничных прерий.

По пятам за ними, а иногда и сами становясь первопроходцами, шли те первые героические последователи-священники Лойолы, страстно желавшие встретиться и подружиться с дикими индейцами равнин и лесов, чтобы водрузить среди них крест и, согласно их вере, простым обрядом крещения ввести их в лоно Матери-Церкви.

В последующие годы большая часть романтики великой Тропы стерлась из памяти. Коммерция с ее многочисленной деятельностью настолько захватила его, что, когда мы впервые увидели его в 1868 году, длинные вереницы шумных скрипучих повозок по Ред-ривер и большие, крытые брезентом фургоны предприимчивых иммигрантов были самыми заметными достопримечательностями на его пыльных участках. Время от времени на нем можно было увидеть отряды индейских воинов в перьях и раскраске, мчащихся на своих огненных скакунах, отправляясь в какое-нибудь мародерское приключение или, что более вероятно, в поисках огромных стад бизонов, которые все еще паслись в регионах дальше на запад, подобно “стаду на тысяче холмов”.

Это был один из тех прекрасных дней в прекрасном июньском месяце, когда мы покинули процветающий молодой город Сент-Пол и с нашими крытыми брезентом фургонами и четырнадцатью отборными лошадьми по-настоящему отправились в путь. Покидая пограничный город, разорвав таким образом последнее звено, связывавшее нас с цивилизацией, мы наиболее отчетливо осознали, что теперь приступаем к нашей миссионерской работе.

Тридцать дней мы были на этой тропе в Прериях. Не все из них отличались той редкой красотой, что первые. Несколько раз на нас обрушивались свирепые грозы, когда не всегда было возможно защититься от ужасного ливня. Однажды ночью настоящий циклон разрушил наш лагерь; палатки и фургоны с их разнообразным содержимым беспорядочно кружились перед его непреодолимой мощью.

Наш путь был полон опасностей: приходилось пересекать ручьи без мостов, бороться с пожарами в прериях или отчаянно убежать от коварных зыбучих песков, которые иногда самым заманчивым образом простирались по обе стороны от жалкой на вид тропы, соблазняя неосторожного путешественника довериться их гладкой и сияющей поверхности. Но горе тем глупцам, которые сходили с тропы ради зыбучих песков: если их не спасут объединенные силы друзей, лошади и путешественники вскоре будут поглощены; поэтому предупреждающим криком проводника всегда было: “Держитесь тропы!”

Так мы продолжали свой путь, иногда при солнечном свете, а иногда в бурю. Каждое утро и вечер мы молились всей семьей. Субботы были днями отдыха для всех — сладостными и драгоценными днями, когда в солнечных лучах, в великолепных прериях, мы, небольшая компания миссионеров и учителей, поклонялись Богу: это были дни Сына Человеческого на земле.

Тридцать дней в таком путешествии не могли пройти без некоторых странных приключений, и мы пережили их как с белыми людьми, так и с индейцами.

Болтливый попугай в нашей компании чуть не до смерти перепугал нескольких очень любознательных и суеверных индейцев и французских метисов. Однажды они остановили свои повозки, запряженные волами, на том самом месте, где мы, двигавшиеся в противоположном направлении, отдыхали в обеденный перерыв. Услышав о чудесном попугае, они столпились вокруг, чтобы посмотреть на нее. Полли некоторое время выдерживала их любопытные взгляды, затем, очевидно, несколько раздосадованная, взъерошив крылья, прыгнула вперед, насколько это было возможно в ее большой клетке, и закричала:

- Кто вы? - спросил я.

Эффект на суеверных полукровок и индейцев был примерно такой, как если бы Его Сатанинское Величество внезапно появился среди них. Они бросились прочь, и ничто из того, что мы могли сделать, не заставило бы кого-либо из них снова взглянуть на птицу.

Еще одно приключение, самое уникальное и поразительное, произошло в этом путешествии до того, как мы провели в пути много дней.

- Тебе лучше внимательно следить за своими великолепными лошадьми, иначе в одно прекрасное утро ты можешь проснуться и обнаружить, что они пропали.

Это была довольно ошеломляющая новость, вызвавшая большое волнение в нашем лагере.

Выступавшими были несколько разведчиков армии Соединенных Штатов, которые спешно направлялись из верховьев Миссури, куда войска отправились для подавления каких-то волнений индейцев. Сейчас они были на пути в Сент-Пол с депешами для Вашингтона.

Каждую ночь нашего путешествия мы, в истинно западном стиле, стреноживали наших лошадей и оставляли их бродить по окрестностям и лакомиться сочной травой. Это прихрамывание представляет собой просто неплотное связывание передних лап мягкими кожаными ремешками, так что животному при движении приходится поднимать обе передние лапы одновременно. Его передвижения, таким образом, неизбежно медленны, поэтому он не может удалиться далеко от лагеря. Не испытывая страха перед опасностью, мы были очень беспечны, оставив все без охраны.

Ужасные массовые убийства индейцев сиу, произошедшие несколько лет назад в этих самых регионах, теперь были забыты. Это правда, что во время нашего путешествия руины разрушенных и во многих местах еще не восстановленных усадеб поселенцев были яркими напоминаниями о тех ужасных пограничных войнах, когда погибло более девятисот белых людей. Индейцы были теперь, однако, далеко к северо-западу от нас, так что мы не испытывали никаких опасений, неторопливо продвигаясь вперед. Поэтому было несколько странно, когда эти живописно одетые разведчики остановились среди нас и предупредили, чтобы мы берегли наших лошадей; они сказали нам, что самая известная банда конокрадов находится по соседству и, по слухам, до них дошли сведения, что в прериях появился отряд с великолепными лошадьми, и что, несомненно, даже сейчас они высматривают нас на некоторых тропах.

После короткого привала, чтобы наскоро перекусить, наши загорелые, хорошо вооруженные посетители покинули нас. Последнее, что мы видели, было, когда они галопом усаkali на юг по тропе.

Немедленно был созван совет, на котором было решено перебраться в окрестности Клируотера и оставаться там до тех пор, пока не будут завершены все последние приготовления к нашему долгому путешествию. наших лошадей днем отпускали на волю и стреноживали, но им не разрешалось отходить далеко от лагеря. За ними постоянно следили, а также осматривали прерии в поисках подозрительных незваных гостей. Перед заходом солнца все они были собраны и надежно заперты в большом сарае, стоявшем в прерии, - единственном здании, оставшемся от большой фермы: все остальные постройки, включая жилой дом, были сожжены во время войн с индейцами. Никто из выживших или родственников еще не пришел, чтобы предъявить права на это заброшенное место, и поэтому сочные степные травы почти полностью покрыли своей зеленой зеленью то место, где когда-то стояли разрушенные здания; и теперь все, что напоминало о былом процветании, - это одинокий старый сарай.

Мужчины из нашего отряда были назначены сторожить сарай ночью и защищать лошадей от любых незваных гостей. Двое хорошо вооруженных людей считались достаточной охраной на каждую из восьми или десяти ночей, которые мы оставались в этих окрестностях. Однажды ночью нас с молодым человеком из нашей группы назначили сторожить. Он самым тщательным образом вооружился несколькими видами оружия, решив быть готовым к любой чрезвычайной ситуации. Я доверился скорострельной винтовке с казнозарядом.

Мы собрали лошадей из прерий и вели их к сараю, когда встретили лидера нашего отряда, мужчину средних лет, большую часть жизни проведшего среди индейцев и на великом западе.

Глядя на нас, которым предстояло охранять лошадей в ту ночь, он сказал с насмешкой:

“Странные вы охранники! У меня есть несколько молодых индейцев, которые сегодня ночью могут украсть любую лошадь в этой толпе прямо у вас из-под носа.

Уязвленный насмешками этого человека, поскольку он не в первый раз пытался меня обидеть, я ответил, возможно, чересчур подчеркнуто:

“Мистер, у меня лучшая лошадь в отряде, и я отдам ее вам, если вы или любой другой из живущих индейцев сможете украсть ее из этого сарая между заходом и восходом солнца”.

Мы с моим товарищем аккуратно привязали наших лошадей вдоль одной стороны сарая, где они могли удобно стоять или прилечь на старое сено из прерий на ночь. Затем мы осмотрели сарай. На одном конце были обычные большие двойные двери, достаточно широкие и высокие, чтобы пропустить фургон, груженный сеном или снопами зерна. На другом конце была маленькая дверца, которую мы надежно заперли изнутри. Затем мы тщательно обследовали здание на предмет других мест проникновения, чтобы убедиться, что там нет отверстий, достаточно больших, чтобы через них мог протиснуться даже голый дикарь. Когда мы полностью удовлетворились нашим осмотром, мы собрали немного сухого сена и соорудили себе несколько удобных сидений, откуда могли, оставаясь незамеченными, наблюдать за большими торцевыми дверями: одна из которых запиралась изнутри на крючок и скобу, в то время как на другой была только обычная деревянная задвижка.

Мы двигались и болтали на разные темы в течение долгих прекрасных сумерек, а когда темнота опустилась на нас, мы удобно устроились на отведенных нам позициях и с попутками в руках действительно были часовыми на страже. Когда возбуждение от этого события улеглось, мой юный спутник, который был еще подростком, начал чувствовать сильную сонливость. Я сказал ему свернуться калачиком на сене и немного поспать, и если возникнет хоть малейший признак опасности, я немедленно разбужу его. Очень скоро он уже спокойно спал у моих ног. Он великодушно попросил меня разбудить его, когда он проспит час или около того, предложив затем занять мое место. Поблагодарив его, я сказал: “Поспи немного, если сможешь; впрочем, для меня сегодня ничего нет”. - Я слишком хорошо помнил эти насмешливые слова и не смог бы заснуть, даже если бы попытался.

Медленно тянулись часы, и я не мог не думать о странных переменах, произошедших за последние несколько недель. Не прошло и шести недель до этого, как я был пастором большой церкви в процветающем городе. Тогда я жил в прекрасном доме со всеми удобствами цивилизации вокруг меня, где бдительные полицейские совершали свои разнообразные обходы, в то время как мы в мире и безопасности отдыхали, не думая об опасности; теперь я был на далеком Западе, вдали от общества и удобств прошлых дней, на бескрайних равнинах, где подстерегают опасности и изобилуют беззаконные, вороватые бродяги. Не так давно я проповедовал за своей кафедрой перед большими собраниями; теперь, в тихие часы этой ночи, я сидел на охапке сухой степной травы в старом сарае, защищая множество лошадей от конокрадов. Странные это превращения. Воистину, жизнь - это пьеса, и мы, актеры, мало знаем, какие роли нам предстоит сыграть в следующий раз.

Так я размышлял; малыш, тише! Что это за шум? Конечно, не может быть, чтобы хитрый конокрад так целенаправленно пришел в эту прекрасную звездную ночь и попытался у главной двери найти вход. Ни один скрытный индеец, искусный в конокрадстве, не начал бы свои операции таким образом.

Но, тем не менее, звук слышен. Очевидно, это рука, нащупывающая защелку.

В лагере были отданы строгие приказы, согласно которым никто из нашей группы ни в коем случае не должен приближаться к сараю после наступления темноты. Итак, перед нами был незваный гость, с которым нужно было немедленно расправиться, прежде чем он успеет выхватить оружие и выстрелить.

Вскочив и вскинув винтовку к плечу, я подождал, пока рука незваного гостя не нащупала защелку. Затем дверь распахнулась, и там появился он; очень высокий мужчина, четко вырисовывающийся на фоне звездной ночи.

Моим первым мрачным решением было немедленно выстрелить. Затем пришла мысль: “Это ужасно - внезапно отправлять душу в вечность. Возможно, он не конокрад. Возможно, это какой-нибудь одинокий бродяга в прериях, который, увидев этот старый сарай, желает укрыться под ним от обильной росы. Ты прикрываешь его своей винтовкой; даже если он отчаянный конокрад, жаждущий проказы, прежде чем он успеет выхватить оружие, ты можешь легко уложить его.

Эти мысли, должно быть, промелькнули у меня в голове очень быстро, потому что мужчина еще не успел войти в сарай, когда я принял решение о дальнейших действиях.

Поэтому, держа его под прицелом своей винтовки и держа руку на спусковом крючке, я крикнул:
- Кто там? - спросил я.

“ Это всего лишь Мэтью. Конечно, к этому времени ты уже должен был меня знать.

Вместо врага, спотыкаясь в темноте, появился один из наших юных друзей из лагеря: школьный учитель, отправляющийся наставлять индейцев на равнинах Саскачевана.

Пробираясь ощупью, он сказал: “Там, в лагере, ужасно душно, и поэтому я подумал, что лучше приду и проведу остаток ночи с тобой в сарае”.

Глупый малый! он и не подозревал, как близок был к тому, чтобы расстаться с жизнью из-за этого прямого нарушения приказов.

Когда я узнал его голос, ответивший на мой вызов, и понял, как близок я был к тому, чтобы застрелить одного из наших, мной овладела быстрая реакция, и, выронив пистолет, я откинулся назад, дрожа как осиновый лист.

После долгой болтовни он, наконец, улегся на сено и заснул, не имея ни малейшего представления ни о том, какому риску он подвергался, ни о той роли, которую я сыграл в том, что было так близко к трагедии.

Я продолжал нести вахту до смены на рассвете, а затем вместе со своим товарищем передал всех лошадей в целости и сохранности тем, в чьи обязанности входило присматривать за ними, пока они паслись в прериях.

Какое-то время был скандал, когда я доложил руководству нашей компании о посещении амбара. Добродушный хулиган был предметом многочисленных нагоняев, которые он переносил с невозмутимым видом. Поскольку его рост составлял шесть футов шесть дюймов с половиной, физического наказания не применялось; в нем не было необходимости; он был так сильно напуган, когда услышал, как стоял под прикрытием моей винтовки, держа мой палец на спусковом крючке.

Глава вторая.

По индейской тропе.

Мы будем называть маршруты, по которым я путешествовал на моем обширном миссионерском поприще, “тропами индейцев”; но иногда это название оказывалось неподходящим, поскольку часто на протяжении десятков миль не было ни малейшего признака тропы. Это объяснялось тем, что летом было так мало путешествий, которые могли бы проложить четко очерченный маршрут, поскольку в это время года индейцы предпочитали пользоваться великолепными и многочисленными озерами и реками, которые позволяли им очень легко перемещаться на каноэ практически в любом направлении.

Таким образом, когда миссионеру приходилось преодолевать короткие отрезки так называемой “индейской тропы”, неудивительно, что иногда он сбивался с пути, и его приходилось искать, к большому удовольствию индейцев, составлявших охотничий отряд.

“Хороший миссионер, но он сбился со следа”. Так не раз обращался ко мне мой умный и опытный гребец-индеец на каноэ, с которым каждое лето я преодолевал сотни миль в отдаленные регионы, чтобы найти бедных овечек в пустыне, которым можно было бы проповедовать славное Евангелие Сына Божьего. Эти летние маршруты пролегали через множество озер, а также вверх и вниз по стремительным рекам, полным порогов и водопадов. Обычно моими спутниками были два искусных гребца-индейца, одного из которых звали “проводник”.

Индейцы, которых мы искали, естественным образом переместились со своих охотничьих угодий в лесах на берега озер и рек ради рыбы, которую в летние месяцы можно было легко добыть и которая тогда составляла их основную пищу. Результатом было то, что зимой с нашими собачьими упряжками мы могли отправиться куда угодно — ужасный ледяной король намертво замораживал все, от озер и рек до огромных трясущихся болот, — летом мы были ограничены теми путешествиями, которые можно было совершить только на каноэ из бересты: никаким другим способом Евангелие, которое он нес этим людям. После того, как мы привыкли к каноэ и собачьей упряжке, мы радовались, что были признаны достойными нести Благоую весть этим забытым людям, которые, потеряв веру в свое старое язычество, стремились к чему-то лучшему.

Однажды летом в первые годы моей миссионерской жизни, когда у меня было мало опыта в северных способах передвижения и я был новичком в поиске дороги на малоизвестной тропе, я предпринял путешествие, которое помню очень отчетливо; отчасти из-за трудностей, с которыми я справлялся в одиночку, а отчасти из-за опасностей, которым я подвергался, когда сбивался с пути.

Мое березовое каноэ было хорошим. Оно было сделано специально для преодоления порогов и было таким легким, что один человек мог легко нести его на голове, когда это было необходимо. Моими спутниками были два очень способных индийских гребца на байдарках. Один из них никогда раньше не ходил по этому маршруту, а другой, которого мы из вежливости называли “нашим гидом”, путешествовал этим путем всего один раз — и то за несколько лет до даты этой поездки.

Все трудоспособные мужчины из моей миссии, за исключением этих двоих, были в отъезде, служа Компании Гудзонова залива в качестве проводников, и это было причиной, по которой я не мог найти людей, лучше знакомых с долгим маршрутом. Я должен был либо взять этих людей и сильно рискнуть, либо подождать еще год, чтобы донести Евангелие до тех сотен людей, которые никогда его не слышали и которые обратились ко мне с мольбой прийти и рассказать им, что сказал Великий Дух в Своей Книге. Итак, после долгих молитв я решил, доверяя Богу и этим людям, отправиться в путешествие.

Местность, по которой мы путешествовали, была одной из самых суровых и диких в этой унылой, безлюдной стране. На реках было столько порогов, что нам постоянно приходилось переправляться волоком. Это была медленная и кропотливая работа. Наш метод действий был примерно таким: как только мы обнаружили, что течение слишком быстрое, чтобы быть безопасным, или что мы слышим какой-то сильный водопад, мы вышли на берег и быстро разгрузили наше каноэ; Уильям, проводник, легко поднял его на голову и, пустившись в путь, вскоре исчез в лесу, бежал, где это было возможно, и держался параллельно бушующему потоку, пока не достиг места, ниже которого вода снова была судоходной; Питер, другой мой индеец, как можно быстрее соорудил большой узел из наших одеял, котелков и припасов, и взвалил его себе на спину, опираясь на с ремнем для переноски на лбу он быстро пошел по следу, оставленному Уильямом; в то время как на меня была возложена работа по переноске ружей, боеприпасов, смены одежды, подарков и Библий для индейцев, которых мы рассчитывали навестить. Хотя мой груз был и близко не таким тяжелым, как тот, что несли мои отважные гребцы на каноэ, все же я был совершенно неспособен угнаться за ними на тропе. Индейцы, нагруженные таким образом, никогда не ходят пешком: кажется, что они скользят размашистой рысью, которая очень быстро несет их по земле. Белый человек, непривычный к такому темпу, очень скоро остается позади. Таков был мой опыт. Все, что я мог сделать, это храбро тащиться вперед со своим разнообразным грузом, который постоянно приходил в беспорядок, что приводило к задержкам.

Но моей самой большой проблемой было держаться тропы. Тропы не было абсолютно. Весь след был проложен двумя моими индейцами, а индейцы обучены оставлять как можно меньше следов своих передвижений. Так что я часто терялся. В начале пути я храбро взваливал на плечи свою ношу и старался не терять из виду своих людей. Однако я обнаружил, что это совершенно невозможно. Резкий поворот среди скалистых хребтов или нырок в густой темный лес — и они исчезали из поля моего зрения. Тогда начиналось мое недоумение. Если, как случалось иногда,

тропа вела по грязи, или по камышам, я обычно мог следовать по ней; но, как случалось чаще, тропа вела по скалистым гребням или через густые леса, иногда на многие мили, и я часто был совершенно сбит с толку и терялся.

Поначалу проблема заключалась в том, что, будучи слишком озадаченным или слишком неосведомленным о том, каким путем идти безопаснее, я ускорял шаг и спешил дальше — куда угодно. Снова и снова я спотыкался под своей тяжелой неуклюжей ношей, пока пот дождем не полился у меня со лба и не заболела спина. Не раз, когда я так спешил, меня пугал какой-нибудь дикий зверь, который с фырканием или рычанием бросался прочь передо мной. Это только прибавляло скорости моим шагам, и теперь, испуганный, я спешил дальше, пока совершенно измученный и измученный, не сбрасывал свою тяжелую ношу и не опускался на ближайший камень или бревно, совершенно обессиленный. Возможно, в своем невежестве и извращенности я забрел далеко, даже в направлении, противоположном тому, которое мне следовало бы выбрать.

Мне повезло, что у меня были такие люди в качестве товарищей. Я знал их ценность и преданность, а также их способность быстро найти меня. Как только они благополучно доберутся до конца волока, они будут настороже в ожидании моего прибытия. Если я задержусь дольше, чем они сочтут достаточным, они отправятся на поиски меня по обратной тропе. С тем безошибочным чутьем, которым так многие из них обладают в лесном деле и которое мне всегда казалось совершенно чудесным, они вскоре нашли то место, где я сбился с тропы. С этого момента у них не возникло ни малейших трудностей выследить меня и найти. Без всяких упреков, но, возможно, с жалостливым взглядом и тихим произнесением, которое звучало как “Хороший миссионер, но он потерял след”, они быстро подхватывали мою ношу и благополучно вели меня к ожидавшему нас каноэ. Все, что мне нужно было взять с собой, - это, возможно, Книга, которая была у меня с собой, чтение которой позволяло мне с пользой скоротать часы, которые часто проходили, прежде чем мои верные люди находили меня.

Мы питались только тем, что удавалось добыть, так как везти дополнительные припасы в березовом каноэ было невозможно. Удача охотника значительно разнится даже в стране дичи, и у нас, по крайней мере, было разнообразие в нашем рационе. Поскольку в этих диких краях все еще много черных медведей, мы иногда заказывали медвежий стейк, запеченный на углях, или ребрышки, нанизанные на палочку и красиво подрумяненные на огне. Когда у моих гребцов находилось время приготовить медвежьи лапы и отварить их, это было настоящей роскошью. На самом деле, тремя величайшими предметами роскоши, особенно ценимыми жителями этой страны, являются хвосты тяжеловеса, нос лося и лапы медведя. Редко удавалось подстрелить оленя во время этих прогулок на каноэ, если только это не происходило в крайних северных районах, где иногда кого-нибудь ловили заплывающим далеко от суши в большом озере. Когда один из них был убит таким образом, еды, конечно, было в избытке, но мы могли унести с собой так мало, что большую часть приходилось оставлять на съедение волкам, росомахам или другим диким животным. Однако, когда мы оставляем все это мясо на тропе, до нас доходят слова Псалмопевца:

“Он дает зверю пищу свою и молодым воронам, которые кричат”. Возможно, это было всего лишь исполнением Его великих замыслов, когда мы таким образом оставили всю эту пищу некоторым из Его созданий, которым “Он дает их мясо в должное время”.

Время от времени мы отстреливали диких уток, гусей и других водоплавающих птиц, которые давали нам самую вкусную пищу, как и бобры, дикие кошки и ондатры.

Наши ночи проходили там, где заканчивался дневной путь. Миссионеры почти во всех странах обычно могут найти какое-нибудь человеческое жилище, в котором можно раздобыть или приготовить еду и переночевать. В детстве я с большим интересом слушал рассказ о своих приключениях моего любимого отца, который в течение многих лет был миссионером-первопроходцем в так называемых дебрях Верхней Канады. Много было у него трудностей и опасностей, но я помню, как он обычно говорил, что обычно может найти удобную бревенчатую хижину дружелюбного поселенца, в которой можно провести ночь. Тропа по диким северным землям ведет через районы страны протяженностью в тысячи миль, где нельзя найти даже кожаного вигвама или вигвама из бересты, не говоря уже о доме. В результате, совершая такие путешествия, мы должны были сделать следующее лучшее, что нам оставалось, - разбить лагерь в том месте, где нас застигла ночь. Конечно, мы искали настолько удобное место, насколько это было возможно найти. Гладкий сухой гранитный камень в качестве постели и сухие дрова для разведения костров, на которых мы готовили еду и сушили одежду, всегда считались необходимыми условиями для комфортного лагеря. Теплые дни чередовались с сырыми и промозглыми, но ночи, как правило, были холодными. Яркий теплый походный костер всегда приветствовался с большим удовольствием после дневного путешествия в шестьдесят миль по тропе. Поистине приятны воспоминания о счастливо проведенных безмятежных часах, когда дневная работа была сделана хорошо и честно, а время отдыха заслужено. После сытной вечерней трапезы и молитв для каждого было роскошью размять затекшие конечности перед великолепным походным костром на скалистом берегу какой-нибудь большой реки или живописного озера. Тогда попытка почитать даже какого-нибудь любимого автора не всегда увенчивалась большим успехом. Казалось более приятным просто лежать там, размышлять и наблюдать за угасанием дня, за тем, как яркость постепенно гаснет на западном небосклоне, извезды на их скромном пути, одна за другой, появлялись в сознательном поле зрения, пока все небо не осветилось их сиянием. Единственными звуками были рев далекого водопада, музыка бегущего ручья, плеск волн у наших ног, прерываемый иногда ночами криком дикой птицы или зверя, доносящимся из-за деревьев окружающего леса. Спокойные, живописно одетые мужчины в своих величественных позах во многом усиливали привлекательность окружающей обстановки.

Тогда ночью очень близкими к сердцу и уместными были слова Псалмопевца: “Небеса возвещают славу Божию, и твердь показывает дело рук Его”; и “Когда я рассматриваю небеса твои как дело рук твоих, луну и звезды, которые ты предопределил; что такое человек, что ты помнишь о нем, и сын человеческий, что ты посещаешь его?”

Но ночи, проведенные на индейской тропе, не всегда были такими восхитительными или так располагали к возвышенным и неземным чувствам. Когда долгие ночные часы вокруг нас завывали циклонические ветры, дувшие с такой яростью, что потребовались вся наша бдительность и силы, чтобы не допустить, чтобы каноэ, одеяла и свертки унесло в озеро или реку, наши мысли были не среди звезд. Иногда собирались черные гроззовые тучи, и дождь обрушивался на нас потоками, туша наши костры, возможно, еще до того, как была приготовлена наша вечерняя трапеза, полностью промокая нас насквозь и продолжаясь иногда так долго, что на нас несколько дней подряд не было ни единой сухой нитки. При таких обстоятельствах, вычерпывая несколько кварт воды из нашей одежды или из одеял, в которых

мы спали, мы не были расположены сентиментальничать по поводу плеска волн на берегу или отдаленного водопада.

Таким образом, как в шторм, так и при солнечном свете, было необходимо, чтобы миссионер и его верные гребцы были на тропе, если хотели нести Книгу и провозглашать ее славные истины этим странствующим людям в их домах-вигвамах, в регионах столь отдаленных и недоступных, что никаким другим способом до них нельзя было добраться в короткие летние месяцы. Однако, несмотря на все трудности и опасности, достигнутые результаты с лихвой компенсировали их все. Физические страдания не заслуживают упоминания там, где была проделана успешная работа по обращению бессмертных душ, за которые умер Спаситель. Много было завоеванных трофеев и чудесных превращений, произошедших в результате этих трудных поездок по индийской тропе. Миссионеры, многие из которых все еще трудятся над ними, радуются, что их сочли достойными вынести такую суровость и “часто подвергаться опасностям” ради Его славы и спасения тех, за кого Он умер.

Что касается некоторых устойчивых результатов, достигнутых в результате этих рискованных поездок, то здесь описаны один или два случая.

Отправляясь в эти длительные путешествия, миссионер обычно брал с собой небольшой набор медикаментов. Он хорошо знал, что исцеление какого-нибудь больного члена семьи могло бы затронуть многие ожесточенные сердца и преодолеть многие предрассудки, когда все другие средства повлиять на них во благо на данный момент потерпели неудачу.

В одной отдаленной языческой деревне жил человек, который категорически отказался стать христианином. Когда его убеждали принять христианство, он самым решительным образом повторил наиболее распространенное среди них выражение: “Как жили и умерли мои отцы, так буду жить и я”.

Однажды он пришел ко мне в состоянии сильного замешательства и, поговорив о нескольких вещах, упомянул о благодарности, которая была в его сердце из-за того, что я вылечил его жену, которая долгое время была больна. Однако то, как он выражал свои мысли, свидетельствовало о большом невежестве, в условиях которого он жил. Его слова были примерно такими, и произнесены они были наиболее выразительно:

“Миссионер, моя жена долго болела. Я пошел к знахарю моего народа, чтобы вылечить ее. Он пытался и пытался, но не смог принести ей никакой пользы. Тогда я пришел к вам, и ваши лекарства вылечили ее, и вскоре она поправилась. Итак, я считаю, что, поскольку ваше лекарство сильнее, чем у знахарей нашей религии, ваша религия должна быть лучше нашей. Мы с женой обсудили это и хотим посидеть у ваших ног и узнать об этом новом способе”.

Конечно, в его сознании было много ошибочного, и мне пришлось объясняться буквально и просвещать его, прежде чем я смог начать учить его истинам Евангелия. Однако я покорила его сердце, и это было половиной битвы. Теперь, предрасположенные к правде, он и его жена с радостью приняли ее. Они стали искренними и ревностными христианами, и оба стали благословением для своего народа.

Жил-был великий охотник, у которого был единственный сын. У него было несколько дочерей, но они были ничем в его глазах по сравнению с его маленьким мальчиком. Однажды ребенок заболел, и за знахарем племени послали в большой спешке, за знаменитым старым

фокусником по имени Тапастанум. Он немного разбирался в кореньях и травах, но, как и другие колдуны его народа, притворялся, что в своих излечениях полагается на свои заклинания. С большими церемониями он достал свою священную аптечку, амулеты, трещотку и барабан. Затем, нарядившись самым отвратительным образом, он начал свои дикие заклинания. Он выл и вопил, тряс погремушкой и бил в барабан. Однако все было напрасно. С течением дней ребенку становилось все хуже. Видя, что улучшения не наблюдается, отец сильно встревожился и потерял всякую веру в силу Тапастанума. Опасаясь, однако, обидеть его, он преподнес ему несколько подарков в виде чая и табака и сказал, что ему не нужно утруждать себя приходом снова. До этого времени он отказывался слушать наставления миссионера. Он был громок и почти преследовал в своем противодействии проповеди Евангелия среди своего народа и отказался прийти туда, где дружелюбные индейцы собирались под деревьями, чтобы послушать чтение и объяснение Слова.

Однако, как и все индейцы, он был очень наблюдателен, и от его внимания не ускользнуло, что бледнолицый добился некоторых исцелений, которые были слишком трудны для местных знахарей. Итак, когда он увидел, что его маленькому мальчику становится все хуже и хуже, несмотря на все крики и ужимки фокусника, как только тот отпустил его, он пришел за миссионером и тоном, совсем не похожим на тот, которым он говорил вначале, почти умолял его прийти и спасти его маленького мальчика.

“Я сделаю все, что в моих силах”, - сказал миссионер, который был благодарен за возможность таким образом, возможно, завоевать его дружбу и привести его ко кресту.

Когда он осмотрел мальчика, то обнаружил, что это серьезный случай воспаления, поэтому он откровенно сказал отцу, что, поскольку болезнь длилась так долго, трудно сказать, сможет ли он вылечить его или нет, но он с радостью сделает все, что в его силах. Отец-индеец убеждал его немедленно начать делать все возможное для спасения его мальчика, говоря, что он был бы очень рад, если бы его ребенок выздоровел, и не стал бы винить миссионера, если бы тот умер.

Были незамедлительно приняты меры, и с Божьего благословения и тщательного ухода ребенок выздоровел, к великой радости отца.

Вскоре после этого, когда миссионер собрал людей на религиозную службу, он был рад увидеть прислонившегося к отдаленному дереву некогда упрямого старого индейца, чей сын был исцелен. Было очевидно, что ему не терпелось услышать, что скажет тот миссионер, который вылечил его мальчика, и, джест, он все еще был слишком горд, чтобы прийти и посидеть с дружелюбными индейцами, которым не терпелось узнать о послании, которое Великий Дух послал людям. Поэтому он пошел на компромисс, заняв позицию на задворках аудитории.

К счастью, миссионер был одарен сильным чистым голосом, поэтому без каких-либо видимых усилий он рассказал историю Божьей любви в Иисусе Христе таким тоном, который был отчетливо слышен всем, даже стоящему вдалеке охотнику, прислонившемуся к дереву.

Этот индеец очень внимательно слушал все, что было сказано, и так заинтересовался, что на следующей службе стоял у дерева значительно ближе к говорившему. На следующем служении он был среди собравшихся, а несколько недель спустя был у Креста счастливым обращенным человеком.

Было интересно и восхитительно слушать его последующие извинения и упреки в свой адрес за упорное противодействие тому, чему он сейчас так радовался. Среди прочего он сказал бы:

“Но, миссионер, ты же знаешь, что я была такой глупой и упрямой. Тогда я был слеп и глух, но теперь я вытер пыль из глаз, выдернул мох из ушей, так что теперь я ясно вижу и слышу в полном порядке. Тогда я мог говорить только резкие вещи против Книги, которая, как я думал, предназначена только для белого человека, но теперь я обнаружил, что она предназначена для каждого, и мне нравится думать и говорить о том хорошем, что она принесла нам”.

Много веков назад Исайя пророчествовал:

“Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих откроются;

“Тогда хромой прыгнет, как олень, и язык немого запоеет;

“Ибо в пустыне пробьются воды и в пустыне потекут ручьи”.

Здесь, в этой дикой северной стране, как, слава Богу, это было на многих других миссионерских полях, это славное пророчество исполнилось и исполняется в буквальном смысле. Глаза, долгое время духовно ослепленные, теперь открыты, чтобы узреть благословенный свет, глухие уши раскрылись и теперь слышат Его любящий голос, а языки, развязанные Его силой, оглашают пустыню хвалой Ему.

Глава третья.

Практическая работа в индийских домах.

С тех пор, как было открыто сердце Африки благодаря неукротимому мужеству и рвению таких людей, как Спик и Моффат, Бейкер и Ливингстон, Стэнли и Камерон, Бишоп Тейлор и других, возможно, одной из наименее известных частей этого пригодного для жизни земного шара является северная часть великого Доминиона Канада. Открытие богатых золотых приисков в районе реки Грейт-Юкон - большая часть которых, безусловно, находится на территории Канады — привлекает внимание к этой доселе неизвестной северо-западной части великого Доминиона и, несомненно, приведет к тому, что она станет более известной.

Это правда, что в этой великой стране есть обширные регионы, которые не представляют особой ценности для цивилизованных людей как дом. Тем не менее, существуют сотни миллионов акров плодородной земли, самой плодородной в мире, и тысячи людей ежегодно приезжают сюда и вступают во владение тем, что еще станет одним из крупнейших районов земного шара по производству пшеницы.

С востока на запад через Доминион проходит великая Канадско-Тихоокеанская железная дорога, самая длинная в мире. Эта великая дорога не только нарушила долгое молчание дикой природы и открыла величайший путь на Восток, но и выбила индейцев из колеи в их уединении в прериях и лесах; она не только привела торговлю в их деревни-вигвамы, но и привела миссионеров с Библией к самым их дверям.

Но к северу от этих новых провинций, где слышен свисток железного коня, находятся обширные регионы, которые так же свободны от набегов предприимчивых первопроходцев, как и пустыня Сахара. Это страна великолепных озер и рек с их несметным запасом рыбы. Ее обширные леса и болота изобилуют пушными животными, представляющими огромную ценность. Медведи и волки, северные олени и лоси, а также многие другие животные, на которых любят охотиться индейцы, существуют в большом количестве.

Индейские племена этих северных регионов живут исключительно охотой и рыбной ловлей. Они не воинственны, как племена великих прерий, но в их языческом состоянии существует много мерзких обычаев, которые показывают, что они такие же плохие, как и те, кто наслаждается войной, и так же сильно нуждаются в Евангелии.

Миссионеры различных деноминаций отправились в эти отдаленные регионы, пережили множество лишений и посвятили свои жизни благословенному делу обращения в христианство, а затем и цивилизации этих давно забытых людей. Они трудились не напрасно. Тысячи людей отказались от своего язычества и стали искренними христианами. Миссионерская жизнь в такой стране и среди такого народа, как легко себе представить, сильно отличается от жизни в других странах.

Поскольку эти миссионерские поля находятся в таких высоких широтах, зима здесь очень долгая и суровая. Следовательно, чтобы жилье было хоть сколько-нибудь комфортным, оно должно быть построено очень тепло. На этой земле нет известняка, а следовательно, и извести. В качестве плохой замены используется грязь. Дома построены с каркасом из квадратного бруса, который хорошо обработан, а щели хорошо забиты мхом и грязью. Когда она полностью высохнет и станет максимально воздухопроницаемой, здание обшивается вагонкой и облицовывается рифлеными досками. Для защиты от сильного холода используются двойные окна. При хорошей постройке и уходе некоторые из этих домов довольно удобны; они сильно отличаются от убогих, неуютных жилищ, в которых довольствовались некоторые из первых миссионеров.

Поскольку в этих регионах повсюду большие леса, в качестве топлива используется древесина, а не уголь. Большие коробчатые печи раскаляются докрасна днем и ночью с октября по май.

Пища, которой питались миссионеры, была такой же, как и у индейцев. Мука была почти неизвестна. Рыба и дичь обеспечивали пропитание почти всем. Это правда, что много лет назад в великом Саскачеване бригады лодок приходили на фабрику Norway house and York, нагруженные огромным количеством пеммикана и сушеного мяса буйволов; но с тех пор огромные стада буйволов были истреблены, и широко известный пеммикан теперь - всего лишь воспоминание о прошлом. В последний раз я видел причалы почты Компании Гудзонова залива в Норвежском доме, заваленные мешками с пеммиканом, в 1871 году. Этот пеммикан представлял собой толченое мясо буйволицы, смешанное с жиром и законсервированное в больших пакетах, сделанных из зеленых шкур забитых животных, и был пищей, которая в течение нескольких месяцев каждого года разнообразила наш рыбный рацион. Оно было полезным и питательным для людей с хорошим аппетитом и неповрежденными органами пищеварения; но тем, кто не "родился таким" или не привык к нему всю свою жизнь, оно казалось, приготовленное или сырое, скорее напоминающим мыльный жир, чем что-либо более привлекательное. Вырезанное ушло, чтобы больше не возвращаться: к большому удовлетворению одних и к сожалению других.

Я и мои индийские рыбаки обычно ловили около десяти тысяч белых рыб жаберными сетями каждый октябрь и ноябрь. Мы развешивали их на больших помостах, где они замерзали, твердые, как камни. Несколько сотен мы упакуем в снег и лед для использования в следующем мае, когда те, кто останется на сценах, начнут страдать от последствий весеннего тепла. Эти десять тысяч рыб были нужны семье миссионера и его собакам: верные собаки, от которых требовалось так много, питались ими постоянно, в то время как семья миссионера подавала их на стол двадцать один раз в неделю в течение шести месяцев.

Зимой у нас были определенные виды дичи, которую я подстрелил или которую индейские охотники привезли и обменяли у нас на чай, сахар, хлопок, фланель или другие вещи. Вся торговля велась по бартеру, так как в то время на земле не было денег. В весенние и летние месяцы иногда удавалось добыть дикого гуся или несколько уток, которые оказались приемлемым дополнением к нашему меню.

Раз или два за лето суда Компании Гудзонова залива — крупнейшей торговой корпорации страны — привозили нам из цивилизации наши годовые запасы. Они состояли из нескольких мешков муки, бочонка с валиком, банки каменноугольного масла, чая, сахара, мыла и лекарств. Они также привезли ряд простых, но хороших предметов одежды и галантереи, которые были необходимы нам в нашем собственном доме, и которыми мы также платили индейцам, которых нам приходилось нанимать в качестве рыбаков, погонщиков собак, гребцов на каноэ или проводников во время моих долгих путешествий по огромному миссионерскому полю площадью в несколько сотен квадратных миль.

К нам поступало так много обращений в связи с болезнями и ужасающей нищетой людей, что часто наш небольшой запас муки вскоре заканчивался. Вскоре последовали другие предметы роскоши, и в доме миссии, как и в вигвамах туземцев, основным продуктом питания была рыба, рыба, еще раз рыба.

Так много людей интересовались, как нам с миссис Янг удалось так долго жить и процветать, поддерживать здоровье и бодрость духа на почти исключительно рыбной диете, что я приведу здесь план, которого мы придерживались.

Мы были в добром здравии, очарованы нашей работой и благодарны ей. У нас обоих было так много дел, и мы были очень заняты либо в нашем собственном уютном маленьком бревенчатом домике, либо на улице, среди индейцев, что аппетит у нас, как правило, был очень хороший, и мы были готовы к трапезе, как только она была для нас готова. И все же, в конце концов, само однообразие неизменного рыбного рациона иногда оказывалось для нас непосильным. Возможно, мы сидели бы за столом для быстрого перекуса, ни у одного из нас не было бы аппетита к рыбе, стоящей перед нами. Мы потягивали чай, очевидно, не замечая, что рыба была непроверенной, и обсуждали наши планы на день.

“Моя дорогая, - спрашивал я, - что ты собираешься делать сегодня?”

“Я попрошу Кеннеди запрячь моих собак и отвезти меня вверх по реке в Плейгрин-пойнт, чтобы посмотреть, как поживает эта старая больная женщина, и передать ей теплое одеяло, которое я ей обещал. Я также остановлюсь, чтобы посмотреть, как поживают эти больные малыши и как процветают маленькие близнецы Нэнси. Во второй половине дня я хочу съездить в Йорк—виллидж и навестить больную жену Усемему - Какая у вас программа на день?”

На вопрос моей доброй жены я бы ответил примерно так:

“Ну, во-первых, поскольку стало известно, что волки побывали на нашем рыбном складе, мы с Мартином Папанекисом договорились съездить туда с собаками, чтобы оценить масштабы ущерба. Мы можем задержаться на несколько часов, сделав это место настолько укрепленным, что, если они посетят его снова, что вполне вероятно, они не смогут добраться до рыбы. Затем мы проведем остаток дня в этих окрестностях, навещая соседей и молясь вместе с ними”.

Выпив чаю, мы помолились и вскоре после этого приступили к выполнению дневных программ.

В течение нескольких зим мы держали для выполнения наших разнообразных обязанностей несколько собак. У нас с миссис Янг у каждой были свои любимые собачьи дрессировки. Индейцы были так широко рассеяны и по таким разным причинам обращались к нам и требовали нашего внимания, что наша жизнь была полна не только забот об их благополучии, но и того, что мы иногда целыми днями были в “разъездах”, часто преодолевая каждый день по несколько миль, навещая больных и страждущих и заботясь об интересах тех, кто нуждался в нашей личной помощи.

В тот конкретный день, когда состоялся разговор, записанный выше, наша работа была завершена уже после наступления темноты, и мы собрались в нашей маленькой столовой за вечерним ужином. На самом деле это был первый прием пищи за день; ибо у нас было молчаливое понимание, что, когда настанут такие времена, что мы не сможем по-настоящему насладиться нашей рыбной диетой, мы решительно проведем весь день за работой, не пробуя пищу. В результате, когда мы подошли к столу после того, как отказались от утреннего завтрака и проигнорировали полуденную трапезу, мы обнаружили, что к нам вернулся аппетит, даже к рыбе, и мы получили от нее огромное удовольствие. И что более того, аппетит к ним сохранялся у нас еще довольно долгое время после этого.

Голод по—прежнему является хорошим соусом; и мы обнаружили — и другие также сделали то же открытие, - что, когда пропадает аппетит и появляется склонность критиковать или придирается к еде или даже к повару, добровольное воздержание в течение двух или трех приемов пищи будет наиболее полезным для ума и тела и вернет очень четкое понимание некоторых Божьих даров, которые до сих пор мало ценились.

Конечно, великой и выдающейся работой была проповедь Евангелия и обучение людей читать Слово Божье. Этой последней работе мы посвящаем целую главу, поэтому нет необходимости ссылаться на нее здесь. Возможно, после непосредственных результатов, полученных от проповеди Слова Божьего, мы добились наибольшего успеха благодаря медицинской работе.

Индейцы увлекаются медициной и верят в большие дозы. Чем острее доза кайенского перца или чем более горьким является любое сильнодействующее лекарство, тем больше они наслаждаются им и тем больше верят в его способность излечивать. Некоторые из них прибегали к различным уловкам, чтобы уговорить нас угостить их чашкой хорошего крепкого чая, вдвойне горячего с добавлением красного перца. По их мнению, такая доза была полезна практически при любой болезни, которой они могли страдать, и особенно приветствовалась в холодные зимние дни, когда ртуть сильно замерзала, а спиртовой термометр показывал от сорока до шестидесяти градусов ниже нуля.

Практическое сочувствие всегда находило отклик в сердцах некоторых людей и так влияло на них, что в конечном итоге они были приведены ко Христу.

Люди были настолько бедны, что возможностей помочь им было много. Если смотреть с нашей точки зрения комфорта, у них было очень мало средств, чтобы сделать себя счастливыми. Их владения были действительно невелики. Владея землей сообща, ни у кого из них не было в ней богатства; но не было и никаких землевладельцев или арендной платы. Всем остальным их имуществом были вигвамы, капканы, сети, ружья, каноэ, собаки и одежда. Они жили впроголодь, поскольку у них не было возможности хранить какие-либо излишки еды, даже если им когда-нибудь посчастливится раздобыть больше, чем им нужно для удовлетворения своих насущных потребностей. Если кому-то и удавалось убить несколько оленей или медведей, они почти не предпринимали попыток высушить или сохранить часть мяса для использования в будущем. Очень редко из части оленины готовили немного оленьего пеммикана, но это был исключительный случай. Общий план состоял в том, чтобы держать дом открытым после удачной охоты, когда котелок постоянно кипит, всех приветствуют и велят вкусно поесть, пока хватит запасов. Его действительно считали подлым человеком, которому посчастливилось добыть большое количество дичи, но он не делился ею со всеми, кто случайно попадался под руку. Это гостеприимство часто было заслужено до такой степени, что у самого охотника или у его собственной семьи почти ничего не оставалось.

Таким образом, жизнь среди индейцев на протяжении долгих поколений была своего рода коммунизмом. Ни один несчастный в деревне на самом деле не умер с голоду, пока в общине были сиг или ляжка оленины. Это означало "пировать вместе, когда много"; "голодать вместе, когда много". Сначала они не могли понять, почему, когда у миссионера что-то было в его миссионерском доме, он не решался раздать это любому, кто сказал, что он голоден. Этот план, заключавшийся в том, чтобы раз в год получать перед внешним миром запасы на целый год, действительно был для них загадкой. У них была идея, что было очень приятно видеть, как так много вещей прибывает на лодках компании; но когда они оказались в доме, индейцы-язычники решили, что они должны быть израсходованы так быстро, как только кто-нибудь о них попросит. Практика распределять припасы так, чтобы их хватило на двенадцать месяцев, была стилем процедуры, который не раз заставлял миссионера, который строго придерживался ее, считаться подлым, скупым и очень недружелюбным. Они даже усомнились в правдивости одного бережливого, осторожного миссионера, который применял эту систему. Когда его попросили помочь нескольким голодающим индейцам, он отказался под предлогом того, что у него ничего не осталось, зная, что месячный запас закончился. Они исходили из того факта, что знали, что у него припасен остаток годового запаса.

Одним из очень интересных этапов нашей работы было помочь индейским семьям, переехавшим из вигвама в уютный маленький домик, приобщиться к тайнам цивилизованного ведения домашнего хозяйства. Это правда, что эти дома не были очень большими или внушительными. Как правило, они были построены только из бревен, хорошо обмазанных мхом и грязью, и состояли всего из одной комнаты с камином в торце или сбоку. По мере возможности люди устанавливали перегородки и добавляли различные маленькие удобства. Поначалу, когда семья переезжала в один из таких домов, некоторые из ее членов были очень склонны придерживаться своих привычек вигвама. Поскольку они были очень неуклюжими и намного ниже того, что мы считали их возможностями для методичного и опрятного ведения домашнего хозяйства, пришлось дать им несколько практических уроков. Поскольку они были

готовы учиться, были приняты различные планы и методы, чтобы помочь им. Следующий был наиболее успешным и, возможно, в целом, для всех заинтересованных сторон, самым интересным. Когда мы узнавали, что несколько новых домов были возведены и перешли во владение семей, которые не знали другого жилья, кроме своих вигвамов, я объявлял с кафедры в субботу, что в течение недели, в связи с моими пастырскими визитами, мы с миссис Янг будем обедать в доме Пугамагона в понедельник, во вторник с Остасему и в среду с Осемему. Эти объявления поначалу вызвали большой ужас среди упомянутых семей. Когда служба заканчивалась и мы выходили из церкви, к нам обращались мужчины, имена которых я упоминал, обычно в таких словах:

“Могли ли мы поверить своим ушам сегодня, когда нам показалось, что мы услышали, как вы сказали, что вы и Оокемаскао (индейское имя миссис Янг) придете к нам обедать?”

“Конечно, с вашими ушами все в порядке. Это то, что они слышали, и это то, что мы думаем сделать”, - был бы наш ответ.

“Мы не можем предложить вам ничего, кроме рыбы”, - обычно был их ответ, произносимый с сожалением.

“Ну, все в порядке. Это то, что мы обычно едим дома”, - отвечали мы.

“Ну, но у нас пока нет ни стола, ни стульев, ни посуды, подходящих для вас”, - было бы их следующим возражением.

- Все в порядке, мы идем.

Тем временем их наполовину перепуганные жены стояли позади своих мужей, внимательно прислушиваясь к разговору.

Когда они обнаруживали, что перечисление недостатка разнообразия блюд и бедности их новых домов не может поколебать нашу решимость пообедать с ними, они почти в отчаянии говорили:

“Ну, и что нам нужно сделать, чтобы быть готовыми принять вас?”

“Это тот самый вопрос, который мы хотели вам задать”, - отвечал я. “Теперь я скажу вам, что у нас на сердце. Приготовьте побольше рыбы, а мы позаботимся об остальном ужине. Но есть несколько других вещей, о которых мы беспокоимся и на которые мы хотим, чтобы вы обратили внимание: во-первых, мы хотим увидеть, когда навестим вас, насколько чистым и милым будет ваш новый дом; затем, мы также хотим увидеть, насколько опрятными будут члены семьи; мы также хотим увидеть, насколько яркими и отполированными будут все ваши чайники, кастрюли и тарелки. Мы оба приедем к вам домой, как я и объявил, так что будьте начеку и готовы к встрече с нами. Я верю, что мы все хорошо проведем время”.

Несколько успокоенные этой беседой, они расходились по домам.

Вскоре после завтрака в понедельник утром у миссис Янг будет свой собственный собачий поезд, и кариолу доставят к дверям, и с помощью заботливых рук кариолу быстро погрузят для посещения дома индейцев, объявленного на этот день.

Возможно, здесь будет уместно заявить, что мы никогда не наносили подобных визитов нашим индейцам, за исключением тех случаев, когда у нас было в избытке каких-либо припасов в доме миссии, и, таким образом, мы могли привезти достаточно рыбы, которой запаслась семья, для сытного ужина. Итак, в своей столовой у миссис Янг был не только обильный запас еды с большим количеством чая и сахара, но и большая скатерть, тарелки, ножи, вилки, ложки и другие предметы первой необходимости. Около девяти часов ее отвезли в дом престарелых, где с некоторым трепетом ожидала ее приезда будущая семья. Они пришли на работу очень рано, и никогда еще пол из хорошо оструганных еловых досок не сиял такой белизной. В течение нескольких часов его оттирали; неограниченное количество смазки для локтей, смешанное с небольшим количеством мягкого мыла, приготовленного из крепкого щелока и жира жирной собаки, сделало работу наиболее совершенной. По лицам детей было видно, что они были тщательно отполированы, в то время как вся семья была одета в свои воскресные наряды. Каждый чайник свидетельствовал о раннем часе, в который семья встала и приступила к работе.

Инструкции, данные мне, заключались в том, что я не должен был появляться примерно до половины первого, и я был так заинтересован, что, как правило, приходил вовремя.

Это было очень приятное зрелище, которое меня встретило, и очень сердечный прием, который я получил. Каждый член семьи просто сиял от счастья, и моя добрая жена самым тщательным образом подхватила эту заразу. Я, конечно, пожал всем руки и поцеловал толстенького младенца в его причудливой колыбели из мешков с мхом. Затем нам быстро сообщили о том, что было совершенно очевидно, - ужин готов. В доме не было ни стула, ни стола. Белоснежная скатерть была расстелена на почти таком же белоснежном полу, и на ней были расставлены по порядку тарелки, чашки и блюда, ножи и вилки. Затем ужин, приготовленный в различных горшочках и сковородках у просторного камина, был подан наверх, или, скорее, вниз, и мы расселись на полу, как индейцы, на отведенных нам местах. После того, как было испрошено благословение небес, начался пир. Меню было не очень изысканным. Избалованные дети роскоши, потерявшие аппетит, могли бы посмеяться над этим, но для нас, жителей той страны, и особенно для этой счастливой индийской семьи, это было одно из величайших событий в их жизни. Миссионер и его жена были счастливы, потому что видели этих бедных людей такими счастливыми.

Примерно три часа миссис Янг была инструктором на родине своих дочерей в Индии, поскольку под ее руководством они готовили этот обед, и они очень гордились своим учителем.

Обед прошел с большим успехом, и после того, как он закончился и все наелись досыта, Библия, написанная слоговыми буквами, была извлечена и прочитана, когда все благоговейно преклонили колени, миссионер с радостным сердцем вознес горячую молитву о том, чтобы небесное благословение вечно пребывало в этом доме.

Предполагалось, что после молитвы я уйду, а миссис Янг останется до конца дня. Когда вечером она возвращалась в наш миссионерский дом, уставшая, но очень довольная проделанной за день работой, она рассказывала мне о том, что произошло во второй половине дня. Конечно, первым делом нужно было научить женщин красиво и аккуратно мыть и убирать посуду; затем, когда они были готовы к послеобеденной работе, в доме еще раз подметали. Иногда счастливой матери-индианке удавалось достать хороший кусок ткани для платья, который она теперь любила. Муж-христианин купил ей в обмен на свои ценные меха. Миссис Янг должна была

скроить и подогнать это платье. Когда ее спрашивали, как она хотела бы, чтобы оно было сшито, она обычно отвечала:

- Пожалуйста, Оокемаскао, вырежь его так, чтобы оно было похоже на то, что было на тебе в церкви в прошлое воскресенье.

Итак, насколько это было возможно, платье было скроено и подогнано в этом стиле, началось его шитье и были даны подробные инструкции, чтобы владелица могла продолжать работу, пока не запутается в ее тонкостях, когда она придет в дом миссии за помощью, и так далее, пока работа не будет завершена.

В дополнение к такой помощи в пошиве одежды следовало давать уроки латания и штопки, а также удлинения или дополнения платьев быстро растущих индийских девочек.

Таким образом, мы переходили от дома к дому, и в течение долгих лет после этих визитов сохранялись хорошие результаты; таким образом, в жизни этих индейских женщин пробудилось благородное честолюбие пытаться вести домашнее хозяйство, как Оокемаскао; и таким образом, они старались показать своим мужьям и детям, что они больше не хотят вести беспечный образ старой языческой жизни, но, поскольку теперь они стали христианками по своей профессии, в их домах будут опрятность и опрятность, которые должны принадлежать тем, кто так назван.

Глава четвертая.

Как передается Евангелие: на каноэ летом; на Собачьей упряжке зимой.

Эта великая северная страна - страна бесчисленных озер и рек. К сожалению, многие ручьи изобилуют порогами, и навигация по ним, как это обычно понимается, невозможна. Следовательно, единственный способ путешествовать по ним летом - это легкое березовое каноэ или какое-нибудь другое плавсредство, настолько портативное, что его можно переносить или тащить по многочисленным волокушам, которых так много в этой стране водопадов.

С незапамятных времен березовое каноэ считалось частью ремесла индейцев. Столетия его использования позволили ему настолько усовершенствоваться, что, хотя белый человек и предпринимал попытки улучшить его, они были не очень успешными.

Один из наших миссионеров, который был одним из лучших гребцов на байдарках в стране, был достаточно самонадеян, чтобы вообразить, что прекрасное кедровое каноэ белого человека превосходит берестяные каноэ туземцев. Он был настолько уверен в этом, что ценой немалых хлопот и затрат заказал одну из самых лучших моделей, присланную ему из Онтарио в Norway House. На прекрасном озере Плейгрин и в других подобных местах ему это удивительно понравилось; но когда он отправился в свое миссионерское путешествие, индейцы, которые лучше всех разбираются в таких вещах, убедили его не пытаться преодолевать на этой красивой, но ненадежной лодке бурные пороги могоучего Нельсона или других великих рек. Он,

однако, только посмеялся над их страхами и протестами. Некоторые из них вместе отправились в долгое миссионерское путешествие, одной из целей которого была помощь в строительстве новой церкви. Какое-то время возведение маленького святилища в дикой местности шло непрерывно, к большому удовольствию местных индейцев-христиан, которые давно мечтали о святилище, в котором можно было бы поклоняться Богу.

Обеспечение достаточного количества пищи для строителей было одной из обязанностей, которая ложилась на миссионера и доставляла ему немало беспокойства. Когда припасы, которые были добыты, были почти исчерпаны и казалось, что строительные работы придется прекратить из-за нехватки продовольствия, от нескольких проходивших мимо охотников дошли слухи, что они видели изобилие осетровых, резвящихся у подножия некоторых больших порогов реки Нельсон. Поскольку они считаются вкусной и питательной пищей, сразу же была подготовлена экспедиция, чтобы поймать как можно больше из них. Сам миссионер, энергичный, деятельный человек, взял на себя руководство отрядом и настоял на том, чтобы отправиться в путь на своем прекрасном кедровом каноэ. Когда они достигли начала порогов, у подножия которых, по сообщениям, видели осетровых в таком количестве, была устроена короткая передышка, прежде чем была предпринята попытка спуска. Все индейцы протестовали против решимости миссионера преодолеть такие дикие пороги на каноэ, которое, как они были уверены, совершенно не приспособлено для такого опасного путешествия. Миссионер, однако, был упрям и равнодушен к их мольбам. Когда они увидели, что их слова не возымели действия, старый опытный проводник, чтобы изменить его решение, сказал:

- Что ж, тогда позволь одному из нас отправиться с тобой, чтобы он сидел на корме твоей лодки и помогал тебе управлять, а также своим весом поддерживал нос твоего каноэ высоко, пока мы преодолеваем пороги.

От этого любезного предложения рискнуть и разделить опасности он также отказался, сказав, “что он может отправиться в своем каноэ белого человека туда, куда индеец может отправиться на бересте”. Их возражение против его каноэ заключалось в том, что оно было построено недостаточно высоко спереди, и поэтому, когда он совершал последний дикий рывок по стремнине, где уклон в воде был таким крутым, вместо того, чтобы лодка поднималась, как утка, на бешеных волнах у подножия, она погружалась под воду, как бревно, и исчезала.

Для упорного миссионера было бы лучше, если бы он прислушался к советам этих опытных людей, которые знали, о чем говорят. Он, однако, прервал их, приказав сесть в свои каноэ и плыть дальше, и вскоре он последует за ними. С сожалением они оставили его там, сидящего на камне и неторопливо наблюдающего за тем, как они отправляются в опасное путешествие. Проявив осторожность и сноровку, все индейцы преуспели в успешном преодолении этих опасных порогов, которые столь же дикие и свирепые, как и любые другие в реке Святого Лаврентия. Как можно быстрее они сошли на берег у подножия холма и, с сердцами, полными дурных предчувствий, собрались в таком месте, откуда могли наблюдать за удаляющимся миссионером.

Увы! их опасения были слишком обоснованны. Вниз по стремительной, ревущей реке они увидели приближающегося храброго, но опрометчивого человека. С непревзойденным мастерством в верховьях порогов он управлял своим прекрасно отполированным судном; но когда был сделан последний дикий прыжок у подножия, и каноэ, и миссионер внезапно

исчезли. Прошло много дней, прежде чем бедное гниущее тело было найдено далеко вниз по течению великой реки.

Там, на берегу, есть одинокая могила, и на маленьком надгробии, установленном любящими руками, высечено имя этого храброго, но опрометчивого человека.

Для изготовления первоклассного индийского каноэ бересту необходимо снимать с дерева в нужное время года с величайшей осторожностью. Каркас должен быть устроен с умением и точностью, которые приходят только после долгой практики. Дело в том, что первоклассные мастера каноэ были примерно такой же редкостью среди племен, как первоклассные поэты в цивилизации. Многие индейцы умели мастерить каноэ; но было несколько человек, чья слава о их великолепных ремеслах была известна повсюду и которые всегда могли получить самую высокую цену за все, что они могли изготовить.

Это действительно замечательно, учитывая капризный характер каноэ в лучшем его проявлении, какие путешествия на нем можно совершить. Мы с моим опытным гребцом на байдарках преодолевали дикие пороги и пересекали штормовые озера больших размеров. Мы жили за счет дичи, которую удавалось подстрелить на бегу, спали на камнях или песчаном пляже там, где нас застигала ночь, и всегда были благодарны, когда находили небольшие группы индейцев, которых искали. Поскольку они, как правило, стремились услышать правду, между религиозными службами было потеряно мало времени. Длинные проповеди и обращения были обычным делом дня; и часто с раннего утра до поздней ночи у нас были лишь короткие перерывы для того, чтобы наскоро перекусить рыбой или дичью.

По мере того как мы переходили с места на место, наша еда готовилась и съедалась на открытом воздухе, и в течение нескольких дней мы не встречали ни одного человека. Наша кровать стояла на нескольких ветках бальзамина, если таковые были доступны; если нет, то очень хорошо подходила гладкая гранитная скала или песчаный пляж. Мы были настолько здоровы, и работа и ее окружение были нам так приятны, что у нас не было бессонных ночей, за исключением тех случаев, когда на нас нападали мириады комаров или над нами проносилась сильная гроза. Тогда ночи были не такими приятными, и мы приветствовали наступление дня, даже если из-за шторма выяснилось, что в наших припасах было сыро.

Таков был общий план наших действий: когда мы доберемся до одной из маленьких индейских деревень в то время, которое было, возможно, оговорено за шесть месяцев или год до этого. Все, кто, возможно, мог приехать с прилегающих рыбацких или охотничьих угодий, были там, чтобы встретить меня; затем в течение нескольких дней проводились службы, после чего индейцы возвращались в свои другие охотничьи угодья, в то время как я снова спускал на воду свое каноэ и с моими опытными гребцами плыл к какому-нибудь другому месту, где собиралась другая группа индейцев, ожидающих моего прибытия и жаждущих услышать славное Евангелие Сына Божьего.

Очень ценным было это Слово для этих столь изолированных людей. Прибытие миссионера на свое каноэ, чтобы проповедовать им и, возможно, научить их самостоятельно читать драгоценную Книгу, было одним из немногих счастливых перерывов в течение коротких летних месяцев в их одинокой, монотонной жизни. Они всегда ожидали моего прихода, и особенно те, кто отрекся от своего язычества и принял христианство, оказали мне сердечный прием, даже если это было выражено в их спокойной, достойной манере.

Бдительность и острота слуха индейца, так же как и зрения, были для меня чем-то примечательным. Следующая хорошая иллюстрация этого. Однажды летом, путешествуя таким образом, я высматривал нескольких дружелюбных индейцев, место для лагеря которых каждое лето определялось обилием запасов пищи. Стремясь использовать как можно больше времени, мы с моими людьми отплыли на нашем каноэ в четыре часа утра. Чтобы ускорить наше продвижение, мы вышли на середину великой реки, вниз по которой плыли, поскольку там течение было гораздо быстрее, чем у берега. В этот ранний час утренний туман все еще лежал низко и густо с обеих сторон, полностью скрывая из виду все предметы на берегу. Продвигаясь таким образом между этими стенами парообразного тумана, мы были поражены быстрой стрельбой из орудий. Для меня это было полной загадкой, но мои опытные гребцы-байдарочники сразу поняли это. Быстро повернув нос нашего каноэ в ту сторону, откуда доносился шум, они поплыли сквозь быстро исчезающий туман, и там, на берегу, мы увидели компанию дружелюбных индейцев, ожидавших нашего прибытия. От их ушей было больше пользы, чем от глаз, потому что, хотя они и не могли видеть нас, их натренированный слух уловил звук наших весел. Сердечно поприветствовав нас, они принесли копченые языки северного оленя и другие местные деликатесы, которые привезли для миссионера. Там, на берегу реки, были организованы несколько очень интересных и полезных религиозных служб. Для утешения и ободрения тех, кто уже стал Его детьми, мы говорили о любящей доброте и провиденциальной заботе нашего Небесного Отца. Мы также умоляли тех, кто еще не решил отречься от язычества своих предков, сделать это как можно скорее и принять религию Господа Иисуса Христа.

Таким образом, работа продолжалась, и в течение многих счастливых летних периодов мое каноэ целыми днями плавало по многим водам, в то время как я, как радостный вестник, путешествовал по пустыне, умоляя мужчин и женщин примириться с Богом.

О путешествиях собак по этим землям написано так много, что здесь необходимо дать лишь краткий отчет. Зима в этих регионах начинается во второй половине октября и продолжается без каких-либо заметных перерывов до апреля. Однако ледяные поля на великих озерах настолько огромны, что все они исчезают только через месяц или шесть недель. Однажды зимой мне удалось совершить довольно долгое путешествие со своими собачьими упряжками, и я прибыл домой только восемнадцатого мая. Однако к тому времени весь снег сошел, и земля почти полностью покрылась инеем.

Сильный холод, спиртовой термометр показывает от тридцати до шестидесяти градусов ниже нуля. Мы видели, как ртуть неделями застывала, как свинец. В течение нескольких месяцев молоко замораживается в виде лепешек, похожих на мрамор. Мы обычно носили с собой большие куски мяса, завернутые в газету, и когда у костра нам хотелось добавить немного в чашку чая, мы отрезали их топором. Как видно из этого, у нас было около семи месяцев яркой холодной зимы. За все это время не было ни одной оттепели, снег никогда не был мягким, и не было сырости ни в воздухе, ни под ногами. В таких условиях мокасины из мягкой оленьей кожи намного превосходят цивилизованные ботинки.

В этой огромной стране нет дорог. Король морозов замораживает каждое озеро и ручей и превращает в адамант каждый мускусный орех и трясущееся болото. Снег покрывает все вокруг своим великолепным покровом красоты и позволяет путешествовать на снегоступах или на собачьей упряжке по обширным регионам, абсолютно непроходимым в летние месяцы. Лошади

или другие крупные животные абсолютно бесполезны для путешествий в таких регионах. Снег отлично выравнивает поверхность. Он заполняет множество опасных ловушек и создает такую подушку на бревнах и камнях, что опрокидывания или падения вызывают только смех у путешественников с собаками, когда они весело несутся вперед. Единственными недостатками падения с крутого склона в несколько сотен футов, как это однажды случилось с писателем, были смех его товарищей и задержка с извлечением его из сугроба на дне, который был где-то от двадцати до тридцати футов глубиной. Эти несчастные случаи и задержки были не частыми; и, хотя были трудности и страдание, было много вещей, которые могли проинструктировать и заинтересовать и нарушить монотонность зимнего путешествия по этой пустынной земле.

В самые холодные, яркие и солнечные дни порывистый мираж разыгрывал свои странные выходы с далекими пейзажами, а иногда приближал места, расположенные за много миль. Иногда вокруг солнца появлялся круг за кругом, пока не становилось отчетливо видно целых четыре; иногда внутри каждого круга было по четыре ложных солнца — шестнадцать ложных солнц, видимых одновременно, были зрелищем, ради которого стоило пройти большое расстояние. Странно, но индейцы боялись их вида, поскольку заявляли, что они всегда были предвестниками снежных бурь; и чем ярче были эти солнечные собаки, как они их называли, тем ужаснее будет буря.

Но самым завораживающим и величественным из всех небесных явлений этих славных регионов является Северное сияние — Северное сияние Бореалис. Не привязанные к определенным месяцам года, мы видели, как они вспыхивают и дрожат в течение нескольких часов коротких ночей, следующих за самыми жаркими днями в июле или августе, а также долгими холодными ночами зимних месяцев. Иногда они сохраняли свою причудливую красоту на всю ночь, пока не терялись в великолепии наступающего дня. Авторы, описывающие северные пейзажи, часто пытались описать их, и я должен признаться, что у меня хватило опрометчивости попробовать это в другом месте; но вся их слава до сих пор не описана и, возможно, никогда не будет описана. Кажется, что они принадлежат скорее к духовному, чем к земному; и бывают моменты, когда они настолько ослепляют и ошеломляют, что действительно кажется, что только язык духов адекватен задаче их описания. Тогда они так изменчивы. Никогда я не видел двух одинаковых их великолепных проявлений. Сначала они чистейшего белого цвета; но когда начинаются искры, они приобретают все цвета радуги. Иногда они появляются в виде больших блестящих дуг, как на рисунке. В других случаях это просто волнистые ленты, которые, кажется, успокаивают и очаровывают своими ритмичными движениями и постоянно меняющимися оттенками. В другое время они представляют собой могучие армии дисциплинированных воинов, выходящих на конфликт. Затем, когда они кажутся утомленными своими воинственными подвигами, они, кажется, собирают все свои силы; и, изрядно заполнив северные небеса, устремляются дальше и выше, пока не достигают самого зенита, где они образуют корону такого ослепительного величия, что действительно кажется, будто исполняется страстная молитва воинствующей церкви; и что всеобщий триумф пришел к Искупителю мира здесь, и теперь ангельские и искупленные воинства небес и земли несут Царскую Диадему, чтобы “увенчать Его, Господа всего”.

Собаки, которых мы используем в собачьих упряжках, обычно любой породы, отличающейся размером, выносливостью и сообразительностью. Ранее преобладала эскимосская порода собак, но в последующие годы к ней так примешались другие разновидности, что чистокровная эскимосская собака сейчас является редкостью, за исключением некоторых самых северных

постов и миссий. Мой достойный предшественник среди Кри оставил мне выводок дворняг, которых было достаточно для перевозки дров и рыбы для миссии; а также для коротких поездок в места неподалеку от дома, где я проводил еженедельные службы; но когда я попытался совершить длительные путешествия за сотни миль в отдаленные части моего великого миссионерского поля, которое было больше, чем вся Англия или штат Нью-Йорк, они потерпели сокрушительную неудачу. Путешествие с такими собаками было похоже на опыт человека, который в старые времена платил за проезд первым классом, чтобы прокатиться на пакетботе по каналу Эри из Нью-Йорка в Буффало, а затем всю дорогу гнал лошадь по буксирной дорожке. Итак, после того, как я чуть не покончил с собой, путешествуя со слабыми или ленивыми собаками, вынужденный все время ходить или бегать на снегоступах из-за их неспособности привлечь меня, я решил, если возможно, стать владельцем собак получше. Я обратился за помощью к нескольким хорошим друзьям в цивилизованном мире, и в результате вскоре мне достались одни из лучших собак, которых только можно было достать. Среди них Джеку и Каффи, дарам сенатора Сэнфорда от Гамильтона, не было равных. Благодаря доброте Джеймса Ферье, эсквайра из Монреаля, у миссис Эндрю Аллан были приобретены пять прекрасных сенбернартов. Доктор Марк из Оттавы и другие друзья тоже вспомнили обо мне, в результате чего вскоре у меня были одни из лучших собачьих упряжек в стране. Эти цивилизованные собаки обладали всеми хорошими качествами эскимосов, но без каких-либо их воровских уловок. Они доказали, что равны друг другу в выносливости и проницательности, и им не хватало только того, что их ноги, казалось, легче травмировались.

Собачьи упряжки имеют десять футов в длину и восемнадцать дюймов в ширину. Они используются для перевозки наших постельных принадлежностей и припасов, так как часто в течение нескольких дней и ночей мы полностью зависим от наших грузов в плане еды и жилья. Эти разнообразные грузы хорошо упакованы в большие свертки из оленьих шкур и так надежно привязаны к саням, что, сколько бы ни было опрокидываний, грузы никогда не рассыпаются. Мои собственные сани, которые назывались “кариоле”, были обычными дубовыми санями с пергаментными бортами и прочной спинкой. Иногда эти кариолы были красиво раскрашены и представляли собой очень удобные транспортные средства для езды. Когда вы хорошо закутались в меховые мантии, у вас есть много жирного мяса, великолепные собаки, которые вас притягивают, и любящие преданные слуги-индейцы, сопровождающие вас, - путешествие на собаках не лишено удовольствий, особенно если светит яркое солнце, ледяной тротуар под вами не покрыт снегом, а температура не ниже сорока градусов ниже нуля. Однако совсем другое дело, когда вокруг тебя завывали метели и воздух был так насыщен мелкими режущими частицами ледяного снега, что было опасно подставлять какую-либо часть лица под их безжалостные атаки. Тогда-то и проявилось изумительное мастерство опытного индейца-проводника, и нас повели дальше среди такой убогой обстановки с точностью и скоростью, которые казались почти невероятными.

Лагерь, когда дневной переход заканчивался — особенно если на нас нападала метель, — был желанным местом, даже если мы провели всего лишь целый день в снегу на защищенной стороне в какой-нибудь густой еловой или бальзаминовой роще. Временами нам удавалось найти довольно живописные места для лагеря. Когда проводник объявил привал на ночь, первое, что мы сделали, это распрягли наших верных собак. Наши снегоступы были импровизированы в качестве лопат, и с места, выбранного в качестве места нашего отдыха, снег быстро насыпался в большую кучу у нас за спиной; а иногда, если ночь грозила быть необычайно суровой, по обе стороны от нас.

Тогда большой ревуший костер из сухих дров, у которого мы готовили ужин, размораживали рыбу для наших собак и согревали наши наполовину замерзшие тела, был нам очень кстати. Когда ужин был съеден и молитвы, такие приятные и полезные для всех нас, закончились, как восхитительно было сесть на свои одеяния и провести несколько часов в приятной беседе, прежде чем моя постель была заправлена и я был уютно и тщательно укрыт моими верными товарищами. Поначалу было трудно спать с полностью покрытой головой; возникало такое ощущение удушья, что я часто рисковал замерзнуть, а не задохнуться. Однажды ночью, возможно, из-за этого удушающего ощущения, я бессознательно обнажил голову. Через некоторое время я внезапно пришел в сознание и обнаружил, что пытаюсь оторвать свой теперь отморозенный нос, который, как мне показалось, был концом рукоятки топора.

Мы кормили наших собак рыбой, давая им только один прием пищи в день, да и то после окончания дневной работы. Кормление их утром делало их вялыми и глупыми в течение некоторого времени после этого; и то же самое происходило, если их кормили в полдень. Многолетний опыт показал, что собаки лучше всего развиваются и способны выполнять большую часть работы на одном хорошем приеме пищи, который им дают перед долгим ночным отдыхом. Они очень ценят обувь для собак, которая так важна для их комфорта и восстановления после замерзания или серьезной травмы лапы. Эти туфли сделаны из теплой английской ткани под названием duffle и по форме напоминают большие рукавицы без большого пальца. Старая собака, которая когда-то привыкла к собачьим ботинкам, всегда мечтает о них во время долгой поездки по холоду. Иногда они подходят и самым забавным образом подставляют лапы, чтобы их обули. В других случаях, как известно, они приходили в лагерь, ложились там на спину и, подняв свои четыре лапы, самым нелепым образом и назойливо просили эти теплые шерстяные башмаки. Некоторые из них становятся очень хитрыми в своей работе и уклоняются от выполнения своей доли тягомотины; и все же, чтобы избежать разоблачения, будет казаться, что они выполняют больше работы, чем любая другая собака в поезде.

Но это путешествие с собакой было в лучшем случае тяжелой работой; и собаки, так же как и их хозяин, всегда радовались, когда долгие путешествия заканчивались и можно было немного отдохнуть, чтобы залечить раны и обморожения и набраться сил для следующего путешествия.

Добро было совершено, и это было великой наградой за все пережитые риски и страдания. Многие из тех, за кого умер Христос, до настоящего времени никогда бы не услышали Евангелие или не увидели эту Книгу, если бы миссионер не привез ее им летом на каноэ, а зимой на собачьей упряжке. Слава Богу, многие из них услышали и с радостью приняли великое спасение, принесенное им таким образом. С его приходом в их сердца и жизни произошли чудесные преобразования. Там, где когда-то царили дьявольские пляски, пляски призраков и другие мерзости, исполняемые под аккомпанемент трещотки фокусника или монотонного барабанного боя шамана, и удерживали людей в унижительном суеверии, теперь воздвигнут молитвенный дом, и пустыня наполнилась сладостными песнями Сиона. Жизни, когда-то нечистые и греховные, были преобразованы силой Евангелия, и цивилизация, реальная и незыблемая, пришла, чтобы благословить их и увеличить комфорт в этой жизни, в то время как они пребывают в сладкой и благословенной уверенности в вечной жизни в грядущем мире.

Глава пятая.

Бог на скале, или как индейцев учат читать Книгу.

Британское и зарубежное библейское общество, Американское библейское общество и другие родственные учреждения, которые печатают и распространяют Слово Божье, приносили и продолжают приносить неисчислимую пользу миссионерам.

Давным-давно Псалмопевец сказал: “Вход слов твоих дарует свет”; и эта истина реализуется с благословением и славой.

Независимо от того, куда идет миссионер, он чувствует себя очень стесненным, если у него нет Книги на языке народа. Достойно благодарности, что в эти последние годы — благодаря этим славным библейским обществам — вряд ли найдется страна или нация, куда миссионер мог бы поехать, но он найдет Библию, напечатанную на языке или языках этой страны и предлагаемую людям по таким разумным ценам, что беднейшие из бедных могут получить ее, если захотят. Но так было не всегда, и нам нет необходимости возвращаться к Уиклиффу или Тиндалу, чтобы прочитать о трудностях на пути донесения до простых людей Слова Божьего на их родном языке. Во всех великих миссионерских обществах в прежние времена были свои Кэри, и Моррисоны, и Даффы, которые боролись и стойко преодолевали препятствия и трудности, которые для обычных смертных были бы непреодолимыми и наполнили бы их отчаянием.

Трудности, которые пришлось преодолеть Джону Элиоту, прежде чем он смог передать Библию индейцам Новой Англии, были многочисленными и непосильными; но его неукротимая воля привела его к окончательному успеху. Поистине печально думать, что среди них не осталось ни одного мужчины, женщины или ребенка, которые читали бы его Библию. Все племена, для которых он ценой слез и трудностей перевел Книгу, исчезли. Жажда земли и жестокость первых поселенцев были непосильны для бедного индейца. Из своих различных резерваций, где Элиот, Брейнард, Мэйхьюз и другие преданные друзья пытались спасти его, он был отброшен назад, с такими разрушениями и потерями при каждом шаге, что в конечном итоге он был просто стерт с лица земли. И вот сегодня в библиотеке Гарвардского университета и в очень немногих других местах можно найти копии Библии Элиота; запечатанные книги, которые никто не может прочесть; печальное свидетельство “бесчеловечности человека по отношению к человеку”.

Одним из самых выдающихся достижений в деле распространения Библии среди людей на их родном языке, напечатанной настолько простым способом, что она очень легко усваивается ими, является перевод и печатание Книги слоговыми знаками. Эти слоговые символы были изобретены преподобным Джеймсом Эвансом, одним из первых методистских миссионеров, обращавшихся к разрозненным племенам индейцев на территориях, которые тогда были известны как Территории Гудзонова залива. В течение нескольких лет мистер Эванс работал миссионером среди индейцев, проживавших в различных резервациях провинции Онтарио, известной тогда как Верхняя Канада. По просьбе родительского Уэслианского миссионерского общества и по настоянию Компании по торговле мехами Гудзонова залива мистер Эванс в сопровождении нескольких преданных братьев-миссионеров отправился в эти отдаленные северные регионы, чтобы начать миссионерскую деятельность. Мистер Эванс и несколько его спутников проделали весь путь от Монреаля до Норвежского дома на реке Нельсон в каноэ из бересты. Взгляд на карту даст некоторое представление о продолжительности и трудностях

такого путешествия в те дни. Но они преуспели в этом и с радостными сердцами приступили к своей благословенной работе по евангелизации местных жителей.

Миссионерские методы обязательно должны отличаться в разных странах. Миссионер, стремящийся к успеху, должен быть человеком, способным приспособиться к своему окружению; и он должен быстро понимать, где легче всего достичь успеха. Здесь жили люди, которые были рыбаками и охотниками, жившими далеко к северу от сельскохозяйственных регионов. Как охотники, они постоянно находились в разъездах, так что было почти невозможно продержаться их достаточно долго на одном месте, чтобы научить читать обычным способом. Над этими трудностями мистер Эванс размышлял и работал, и после множества экспериментов и неудач ему удалось изобрести и усовершенствовать то, что известно как слоговые знаки.

ALPHABET.

(a) SYLLABICS.

▽ ā	△ ē	▷ ō	◁ ħ*
∨ pā	∧ pē	> pō	< pā
U tā	∩ tē	⌋ tō	⌈ tā
ſ chā	ſ chē	ſ chō	ſ chā
q kā	ρ kē	đ kō	b kā
o nā	σ nē	o nō	o nā
┐ mā	┐ mē	┐ mō	┐ mā
ſ sā	ſ sē	ſ sō	ſ sā
↵ yā	↵ yē	↵ yō	↵ yā

*a, as in far.

Каждый из этих очень простых символов представляет собой слог, так что все трудности обучения правописанию устранены. Продолжая свою работу, мистеру Эвансу приходилось сталкиваться со многими неудобствами. Живя в стране, столь удаленной от цивилизации, он имел очень мало материала для экспериментов и очень мало средств, которые могли бы ему помочь. У торговцев мехами он выпросил несколько листов свинца, которым выстилают внутреннюю поверхность чайных ящиков. Он расплавил его на подходящие куски, из которых вырезал свой первый шрифт. Для изготовления бумаги ему сначала пришлось использовать бересту. Его чернила изготавливались из сажи из дымохода и осетрового жира. И все же с помощью этих грубых приспособлений ему удалось напечатать отрывки из Священных Писаний

и некоторые гимны на языке индейцев кри. Когда слух о его чудесном изобретении дошел до Англии, щедрые друзья пришли ему на помощь. Из некоторых его типов в качестве моделей был отлит щедрый запас; они, вместе с хорошим ручным печатным станком и всеми необходимыми запасами бумаги, чернил и других предметов первой необходимости, были отправлены ему Компанией Гудзонова залива в Norway House. В течение многих лет там велась работа по печатанию отрывков Слова Божьего, пока, наконец, Британское и зарубежное библейское общество не взялось за эту работу, и теперь все Библии, в которых нуждаются люди, с радостью предоставляются им этим самым щедрым и славным обществом.

Любовь индийских христиан к своей Библии очень отрадна. Это настолько велико для них в их уединенных вигвамах и охотничьих лагерях, что ничто не заставит их отказаться от этого в своей стае. Тропа может быть труднопроходимой, а путешествие - многодневным; пищу, возможно, придется нести на спине несколько дней подряд, так что приходится взвешивать каждый фунт; прежде чем путешествие закончится и появится изобилие дичи, придется пережить голодные дни, но Большую Книгу они всегда носят с собой как самое ценное из всего своего имущества. Я никогда не знал такого, чтобы индеец-христианин выбросил свою Библию, когда в чрезвычайной ситуации нужно было облегчить его ношу. Работа охотников дает им много свободного времени, что позволяет им быть прилежными изучающими Книгу. Когда в начале зимы они отправляются в отдаленные охотничьи угодья, возводится охотничий домик, расставляются капканы, силки и другие приспособления для поимки дичи. Затем, особенно при поимке некоторых видов дичи, им приходится подождать несколько дней, прежде чем они посетят ловушки. Это делается для того, чтобы позволить исчезнуть всем свидетельствам их присутствия, поскольку некоторые из самых ценных пушных зверей обладают удивительной способностью обнаруживать присутствие человека и не приближаются ни к его ловушкам, ни к следу до тех пор, пока охотник не закончит свою работу и не уйдет на покой. Во время этого долгого ожидания в своих вигвамах или охотничьих домиках индейцам особо нечем заинтересовать себя; в результате Библия пришла к ним как чудесное благословение. Его поразительные происшествия и истории стали цениться больше, чем легенды и мифы, которые дошли до них от их предков и которые снова и снова повторялись в их устах старыми рассказчиками племени. Затем, когда откровение Божьей любви в дар Его Сына было провозглашено и принято ими — и здесь, в этой Книге, они могут прочитать это сами, — они наполняются благодарной и обожающей любовью, и Книга действительно становится самой драгоценной.

Путешествуя среди этих замечательных людей, я носил с собой в качестве части своего снаряжения несколько таких силлабических Библий, и не было подарка более приемлемого для тех, кто совсем недавно отрекся от своего язычества и отдал свои сердца Богу. Так или иначе, они приобрели знание слогов, так что приобретение Библии, которую они могли назвать своей собственной, было самым ценным сокровищем, которым они пользовались. Среди тех, кто до моего визита никогда не видел Библии и не слышал миссионеров, были противоречивые представления об этой Книге. Некоторые поначалу боялись ее. Это было “великое лекарство”, и только для белого человека. Один старый фокусник, который хвастался своими сверхъестественными способностями и чудесными вещами, которые он мог делать с помощью своих “лекарств”, потерпел явную неудачу, когда я попросил его продемонстрировать свою силу, заявив, что это из-за Книги, которую я носил в кармане. Затем я позволил индейцу унести Книгу на некоторое расстояние; и когда ему все равно это не удалось, он возразил, что это потому, что у меня слишком много ее в голове или сердце. Конечно, это чувство страха перед

Книгой быстро покинуло их, когда они познакомились с ней. Когда принимается христианство, приходит великая любовь к драгоценному тому, в котором содержится так много информации о вещах, о которых они находятся в таком невежестве, и который раскрывает любовь Великого Духа к Своим индийским детям.

Миссионеры использовали простые и примитивные способы обучения слоговым знакам тех, кто их не знал, но кому не терпелось выучить. Иногда свинцовым карандашом на куске доски или бересты рисовали символы и медленно и тщательно повторяли их снова и снова, пока они не были полностью освоены. Когда кончались карандаши, их заменял кончик обгоревшей палочки или кусочек угля из костра.

На нашей иллюстрации будет показан один из моих методов, использованных на реке Бернтвуд, далеко вверх по течению реки Нельсон. Мне выпала честь быть первым миссионером, который когда-либо добрался до индейцев этого района и проповедовал им Евангелие. Это прекрасная компания индейцев, и я обнаружил, что, за редким исключением некоторых старых колдунов, знахарей и многоженцев, люди были не только рады видеть меня, но и стремились услышать и принять Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. Я навещал их дважды в год и начинал работу; но моему любимому первому коллеге, преподобному Джону Семменсу, была поручена работа по созданию миссии. Во время моих визитов, которые, как обычно, совершались с моими собаками зимой и на каноэ летом, я должен был, насколько мог, собирать индейцев на религиозные службы. Большая кухня фактории Компании Гудзонова залива была предоставлена в мое распоряжение ответственным офицером, который всегда благосклонно относился к хорошей работе. Здесь, так же как и в бедных вигвамах туземцев, мы встречались, пели, молились и как можно лучше объясняли им план спасения — великую любовь Бога к ним.

В то короткое блестящее лето работа была намного приятнее. Затем, под прекрасными деревьями или там, где вокруг нас возвышаются огромные скалы, отбрасывающие долгожданную тень, мы могли бы собрать людей и поговорить о любящем Небесном Отце; не только о Его Созидательной силе, но и о Его искупительной любви в даре Его возлюбленного Сына.

В своем миссионерском опыте я обнаружил, что большинство мужчин устали от греха. В глубине человеческого сердца есть страстное желание чего-то, что по-настоящему удовлетворяется только принятием Господа Иисуса Христа. Это правда, что эти внутренние чувства могут быть долгое время скрыты от внешнего взора, или могут быть попытки удовлетворить свои страстные желания энергичным выполнением всех религиозных церемоний, которые были открыты им в их идолопоклонническом или языческом окружении; но когда их можно заставить высказаться и излить душу, их горький плач выражает неудовлетворенность и беспокойство. Счастлив тот миссионер, который может настолько завоевать доверие столь неудовлетворенных людей, что они откроют ему бремя и стремления своего сердца. Его победа более чем наполовину обеспечена. Христос во всей Своей полноте, с любовью преподносимый таким людям и принятый ими, вскоре становится в их сердцах отрадой.

Миссионер всегда обнаруживает, что среди всех классов язычников эта Книга всегда считается таинственным и чудесным томом. Ее удивительные происшествия всегда привлекают. Они никогда не устают от служений, где этому уделяется видное место. Проповеди, даже если они длятся часами, если они полны истин, будут внимательно выслушаны.

Однажды в одном из таких мест, где я проводил расширенные богослужения, я сказал дружелюбным индийцам, которые были вокруг меня: “Не хотели бы вы сами прочитать эту Книгу?” Хор сердечных утвердительных ответов был быстрым ответом. Нам не потребовалось много времени, чтобы организовать нашу школу, поскольку это было действительно примитивное дело. Мне повезло, что у меня было порядочное количество слоговых Библий, которые мы с большим трудом привезли с собой в нашем каноэ. Мы не раз переносили их волоком и оберегали от травм во время штормов. Ни один человек в этой аудитории, кроме моих лодочников, не знал ни буквы, ни слога. У нас не было учебников для начальных классов, которые считаются столь необходимыми при организации школы, которая должна начинаться с первых принципов; у нас не было даже грифельной доски, карандаша, бумаги. Однако “необходимость - мать изобретений”, и здесь это было так.

Неподалеку была огромная скала, возвышавшаяся, как дом, одна сторона которой была гладкой, как стена. Это была замечательная замена классной доске. Обгоревшие палочки от костра, на котором готовились наша рыба и медвежатица, использовались вместо мела. (На нашей иллюстрации поменьше изображены тридцать шесть слоговых знаков с их названиями.)

После нескольких слов объяснения началась работа по запоминанию символов.

А, Е, Оо, Ах. Это было похоже на то, как множество маленьких детей в начальной школе начинают с букв А, В, С. Снова и снова мы повторяли их, одну за другой, пока моя разношерстная аудитория не познакомилась со звуками. Таким образом, мы изучали их часами. Поначалу интерес к работе был очень велик, и все - от восьмидесятилетних стариков до мальчиков и девочек шести-восьми лет - уделяли максимум внимания. Казалось, они соперничали друг с другом в своих попытках выяснить, кто из них быстрее справится с ними.

Через некоторое время интерес значительно ослаб, особенно среди мужчин постарше, поскольку для них одни только эти персонажи пока были ничего не значащими звуками. Некоторые из них встали, раскурили трубки и, расхаживая по комнате, делили свое время между уроком и курением. Конечно, я должен был дать им покурить. Мне, возможно, было бы трудно остановить их, если бы я был настолько глуп, чтобы попытаться. Итак, я рассказал им несколько приятных историй, пока мы трудились на нашем уроке, и прошло не так много часов, прежде чем некоторые из моих недисциплинированных учеников получили довольно хорошее представление об именах персонажей. Зная, что смогу пробудить интерес у самых апатичных из них, когда начну объединять символы в слова, я попросил их уделить мне серьезное внимание, пока я продолжу свою работу.

Я выделил несколько простых слов, таких как: << (па-па,) << (ма-ма,)

△ГГ (Оо-ме-ме,) — (англ.: голубь.) Я показал им, как таким образом объединить эти знаки в слова. Это их очень заинтересовало; но кульминация наступила, когда обгоревшей

палочкой я пометил <О О (Мането, по—английски: Бог, или Великий Дух). Велико было волнение среди них. Они едва могли поверить собственным глазам, что перед ними Мането, Великий Дух. Тот, кого они слышали в громе и буре, чью силу видели во вспышке молнии, о ком с почтением и трепетом говорили в своих вигвамах и у походных костров — “Мането!” Здесь, сделанное обожженной палкой на камне, видимом их глазам, было это имя: *Бог на камне!* Это

было действительно откровение. Что-то, что наполнило и взволновало их так, как я никогда ни до, ни после этого не видел взволнованных индейцев.

Какое-то время я мог только молчать, смотреть и радоваться, изучая их. Некоторые из них в своем изумлении сомневались в собственных чувствах. Они вели себя так, словно не могли поверить собственным глазам; поэтому они обратились к тем, кто был к ним ближе всего, и сказали:

- Для тебя это Мането?

Было замечено, что другие потирали глаза, как будто боялись, что с помощью какого-то колдовства в них попало плохое лекарство, и, по их индейской фразеологии, у них “двоилось в глазах”.

Больше не было невнимательности. Все трубки погасли, и все глаза следили за мной, поскольку в этих слогах, которые я написал на камне, Бог есть Любовь. Немного поговорив об этом. Затем я написал: "Бог любит тебя". За этим мы последовали другие короткие предложения, полные благословенных евангельских истин. Таким восхитительным образом прошло несколько часов, и, прежде чем они закончились, многие из моих учеников были вполне знакомы с составлением слов из этих символов.

Затем мы открыли нашу связку Библий, и, раздавая их по кругу, насколько это было возможно, я попросил их всех обратиться к первому стиху первой главы книги Бытия. После некоторого объяснения нескольких дополнительных знаков, которые они увидели на печатной странице и которые придают некоторое разнообразие звучанию слогового символа, к которому они прикреплены, мы приступили к изучению стиха. Конечно, поначалу наш прогресс был медленным. При таких обстоятельствах иначе и быть не могло. Но мы терпеливо упорствовали, и прошло совсем немного времени, прежде чем они смогли прочитать на своем родном языке: “Ма-ваче Нистум Кесамането Кеосету Кесик Меса Аски” (В начале Бог сотворил небо и землю”).

Когда они обрели способность читать этот стих самостоятельно и немного поняли его смысл, последовал еще один взрыв восторга. Этот первый стих Книги Бытия очень наводит на размышления и полон смысла для любого человека, независимо от того, насколько он образован, который стремится исследовать его. Это само по себе первая глава Божьего откровения о Себе человеку, и она долгое время привлекала внимание и изучение самых благочестивых и глубоких людей. Здесь, впервые, ее читала компания бедных индийцев, только что вышедших из язычества. Но они были проникательны и способны постичь новую истину; и поэтому, когда стих впервые открылся перед ними со своим чудесным значением, велики были их восторг и изумление.

“Теперь мы знаем об этом все!” - кричали некоторые из них. “Каэса-Мането (великий Бог) сотворил все это, небо и землю”.

Другие говорили:

“Наши отцы говорили об этом в своих вигвамах и удивлялись, как все это получилось таким, какое оно есть; но им пришлось признаться, что они были во тьме и ничего не знали. Но теперь мы это знаем! Мы это знаем!”

Снова и снова они перечитывали этот стих, пока не выучили его наизусть. И в последующие дни, у многих лагерных костров и во многих охотничьих домиках, это повторялось тем, кто этого не слышал, но кто, услышав это, также преисполнился удовлетворения и восторга от ответа, который это дало на то, что долгое время было предметом недоумения и благоговения.

День за днем перед этим камнем следовало изучение других стихов. Сначала, конечно, медленно, но постепенно все больше и больше по мере того, как они все больше и больше знакомились со слоговой азбукой. Таким образом, эти энергичные, заинтересованные индейцы учились в этой примитивной обстановке и с такой серьезностью относились к своей работе, что, хотя они ни дня в своей жизни не были в школе, некоторые из них за десять дней или две недели смогли бегло прочитать Слово Божье на своем родном языке. Неудивительно, что великий лорд Дафферин, тогдашний генерал-губернатор Доминиона Канада, сказал мне:

Человек, который изобрел этот слоговой алфавит, был одним из великих благодетелей человечества и более заслуживал пенсии, титула и места упокоения в Вестминстерском аббатстве, чем многие из тех, кто был там похоронен.

В течение нескольких лет в нескольких миссиях индейцев-христиан обучали только знанию этих слоговых символов, и поэтому они могли читать только те книги, которые были напечатаны с их помощью. Однако сейчас во всех школах также преподается английский язык, и наш общий алфавит широко используется. В результате многие представители молодого поколения понимают, говорят и читают по-английски. Среди них распространяются Библии на английском языке, и многие молодые люди уже предпочитают английскую Библию индийскому переводу. Тем не менее, все пожилые люди понимают только слоговые символы; и поэтому в последующие годы это замечательное изобретение все еще будет использоваться и по-прежнему будет приносить пользу. Сборники гимнов, катехизисы, "Путешествие пилигрима" и несколько других книг религиозного характера были напечатаны по слогам и очень ценятся индийскими читателями.

Все церкви, которые зарабатывают на миссионерской работе в этих обширных северных регионах, воспользовались изобретением мистера Эванса. Среди других племен, помимо кри, в языке которых есть другие звуки, было добавлено несколько дополнительных символов. Даже на Лабрадоре и в Гренландии преданные моравские миссионеры, которые там трудятся, успешно используют слоговые знаки, чтобы научить бедных странствующих эскимосов читать Слово Божье на их собственном грубом языке.

Глава шестая.

История Сэнди Харт.

Среди всех моих встреч единственной, которая, возможно, доставила мне наибольшее удовольствие, была встреча в Нельсон-Ривер. В Оксфорд-Хаусе у нас было больше обращенных индейцев; но эта миссия была организована давно, и набожные и серьезные люди, такие как преподобные мессеры Брукинг и Стрингфеллоу, отдали ей годы честного самоотверженного

труда. Река Нельсон, с другой стороны, была новым и неизведанным полем, куда мне выпала честь и радость отправиться в качестве первого миссионера.

Среди многих великих новообращенных, счастливо спасшихся от тьмы и власти язычества, есть один прекрасный персонаж, который сейчас является правой рукой местного миссионера. Его зовут Сэнди Харт. Мое знакомство с ним было необычным. День выдался на редкость прекрасным, и я провел утро, обучая нескольких взрослых и индийских детей читать Слово Божье, напечатанное слоговыми буквами. Во время полуденного отдыха я зашел в берестяной вигвам одного из главных индейцев и, естественно, был удивлен, увидев красивого индейского юношу, растянувшегося на подстилке из кроличьих шкурок и одеял, в то время как другие мальчики занимались различными видами спорта. Обращаясь к нему, я сказал:

-Почему ты лежишь здесь в этот прекрасный день?

Резким движением он сдернул верхнюю одежду, которая была на нем, и, указывая на свое раздробленное бедро, сказал тоном, полным горечи:

“Миссионер, вот почему я здесь, вместо того чтобы гулять на солнышке с другими мальчиками”.

Отчаянный тон, решительные слова сразу же пробудили во мне сочувствие и вызвали глубокий интерес к этому раненому мальчику, такому беспомощному, не знающему часа, когда, согласно господствующему обычаю, он может быть предан смерти. Бессердечные рассуждения этих индейцев в таких случаях были примерно такими: он всегда будет хромым и беспомощным; почему он должен быть обузой для своих друзей? давайте убьем его сразу; так будет лучше для него и для них. Однако они отложили убийство этого парня, потому что он был сыном вождя.

После того, как я осмотрел его рану и дал несколько указаний относительно ее лечения, я сел рядом с ним и услышал из его уст печальную историю несчастья, которое искалечило его на всю жизнь. Кажется, он и еще один мальчик охотились на куропаток и кроликов. Когда Сэнди шел по лесу впереди, ружье его товарища случайно выстрелило, и содержимое попало ему в ногу. Кость была сильно раздроблена, а мышцы так изрезаны, что не было абсолютно никакой возможности, что он когда-либо снова сможет ходить по ней.

После того, как я хорошенько поболтал с ним, я спросил, не хотел бы он иметь возможность прочитать Слово Божье. Его ясные глаза сияли от удовольствия, а его ответ был настолько полон страстного желания, что я сразу же приступил к первому уроку. Сидя рядом с ним на земле, я рисовал слоговые знаки и потратил около часа, обучая его им. У него была очень цепкая память, и он очень стремился выучить ее как можно быстрее. Поэтому каждый день, закончив давать уроки толпе молодых и пожилых людей, я обычно спешил к вигваму, где он лежал, чтобы дать ему дополнительные наставления; и он был так глубоко заинтересован, что я чувствовал себя вознагражденным за свои труды.

Поскольку я находился в сотнях миль от дома — проделав тот долгий путь с парой индейцев в березовом каноэ - и имел ряд других мест, в которых я хотел остановиться и заняться миссионерской работой, я был вынужден завершить свой визит в это место через пару недель. Но перед отъездом у меня состоялась неформальная беседа с Мердо, Овикапуном и некоторыми другими дружелюбными индейцами.

“Как жаль, ” воскликнул я, “ что Сэнди нельзя было получить образование! Если бы только он был достаточно образован, чтобы стать вашим учителем, как это было бы хорошо! Потому что после миссионера, который постоянно живет среди вас, благочестивый учитель был бы лучшим, что у вас могло быть. Он никогда больше не сможет в полной мере пользоваться своей ногой, поэтому не сможет стать великим охотником; но если бы у него было образование, он мог бы стать благословением для всех вас!”

Затем я попрощался с этими северными индейцами, которые приняли меня так любезно, и, сказав несколько напутственных слов, особенно настаивая на том, чтобы о раненом мальчике позаботились, я продолжил свое полное приключений путешествие.

Путешествуя с места на место, мы пережили множество странных приключений. Мы подстрелили прекрасного черного медведя и во время нашего первого ужина после битвы с ним с удовольствием ковыряли его ребрышки. При его поимке мне было очень интересно наблюдать, как человеческий опыт смог взять верх над животным инстинктом. Нам с большим трудом удалось спастись в каких-то диких и коварных порогах, где мы потеряли часть содержимого нашего каноэ и все чуть не утонули, прежде чем нам удалось добраться до берега. Эта потеря ощущалась тем острее, что в таком изолированном месте совершенно невозможно пополнить свой запас. Однако после нескольких таких неудач нам удалось выполнить нашу программу, и, наконец, мы благополучно добрались домой.

Вскоре после этого наступила долгая зима с ее семьей или восемью месяцами сильных холодов. В течение нескольких недель я был занят домашними делами и делами, связанными с назначением в местную миссию. Однако, как только великие озера и реки полностью замерзли, а достаточное количество выпавшего снега позволило начать мои зимние путешествия, я запряг своих собак и вместе с моим проводником и погонщиками откликнулся, насколько это было возможно, на многочисленные призывы рассказать Историю Великой Книги.

Той зимой македонянам звонили так часто из других мест, что я не поехал на Нельсон-Ривер. Об этом я чрезвычайно сожалел, потому что, хотя это было самое отдаленное, это было одно из самых многообещающих и обнадеживающих направлений из всех новых, в которые я попал.

Примерно в середине следующего лета, наслаждаясь великолепием великолепного заката, я увидел каноэ с несколькими индейцами, направлявшееся к нашему дому. Когда они приземлились, двое из них сразу подошли ко мне, очень сердечно поздоровались и, прежде чем я успел полностью ответить на их приветствия или вспомнить, где я видел их раньше, воскликнули:

“Мы помним ваши добрые слова в наш адрес — и мы взяли Сэнди с собой”.

“ Сэнди вперед! Кто такой Сэнди? - Спросил я.

— Ну, Сэнди Харт, ты помнишь его — мальчика, которому прострелили ногу, — того, кого ты когда-то учил; мы взяли его с собой, потому что помним твои слова о нем, такие милые для нас.

“ Каковы были мои слова? - Спросил я, потому что в тот момент не мог их вспомнить.

“ Да ведь ваши слова были такими: "Как жаль, что Сэнди необразован! Если бы он был образованным, он был бы таким благословением для всех вас. Мы не забыли этого. Мы часто говорили об этом. То, что вы сказали нам и чему научили нас из Великой Книги, было настолько

хорошим, что мы жаждем большего. Мы хотим, чтобы нас учили. Ты не можешь приходить все время. Мы хотим, чтобы с нами был кто-то, кто что-то знает; поэтому мы взяли Сэнди с собой на каноэ, чтобы вы научили его, а потом вернулись к нам, чтобы мы могли узнать о нем побольше”.

В этом не было никакой ошибки. В середине каноэ стояла Сэнди и смотрела на меня своими блестящими черными глазами, которые так привлекли меня в том далеком вигваме.

Я спустился к каноэ, ласково поговорил с парнем, пожал ему руку и пригласил всех индейцев в свой дом.

Представив их моей доброй жене, я рассказал ей историю Сэнди; и как они вспомнили мои слова годичной давности и взяли его с собой в это долгое путешествие, чтобы передать его под нашу опеку: совершенно неспособный сам что-либо сделать для его поддержки, я признаюсь, что на мгновение пожалел, что так поспешил произнести слова, которые были так истолкованы этими индейцами и которые вверили нашей опеке этого дикого раненого индейского мальчика.

Это было время первого восстания Риэля в Манитобе, и хотя мы жили далеко к северу от места фактического восстания, все же наши запасы были в такой значительной степени урезаны, что мы существовали на очень скудных пайках. Часто мы ели в среднем не более двух раз в день, и часто, завтракая, мы не знали, откуда будет подан наш ужин. И вот теперь, когда мы были на грани голодной смерти, в нашей семье произошло это необыкновенное прибавление, которое означало еще один рот, который нужно было накормить, и еще одно тело, которое нужно было одеть. В нашей безмерной бедности это действительно было испытанием веры!

Обсудив этот вопрос с моей храброй, великодушной женой и испросив божественного наставления, благородная женщина сказала:

“В этом Господь, и Тот, кто послал наполнить уста, несомненно, пошлет все наши дополнительные потребности”.

Итак, мы с радостью приняли Сэнди в наш дом и сделали его членом нашей семьи. Он был в плачевном состоянии во многих отношениях. Происходя из дикой группы индейцев, которые были в полном неведении о чистоте, привычках и требованиях белых, этому бедному раненому индейскому мальчику многому предстояло научиться; и поначалу, из-за его невежества и предрассудков, у нас было много возможностей проявить терпение.

Как была покорена Сэнди.

Как почти у всех индейцев-язычников, у Сэнди были предубеждения против женщин, и поначалу было трудно заставить его обратить хоть какое-то внимание на то, что говорила жена миссионера. Он считал унижительным подчиняться или даже обращать какое-либо внимание на просьбу женщины. И все же мы оба относились к нему с величайшей добротой, надеялись и молились, что время и милость Божья произведут необходимые для него изменения.

Он был блестящим ученым и быстро продвигался в учебе, и уже через несколько месяцев смог читать на своем родном языке. На какое-то время новизна нового окружения заинтересовала его, и он, казалось, чувствовал себя как дома. У него появилось много друзей среди наших индейцев-христиан, которые, узнав о странном способе, которым он попал в наши руки, очень заинтересовались им. Он ходил в воскресную школу, а также посещал различные службы в

церкви; но долгое время казалось, что это было сделано только из праздного любопытства или потому, что так поступали другие.

Когда закончилась первая долгая зима после его приезда и снова наступила весна, Сэнди очень затосковал по дому и захотел вернуться в свой далекий вигвам. Вид журчащей воды и бегущих ручьев был непосильным для его дикого необузданного духа, и он устал от дисциплины цивилизованного дома и стал подавленным и несчастным. Мы все заметили его беспокойство, но ласково поговорили с ним и убедили его заняться уроками, чтобы он скорее смог вернуться к своей дикой привольной жизни в своем далеком доме. Но, как и подобает индейцу, чем больше мы ему говорили, тем хуже он, казалось, становился, пока не поставил всех нас в очень неловкое положение.

Однажды вместо того, чтобы идти в школу, он приковылял на костылях к живописному участку суши, далеко выдававшемуся в озеро. Вечером в дом миссии пришла учительница и поинтересовалась, почему Сэнди в тот день не было в школе. Для нас это, конечно, было новостью. Мы сразу же сильно встревожились и немедленно начали поиски отсутствующего. Примерно после часовых поисков, в которых приняло участие довольно много индейцев, Сэнди был найден свернувшимся калачиком среди скал на мысе, горько оплакивающим свой дом на реке Нельсон.

Исчерпав все свои силы убеждения, я понял, что должен изменить свой стиль общения с ним. Поэтому, делая вид, что очень возмущен, я схватил большую палку и, бросившись на него, строго приказал ему встать и как можно быстрее возвращаться в наш дом. Испуганно взглянув мне в лицо, чтобы понять, как много я имел в виду, он вскочил и поспешил обратно в дом миссии, я сделал ему строгий выговор, спросив, среди прочего, считает ли он такое поведение с его стороны справедливой расплатой за всю нашу доброту к нему. Тогда я резко сказал ему:

- Поднимись к себе в комнату и принеси всю свою порванную и грязную одежду и мокасины.

С печальным видом он повиновался и вскоре вернулся со своим узлом. Осмотрев все это, я забрал их у него; и, позвав индианку, дал ей немного мыла и материала для шитья, и сказал ей взять все эти вещи, хорошенько их постирать и заштопать, вернуть мне, и я заплачу ей за ее хлопоты. Когда он увидел, что его одежда исчезает, он был в большом недоумении и огорчении, так как совсем не был уверен, что ее ему вернут. Дело в том, что в те дни в нем было много тщеславия, и я сделал открытие, что он очень гордился одеждой, которую мы ему дали вместо той жалкой, в которой его привезли к нам. Итак, угроза потери всего, что у него было, кроме того, что он носил, была для него страшным бедствием, я позволил ему горевать несколько часов, почти ничего ему не говоря, решив положить конец его глупостям, которые только делали несчастным его самого и других.

Когда вернулся сверток с чистой одеждой, я добавила к нему новые брюки, рубашки, мокасины, яркий носовой платок и шляпу; затем, самым добрым из возможных способов, со словами любви. Я отдал ему весь сверток. Бедный мальчик! он был сбит с толку и поражен. Он не мог выразить словами свою благодарность, но его блестящие, затуманенные слезами глаза сказали нам, что он исцелен и побежден. Этот суровый урок никогда не пришлось повторять.

Но он был сильно озадачен. Это было совсем не то обращение, к которому он привык. Это сочетание суровости и доброты было для него такой загадкой, что он, очевидно, не мог перестать думать и удивляться этому. Итак, однажды, когда ему было нечего делать, он пошел

поговорить на эту тему с одним из индейцев, который был разумным христианином и его большим другом.

“Я не могу разглядеть нашего миссионера”, - сказала Сэнди. “Когда он догнал меня до того места, где я пряталась, он казался очень сердитым и взял большую палку, как будто хотел ударить меня. Действительно, он чуть не напугал меня до смерти, хотя ни разу не ударил. Затем, приказав мне в такой спешке возвращаться в дом, он заставил меня вынести всю мою одежду и отдал ее женщине, чтобы она унесла ее. Конечно, я никогда не ожидал увидеть их снова: но я увидел — они вернулись чистыми и заштопанными, и он добавил к ним гораздо больше. Я не могу этого понять. Сначала миссионеру показалось, что он собирается избить меня, но потом он повернулся и дал мне все эти хорошие вещи”.

Позже мы узнали все об этой беседе от индейца-христианина, к которому ходил Сэнди. Он сказал, что позволил парню рассказать ему о своих затруднениях, а затем прочитал с ним длинную правдивую беседу. Вот суть его ответа Сэнди.

“Миссионер и его добрая жена пришли сюда, чтобы сделать нам добро. Они оставили своих друзей далеко. Они были в пути много дней и перенесли много лишений. Когда твои друзья привезли тебя сюда, они приняли тебя в свой дом и обращались с тобой не как со слугой, а как с членом своей семьи. В деревне нет ни одного индейца, который был бы рад поменяться с вами местами и чтобы с ним обращались так же, как с вами. Если у них есть еда, они делят ее с вами поровну. У тебя были лекарства и бинты для твоей больной ноги. Ты хорошо одет. Они были тебе как родители. И все же ты не был благодарен. Ты поступил очень глупо. Ты сбежал из школы и спрятался. Ты заставил их сердца встревожиться, опасаясь, что с тобой случилось какое-то серьезное несчастье. Хуже всего то, что вы не подчиняетесь Оокемаскао (жене миссионера) так, как следовало бы. Белым леди следует повиноваться и уважать их так же, как мужчин. И все же, несмотря на всю твою глупость и упрямство, они были очень терпеливы с тобой. Они продолжали надеяться, что с возрастом ты станешь мудрее; но в последнее время тебе стало намного хуже, и миссионеру пришлось сурово обойтись с тобой. Ему, однако, было жаль вас; его сердце все время было добрым к вам; и поэтому, когда вы вернулись, он выразил вам свою любовь своими подарками. Мы все видим, что в сердцах миссионера и его жены нет по отношению к вам ничего, кроме любви. Но вы должны быть послушными и благодарными. Они много молятся за тебя и надеются, что ты все же станешь хорошим христианином и когда-нибудь в будущем станешь великим благословением для своего собственного народа”.

Так этот благоразумный индеец-христианин поговорил с Сэнди, и это стало для него откровением. С того дня в нем произошла решительная перемена к лучшему. Он стал послушным и прилежным и всегда стремился сделать все, что в его силах, в ответ на проявленную к нему доброту. Он был отличным стрелком, и мы с ним вместе совершили несколько замечательных вылазок на охоту и рыбалку. Поскольку его хромота мешала успешной охоте на суше, но не ловкости в обращении с веслом, я купил для него легкое каноэ, на котором он совершал множество коротких экскурсий.

Как и все индейские мальчики, он очень ловко обращался с луком и стрелами. Я помню демонстрацию его быстроты и мастерства, которая почти поразила меня. Я взял его с собой на охоту в место, которое называлось Старый форт. Он был назван так из-за того факта, что много лет назад Компания Гудзонова залива имела там торговый пост для торговли с индейцами. Он был заброшен много лет назад, но в его окрестностях было несколько крупных охотничьих

угодий. Место, куда мы с Сэнди ходили за утками, находилось примерно в двадцати милях от нашего дома. Мы проплыли это расстояние на каноэ и довольно успешно пополнили наши запасы. Осторожно гребя, мы увидели красивую крупную утку-крякву, плывущую довольно далеко впереди. Когда мы подумали, что находимся в пределах досягаемости, Сэнди, находившийся на носу каноэ, осторожно поднял ружье и выстрелил. Было ли это вызвано движением каноэ или нет, я не могу сказать, но он промахнулся мимо утки. Молниеносно он бросил ружье и, схватив лук со стрелами, выстрелил в утку, которая, конечно, мгновенно поднялась и улетела прямо перед нами. Представьте себе мое удивление и восторг, когда я увидел, что стрела пролетела так безошибочно, что пронзила утку и внезапно сбросила ее в реку.

Таким образом, Сэнди не только стал мудрее и лучше воспитанным мальчиком, но временами он был по-своему весьма полезен и возвращался с нескольких охотничьих вылазок с довольно разнообразной мелкой дичью, которая значительно пополнила наш домашний рацион. Мы похвалили его за мастерство и трудолюбие и очень быстро обнаружили, что добрые, любящие слова были высшей наградой, которую он мог получить. Бедный мальчик! в язычестве у него их было совсем немного, и теперь от нас, которых он научился уважать и любить, они были как вода для измученной жаждой души.

Обращение Сэнди.

Примерно через год после этой неприятности с Сэнди среди наших индейцев началось очень благодатное возрождение, распространившееся повсюду. Это был плод многолетнего обучения и проповеди множества преданных миссионеров и больших личных усилий, направленных на то, чтобы привести людей к решению принять христианство. Я с большой радостью заметил, что молитвенные собрания и другие общественные религиозные службы в значительной степени увеличились за счет посещения индийцев, которые долгое время находились под религиозным влиянием, но еще не полностью отдали себя Христу. Даже среди индейцев-язычников было меньше противодействия христианству и больше желания услышать Слово, чем когда-либо прежде. Временами этот дух проявлялся таким образом, что большинству людей показалось бы, что он отдает эгоизмом. Например, однажды, очень рано утром, вождь ворвался в дом нашей миссии и произнес следующее необычное заявление:

“Миссионер, в Форте много индейцев-язычников. Это те, с кем вы говорили о том, чтобы стать христианами. Я только что приехал из их визита и убеждал их отказаться от своего старого пути; они сказали мне: ”Скажи своему миссионеру, если он даст нам одну порцию хорошей картошки, мы придем и послушаем его проповедь три раза!”

Несомненно, многие улыбнутся этому необычному предложению — этому странному обмену товарами; однако мы, которые были на земле и помнили надменное упрямство тех же самых индейцев совсем незадолго до этого, были рады услышать это от них. Мы быстро приняли вызов и приготовили картошку. Какой у них был аппетит! Но они выполнили свою часть контракта и внимательно слушали — и курили - во время трех служб. Впоследствии они всегда были дружелюбны, и в последующие годы некоторые из них стали искренними христианами. Важно донести правду до сердца, даже если для начала нам придется набить желудок картошкой!

Сэнди так стремился заслужить наше одобрение, что мы знали: он готов и достаточно храбр, чтобы занять любую позицию, которую мы предложим. Но мы были так озабочены тем, чтобы

его решение в пользу Христа основывалось на более глубоком и прочном фундаменте, чем простое желание угодить нам, что в беседе с ним мы не использовали никаких особых личных убеждений, чтобы привести его к решению в пользу Господа Иисуса. По его жизни нам было очевидно, что Добрый Дух милостиво воздействовал на его сердце и что он был глубоко религиозен.

И вскоре настал благословенный час. Однажды днем, когда я убеждал большую аудиторию, собравшуюся в церкви, в привилегии и необходимости немедленного принятия решения в пользу Христа, Сэнди вместе с другими вскочил со своего места у двери и вышел вперед для молитвы. Его первая услышанная просьба до сих пор звучит у меня в ушах, как будто была произнесена только вчера:

“О Тапа-ечекаян Кисс-ава-тотавенан!” (О Господь, помилуй меня!)

Я опустился на колени рядом с ним и указал ему на дорогого Спасителя — Друга грешников. Я процитировал сладкие обещания благословенной Книги и заверил его, что они предназначены для него. Он плакал и был глубоко озабочен получением заверения, что даже у него был личный интерес к распятому. Были вознесены искренние молитвы за него и других, которые, как и он, искали драгоценную Жемчужину. Мы говорили с ним о любви Божьей, открытой в Иисусе. Мы попытались объяснить ему путь веры — простой план спасения. Этот лучший из всех Учителей, этот непогрешимый Проводник, Святой Дух, вложил истину в его сердце; и наша дорогая Сэнди увидела путь и безоговорочно уверовала в Господа Иисуса. Он был прекрасным певцом и часто присоединялся к нам в наших молитвенных песнях у нашего семейного алтаря; но сейчас, как никогда прежде, он спел на своем родном музыкальном языке перевод куплета “Мой Бог примирился” и так далее.

“Ма то ну-ту-та-мин”

Не-па-тан а-э-сит,

Ак-ва а-ва-ко-мит

На-ма-не-сай-ке-син,

Ва-на-тук-не-па-хи-то-тан

Абба Но-та а-э-тэ-янь.

Нужно ли нам добавлять, что наш индийский мальчик, столь странным образом оказавшийся на нашей попечении, с того часа стал нам вдвойне дорог! У нас были долгие месяцы хлопот и беспокойства о нем, и друзья, как белые, так и индейцы, думали и говорили нам, что то, что мы делали для него, было “напрасным трудом любви”. Как благодарны мы были в этот радостный час его ясного и прекрасного обращения за то, что мы выстояли! Мы никогда не могли отделаться от ощущения, что его приход к нам был от Бога, и, несмотря на все разочарования, мы не осмеливались отказаться от своего подопечного. Мы приняли это как доверие, хотя оно и стало испытанием терпения; и все же, когда тучи рассеялись, мы получили свою чрезвычайно великую награду.

С того дня его присутствие в нашем скромном миссионерском доме стало благословением. Он стал очень набожным и благоговейным изучателем Слова Божьего; и по мере того, как перед ним открывались его благословенные истины, у него возникало много вопросов, так что у нас

было много любовных бесед о священной Книге. Часто его сердце переполнялось благодарностью Богу, и он восклицал:

“О миссионер, эти слова очень милы моему сердцу!”

Проводить часы на коленях с раскрытой Библией перед собой не было для Сэнди чем-то необычным. И когда он спускался из своей верхней комнаты с сияющим лицом, то иногда восклицал:

“О, каким я был слепым и глупым! Раньше я думал, что религия белого человека точно такая же, как у индейцев, только исполняется по-другому, но теперь я знаю — да, я знаю, что это по-другому: о, так по-другому! Ибо разве я не чувствую сердцем, что Бог - мой Отец, а Его Сын - мой Спаситель, мой Старший Брат! О да, я знаю! Я знаю!”

Затем он разражался песней, прося нас присоединиться к нему, что мы часто с радостью делали; и небеса казались ближе, пока мы пели.

Таким образом, он жил с нами как сын в нашем доме. Он усердно учился и рос физически и духовно. Его вера никогда не колебалась, и его простое доверие никогда не уступало место сомнению. Он был благословением в классной комнате, и превращение нескольких диких индейских мальчиков в любящих, послушных учеников было результатом его доброго влияния на них.

Пришла и прошла долгая холодная зима. За это время я проехал несколько тысяч миль на своих собачьих упряжках или день за днем пробирался по глубокому снегу в своих снегоступах. Среди прочих мест я посетил Нельсон-Ривер и получил огромное удовольствие от того, что привез несколько маленьких подарков от Сэнди его родственникам.

Следующим летом я снова навестил его родных и имел радость сообщить им, что он здоров и быстро продвигается в учебе. Велика была их радость по поводу этой благой вести.

В этих поездках мы, как обычно, сталкивались с трудностями и опасностями, а также с некоторыми необычными приключениями. То, что очень заинтересовало всех нас и на какое-то время взволновало меня, было нашим открытием ловли медведя и захватом его припасов. Это был прекрасный крупный чернокожий парень, который уселся на камень недалеко от берега. Между этой скалой и берегом протекал небольшой участок великой реки, в которой, по-видимому, нерестился целый косяк белой рыбы. Зоркие глаза медведя заметили их, и он решил поймать несколько штук себе на ужин. Его похожая на кисть лапа была единственной рыболовной снастью, в которой он нуждался. Он очень умело опустил его низко в воду под проплывающую рыбу и резким движением отправил красавицу-плавничка в полет по воздуху и на не очень далекий берег. Когда наше каноэ показалось из-за поворота реки, его тонкий слух уловил наше приближение. Сначала он, казалось, демонстрировал драчливость и вел себя так, как будто собирался защищать свою рыбу; но пуля заставила его передумать драться, и он убежал в лес, оставив нас наслаждаться его великолепной рыбой. Рыба действительно была вкусной, и ее вполне хватало для наших вечерних и утренних трапез, несмотря на хороший аппетит, который подарила нам такая великолепная жизнь на свежем воздухе.

Сэнди, Благословение.

Следующим летом после обращения Сэнди мы с моей доброй женой заметили, что в течение нескольких дней он был беспокойным и возбужденным, и, выражаясь индейским языком, у него что-то было на уме. Мы любезно расспросили его о причине его беспокойства и душевной неуравновешенности и вытянули из него, что это было исключительно из-за визита, который вскоре должны были нанести ему довольно многие из его соплеменников с реки Нельсон. Он беспокоился о том, чтобы эта первая встреча со своим народом с тех пор, как он стал христианином, беседа, которую он собирался провести с ними на тему хорошей Книги и своего принятия христианства, стала для них великим благословением.

В те дни в районе реки Нельсон добывалось так много и так ценно мехов, что часто требовались две бригады лодок, чтобы доставить улов предыдущей зимы. Если миссионеры проповедовали Евангелие на разных постах, где состоят эти бригады, то, по всей вероятности, часть людей приняла христианство, в то время как другие все еще идут своими путями. В своих путешествиях христиане, естественно, путешествуют вместе, в то время как язычники, выбирая одного из своей партии своим лидером, образуют отдельную бригаду.

Было известно, что первая пришедшая бригада состояла в основном из тех, кто еще не отказался отречься от своих языческих обычаев. Среди них были некоторые родственники Сэнди, и он очень беспокоился, чтобы они больше не выступали против христианства, а когда к ним обращались по этому поводу, пожимали плечами и говорили:

“Как жили и умерли наши отцы, так будем жить и мы”.

Итак, мы выяснили, что причиной беспокойства Сэнди было его огромное желание помочь этим своим друзьям познать Христа.

С радостными сердцами мы радостно пообещали помочь ему всем, чем сможем. Он все еще медлил, и было очевидно, что у него на уме что-то другое, хотя он очень тепло выразил свою благодарность за наше обещание помочь. Мы призвали его рассказать нам о том, что все еще было у него на сердце, чтобы мы, по возможности, могли ему помочь. Ободренный нашими словами, он сказал:

“О! Я знаю, ты поможешь мне рассказать им об Иисусе и Его любви; но ты знаешь, что большинство этих лодочников еще не христиане, и они такие слепые и глупые. Они точно такие же, каким был я в своем незнании этой религии — Библии; и моя беда и страх в том, что, когда я начну говорить им об этом благословенном пути, они встанут и уйдут прежде, чем я успею сказать все, что есть у меня на сердце. Боюсь, мы не сможем удержать их вместе, если только... если только...”

“Если только что? - Спросила я, когда он остановился.

Этот милый парень посмотрел нам в лица и, не увидев там ничего, кроме ободрения, набрался смелости сказать то, что было у него на сердце:

-Если только мы не дадим им чего-нибудь поесть.

Мы достаточно долго прожили среди индейцев, чтобы знать, что мальчик был прав; ибо часто, чтобы расположить к себе бедных невежественных созданий и приобщить их к Евангелию, мы

давали им даже еду со своего стола, пока сами не познали, что такое настоящий голод. Тогда мы смогли бы лучше понять, как трудно бедным голодным слушателям безраздельно внимать духовным наставлениям на пустой желудок.

“Конечно, ты приготовишь для них ужин, Сэнди, - сказала моя храбрая жена, - и мы сделаем все, что в наших силах, для тебя и твоих людей”.

Его чаша счастья, казалось, переполнилась, когда он услышал этот ответ, и когда мы увидели уносящиеся облака, я сказал:

- Это то, что беспокоит тебя уже несколько дней?

“Да, - ответил он, - какое право я имею просить о подобном одолжении вас, которые были так добры ко мне? Ты позволил мне прийти в твой дом, когда я был ранен, мрачен и порочен; одел меня и даже обращался со мной так, как будто я был твоим сыном; и, что лучше всего, ты привел меня к этой великой радости осознания того, что я - дитя Божье”.

Тут его глаза наполнились слезами, и его охватило глубокое волнение. Очень тронутые, мы молча ждали, пока он возьмет себя в руки, после чего он продолжил:

“Ты знаешь, как каждый день мы вместе молились за мой народ; и когда я наедине с Богом, я молюсь за них; они всегда в моем сердце и молитвах; и теперь, когда у меня появилась возможность поговорить с ними, я действительно хочу, чтобы это увенчалось успехом. Вы знаете, что бедный индеец-язычник, кажется, лучше способен или, так или иначе, более готов слушать после того, как он что-нибудь поест”.

Итак, к великой радости Сэнди, было решено, что, когда его друзья приедут из Нельсон-Ривер, они будут приглашены на ужин в дом миссии.

День, когда они пришли, был прекрасным. На поросшей травой лужайке перед домом был накрыт длинный стол и приготовлена хорошая сытная еда. К счастью, с Ред-Ривер прибыла нашалодка с припасами, и несколько индейских охотников привезли дичи в изобилии, так что у нас было достаточно даже для толпы индейцев.

Сэнди был полон блаженства. Наблюдать за ним и за тем, как им интересовались его люди, доставляло нам огромное удовольствие.

Он рассадил своих индийских друзей по своему усмотрению, поскольку его мысли были больше о последующей службе, чем о сытном ужине перед ними. Когда все расселись по своим местам, он сказал:

“Теперь подождите минутку. От Великого Духа мы получаем все наши благословения; поэтому закройте глаза, пока я благодарю Его и прошу Его благословения на нас”.

Они с готовностью повиновались, ибо разве он не был сыном вождя и не учился у миссионера? Они не знали, что означает “Аминь”, поэтому после того, как Сэнди произнесла это, все еще держали глаза закрытыми, и им пришлось попросить открыть их и приступить к ужину.

Они хорошо провели время вместе. Ни в одном из их действий не было ничего грубого или неуклюжего, и посторонний наблюдатель никогда бы не подумал, что большинство из этих вежливых, обходительных, но живописно одетых загорелых рослых мужчин никогда раньше не

сидели за столом и не ели вилками. Последние считаются излишними в индийской стране. Дайте индийцу хороший нож и роговую или деревянную ложку — и какое ему дело до вилки? Его единственная забота связана с запасом еды. Но в этот раз мы разложили вилки по местам, и после того, как те, кто никогда раньше их не видел, увидели, как человек, знакомый с ними, пользуется своей вилкой, все они быстро подражали ему и делали это чрезвычайно хорошо.

Какой у них был аппетит! Было приятно видеть, как они наслаждались ужином, тем более что мы знали, что еды хватит на всех.

Сэнди, миссионерка.

Когда ужин закончился и они уже собирались встать из-за стола, несколько слов Сэнди заставили их всех тихо остаться на своих местах. Теперь мы поняли, почему он так расположил их за столом. Все сидели так, что он мог легко видеть и слышать. Было очевидно, что все они были очень заинтересованы и полны любопытства услышать сообщение, которое он приготовил для них.

Они, несомненно, прекрасно понимали, что такой пир, который был приготовлен для них, означал беседу в конце; но никому из них и в голову не приходило, что Сэнди — “их Сэнди” - будет главным оратором. Когда в конце он так естественно и умело взял управление на себя, они были сначала поражены, а затем обрадованы тем, что один из их соплеменников — к тому же молодой человек — не только смог сделать такое, но и получил поддержку в этом начинании от миссионера и его жены.

Опасаясь, что наше присутствие может смутить Сэнди, мы с женой немного отодвинули стулья за его спину, но все равно достаточно близко, чтобы слышать все, что было сказано. Мы были очень заинтересованы происходящим и вознесли наши сердца к Богу, чтобы божественная помощь и руководство были даны тому, кого мы теперь любили называть “наш Сэнди”.

Небольшая нервозность, которая была заметна поначалу, исчезла после нескольких предложений, а затем, с беглостью и красноречием, которые просто поразили нас, с его уст полились полные любви жгучие слова. Сказав несколько слов объяснения, он взял свою любимую Библию и сборник гимнов и начал службу.

Из настоящих слов этого обращения я сейчас могу вспомнить очень немногие; но память о нем будет жить вечно. Он рассказал им историю своей жизни с того момента, как, найдя дорогу в их далекую страну, я встретил его в его вигваме, когда он лежал раненый на земле, ласково поговорил с ним и дал ему его первый урок. Он рассказал о своем долгом-предолгом путешествии на каноэ и о своем прибытии в наш дом. Он описал, как доброжелательно его приняли, как глупо и неблагодарно он поступил, когда новизна нового образа жизни прошла, и как он был настолько глуп, что тосковал по своей прежней жизни в вигваме. Он очень выразительно обличал свою собственную неблагодарность по отношению к нам за всю доброту, которую мы ему проявили, и терпение, с которым мы терпели его глупость.

Затем он рассказал историю своего обращения: “Если бы я мог рассказать ее так же, как он!” Он противопоставил их старую глупую религию колдунов, которая только держала их в страхе всю их жизнь, не принося мира и успокоения их душам, тому, чему учила благословенная Книга; которая стала великой радостью в его жизни, наполнив его покоем в уверенности, что даже он был дитя Божье. У него была своя дата в его духовной жизни — его хорошо запомнившийся день

рождения; и он ссылался на нее. Он рассказал о том дне в церкви, когда в ответ на приглашение: “Кто сегодня отдаст свое сердце Богу?” - он ответил: “Отдам!” - и, склонившись перед Богом в молитве, попросил прощения своих грехов и заверения в божественном благоволении. Очень ясно и с большим волнением он заверил их, что, доверяя Иисусу Христу, Сыну Божьему, и веря в то, что Он способен и желает принять его, Он действительно принял его.

Таким серьезным тоном, на своем прекрасном индийском наречии, он продолжал и продолжал; теперь, убеждая и увещевая их принять это великое спасение от Великого Духа, который был любящим Отцом для всех, и который желал спасения каждому из Своих детей, были ли они белыми или индейцами; и затем, снова ссылаясь на свое собственное обращение и пришедшую к нему радость, как на одну из причин, почему он хотел, чтобы все они были христианами.

Миссис Янг и я были восхищены и поражены; не только его готовностью высказаться, но и религиозным характером и силой обращения. Я мог только сказать в своем сердце:

“Таков итог тех долгих часов, которые это юное дитя Божье проводило день за днем с открытой Книгой перед собой и Святым Духом в качестве своего учителя; и, слава Богу, вот славная награда за все, ради чего нам пришлось сделать и терпеть этого дикого неопрятного индийского парня. В этот единственный радостный час мы видим достаточно, чтобы отплатить нам за все, с чем нам пришлось мириться до того, как была впервые оценена наша доброта. Казалось, между посевом семян и жатвой прошло много времени; но наконец пришло время жатвы, и здесь мы являемся свидетелями этого великолепного зрелища — Сэнди, наш некогда дикий непокорный индийский мальчик, теперь с сияющим лицом и красноречивым языком, на самом красивом языке Священного Писания убеждающий и умоляющий своих индийских друзей отказаться от их старого глупого язычества и принять христианство ”.

Пока он говорил, лица его индийских слушателей были поистине изучающими. Они буквально упивались его чудесными словами. Некоторым из них я проповедовал во время своих долгих путешествий; но кроме этих немногих, сейчас Сэнди слушали те, кто никогда раньше не слышал ничего подобного, и они казались изумленными и сбитыми с толку. Люди, которые никогда не были свидетелями этого, с трудом могут представить себе изумление, а иногда и благоговейный трепет, охвативший компанию чистокровных язычников, когда они впервые услышали историю об Искупительной Любви.

Сэнди продолжал рассказывать им о своей любви и беспокойстве за них, а также о своем желании и постоянных молитвах о том, чтобы все они стали христианами и сами узнали, что Бог любит их и что они Его дети. Он объяснил им, как сначала он думал, что Библия предназначена только для белых людей; но теперь он узнал, что Великий Дух дал Свою Книгу всем расам, одинаково любя всех. Вот почему он так беспокоился о том, чтобы его собственный народ принял это великое спасение, которое было для них. Это сделало бы их счастливыми, как это делало других повсюду, кто полностью принял это.

Они с большим интересом выслушали конец его длинной речи. В ответ на его просьбу был задан ряд вопросов, касающихся этого нового пути и того, как они смогли вступить на него. Его ответы были очень уместными и красивыми. В дополнение к своим собственным словам, он снова открыл Библию и читал им обещание за обещанием, чтобы показать универсальность

любви Божьей и то, что Он отдал своего Сына умереть за всех них, и что они должны сделать, чтобы принять эту любовь в свои сердца.

По его просьбе я выступил с короткой речью, подтвердив то, что он сказал. Я с любовью умолял их вспомнить его слова и поступить так, как поступил он, — отдать свои сердца Богу и таким образом стать Его счастливыми, любящими детьми. Был спет гимн, вознесены искренние молитвы, произнесено благословение — и эта замечательная служба подошла к концу.

Перед уходом они собрались вокруг Сэнди и поцеловали его. Они задали ему еще несколько вопросов об этом новом пути, и с некоторыми из них у него были искренние беседы о вере. Все они подошли, пожали нам руки и очень любезно поблагодарили нас за нашу огромную любовь и доброту к их Оокемасису, молодому вождю, как они теперь в шутку называли Сэнди.

Пробыв с нами несколько лет, Сэнди вернулся к своей земле и людям. Среди них он до сих пор живет преданным, трудолюбивым христианином. Он - правая рука миссионера, благословение для многих, и мы считаем одной из наших “главных радостей” то, что мы сыграли важную роль в том, чтобы привести его к свету.

Глава седьмая.

Новогодний индийский праздник.

С незапамятных времен индейцы славилась количеством своих праздников. Некоторые из них — такие, как Новолуние и первые плоды кукурузы, отмечаемые частью племен, - были в целом невинными, что, по—видимому, указывало на какое—то еврейское происхождение в далеком прошлом; другие — такие, как праздник собак, когда бедных животных бессмысленно разрывали на куски, - были крайне отвратительны.

Как только миссионерам удалось заставить краснокожих слушать Евангелие, они настояли на отмене греховных праздников, тем более что они были более или менее связаны с их представлениями о богослужении. Даже собачий пир считался “хорошим лекарством” для умиловливания злых духов, потому что индеец ценил собак наравне со своими детьми, и приносить их в жертву было очень великим подношением.

Когда миссионеры отправились к Северным лесным кри, они добились большого успеха в освобождении людей от их языческих суеверий. Они, конечно, настаивали на полном отказе от всех предосудительных привычек и обычаев своей прошлой жизни, и среди них - от своих греховных пиршеств. Однако они не пытались искоренить это слово из своего языка, а вместо того, чтобы сделать то, что было настолько неправильным, организовали христианский фестиваль. Этот великий праздник отмечался в день Нового года — если только этот день случайно не приходился на воскресенье, когда он проводился на следующий день, — в Норвежском доме, крупнейшей миссионерской станции в те дни.

Подготовка к нему была начата за много месяцев до этого. Будет проведен большой индийский совет, на котором в качестве простой формальности сначала будет задан вопрос: “Будем ли мы устраивать великий праздник в этом году?”

Это будет принято единогласно и — для индийцев — под бурные аплодисменты. Следующий вопрос, для ответа на который требовалось больше времени, звучал бы так: “Что каждый мужчина готов внести в качестве своего вклада в праздник?”

Поначалу ответы казались очень странными. Мамановатум, крупный индийский охотник на лосей, сказал бы:

“Я обнаружил след лося. Я отдам половину животного — и его нос”.

Лосиный нос считается большим деликатесом. Мясо лося - лучшее из всей оленины; а Мамановату был самым успешным охотником. Так что этот великолепный вклад, хотя лося еще предстояло подстрелить, и его было трудно убить, будет записан с большим удовольствием.

Тогда Сокватум говорил: “Я обнаружил берлогу медведя. Я отдам половину медведя на праздник — и все лапы”.

Этот щедрый вклад также вызвал бы большое одобрение, поскольку лапки битта также входят в число главных деликатесов страны.

Следующим выступал Мустаган и говорил: “Я знаю, где есть большое бобровое логово, и я дам пять бобров — и десять хвостов”.

Это пожертвование также было бы встречено с большим удовлетворением, поскольку бобры очень вкусны, а их огромные широкие хвосты, вместе с носом лося и лапами медведя, составляют главные деликатесы страны.

Охотники быстро поднимались один за другим и предлагали свои дары, заставляя индийского секретаря деловито записывать слоговыми знаками различные обещанные дичи, большая часть которых все еще бродила — возможно, за сотни миль отсюда — в зимнем лесу.

Те из охотников, кто преуспел в поимке ценных пушных зверей, мясо которых непригодно в пищу, внесут свой вклад в виде богатых мехов, таких как норки, мартышки, выдры и горностаи, которые будут обменены на складах Компании Гудзонова залива на муку, чай, сахар и сливы.

Совет будет действовать до тех пор, пока все, кто мог внести свой вклад или имел хоть отдаленное представление об успехе, не зарегистрируют свои взносы.

Вскоре после этого начиналась работа по заготовке обещанных подношений для праздника. Даже те, кто добивался успеха, не всегда приносили то, что обещали. Иногда тем, кто обещал бобра, так везло, что они встречали стадо северных оленей и, таким образом, возвращались со своей добычей оленины, возможно, в четыре раза превышающей обещанную добычу бобра. Или, возможно, человек, который обещал пару диких кошек — а они неплохая еда, — усердно разыскивая их, заметил бы крошечную восходящую струйку пара из большого сугроба, которая подсказала бы ему, что там, внизу, в берлоге, спят несколько жирных гусей. Их выкапывали и убивали, а часть мяса приносили на пир. Опять же, иногда случалось — поскольку удача охотника очень ненадежна, — что те, кто обещал большой вклад, не могли принести так много.

Однако благодаря пожертвованиям торговцев мехами и миссионерского дома их могло быть много, а это было необходимо, поскольку у индейцев хороший аппетит.

По мере того, как различные виды животных отстреливались или отлавливались, мясо доставлялось в миссию и надежно охранялось от хитрых собак в большом рыбном сарае, где оно замораживалось и таким образом сохранялось в хорошем состоянии до тех пор, пока не требовалось. Примерно за неделю до дня праздника жена миссионера призывала к себе на помощь небольшое количество умных индианок; и с помощью нескольких мужчин, которые нарезали замороженное мясо на куски подходящего размера, они жарили или отваривали все это великолепное ассорти. Это был “ассортимент”, и они с гордостью смотрели на него и радовались. Из муки, слив, сахара и медвежьего жира — заменителя жирного сала — получались отличные сливовые пудинги, твердые; но куски, отрубленные топором, доставляли большое удовольствие любителям поесть.

Когда настал день, приготовления к пиршеству начались очень рано. Сиденья были вынесены из церкви, а столы по всей длине помещения были быстро изготовлены и расставлены местными плотниками. В двух железных печах горел огромный огонь, и температура внутри здания была максимально приближена к тропической, в то время как снаружи было пятьдесят градусов ниже нуля или даже холоднее. Этот сильный жар был необходим для размораживания мяса, которое после приготовления день или два назад быстро остыло и застыло намертво. Вскоре большие запасы были доставлены в горячую церковь, и через несколько часов, прошедших до начала праздника, все было в отличном состоянии для двенадцати или полутора сотен голодных индейцев, которые в течение нескольких недель с нетерпением ожидали этого великого события.

Это была разношерстная компания, всем рады, и все в наилучшем расположении духа. Вожди и старшие помощники получали указания от миссионера, передавали их работникам и следили за тем, чтобы все было сделано. Счастливые занятые женщины под любящим руководством жены миссионера, которую они просто боготворили, расставляли столы, для оснащения которых были задействованы все столовые принадлежности деревни, в основном оловянные чашки и тарелки, а также кладовая миссии. Были сварены огромные котлы и заварочные чайники с чаем, и сотни лепешек, приготовленных из муки, воды и небольшого количества соли, были выпечены на сковородах или на плитах, разрезаны на большие куски и приготовлены к раздаче.

Пока занятые люди занимались последними приготовлениями к великому пиршеству, которое обычно начиналось около часа дня, сотни других индейцев — особенно молодых мужчин — занимались различными видами спорта на улице. На санных горках школьников было много посетителей, а на замерзшем озере было сыграно несколько оживленных игр в футбол. Снег был счищен с гладкого льда, на котором активные фигуристы демонстрировали свою скорость и мастерство. Но мысли всех были заняты праздником, и они с нетерпением ждали звука колокола, который призвал бы их к наслаждению.

Примерно в середине первой половины дня в приготовлениях наступал самый интересный перерыв. Вождь подходил к миссионеру и просил карандаш и лист писчей бумаги. Затем, взяв с собой кого-нибудь из главных людей в церковь, где была занята толпа рабочих, он объявлял короткий перерыв в работе и, встав на скамейку, спрашивал:

“ Сколько наших людей больны, постарели или ранены и поэтому не могут быть с нами сегодня на великом празднике? Назови мне их имена.

По мере упоминания имен они будут записываться; возможно, до тех пор, пока таким образом не будут названы двадцать или больше.

“Еще есть?” - восклицал вождь. “Пусть никто не останется без внимания в этот счастливый день”.

“О да, есть старая женщина, прикованная к постели, лежащая на своем ложе из кроличьих шкурок и веток бальзамина в вигваме в шести милях вверх по реке Джек”, - говорит один из них.

“Я слышал, что индейцы-язычники, пришедшие на праздник, оставили двух больных людей в вигваме на острове недалеко от деревни Йорк”, - говорит другой.

“ Поставьте их, конечно. Но остановитесь! Один из вас выйдет и спросит тех, кто пришел, не осталось ли там больше этих двоих.

Вскоре приходит известие, что есть не только эти двое больных, но и маленькая девочка со сломанной ногой.

- Запишите и ее имя тоже.

Список снова перечитывается, и снова задается вопрос:

“ Ты уверен, что мы никого не упустили из виду? Для нас было бы позором пировать здесь, а о наших престарелых и страдающих забыть.

Этот вопрос обсуждался до тех пор, пока они не были уверены, что все имена записаны, даже те, кто страдал от болезней, все еще не обращенных индейцев, которым всегда были рады и которые, как правило, были под рукой. Затем вождь с одним-двумя помощниками подходил к большим кучам еды и отрезал щедрые куски оленины и медвежатины, а также из множества других вещей составлял столько больших свертков, сколько было названий в его списке, и в каждом свертке, возможно, было столько еды, чтобы страждущим хватило на пару дней. Затем вождь выходил туда, где занимались спортом крепкие, подвижные молодые люди, и, выкрикивая имена стольких узелков, сколько у него было, отдавал самому быстрому большой свертки и говорил:

“ Отнеси это Оокумино, которая лежит больная в постели в шести милях вверх по реке, и скажи ей, что мы все сожалеем о том, что она такая старая и немощная и не может быть с нами сегодня. Вместе с этим передайте ей наш христианский привет и любовь, а также наши пожелания, чтобы она насладились своей долей праздника”.

Убедившись, что завязки его мокасин и расшитые бисером подвязки хорошо завязаны, и затянув пояс-кушак вокруг кожаной рубашки, быстрый бегун помчался бы прочь, как стрела, направляясь напрямик к далекому вигваму, где в старости и немощи находится одна из бабушек племени, ныне любимая всеми; но которая была бы предана смерти много лет назад, если бы благословенное Евангелие не пришло к этому народу и не произвело чудесных преобразований в их сердцах. Этому быстрому индейскому бегуну пришлось бы пройти шесть миль и вернуться, прежде чем он смог бы получить свою долю пиршества; но не бойтесь, он

вернется вовремя. Что для него двенадцать миль, когда в конце всего такой праздник? И потом, разве он не христианин? И разве он не считает радостью нести такой сверток с таким любовным посланием престарелому и немощному Оокумино? Конечно, считает.

Другие, которым адресовано то же самое и которые наполнены любовными посланиями, быстро отсылаются. В то время как большинство курьеров предпочитают совершать путешествие на своих двоих, некоторые, возможно, у кого есть свертки на троих или четверых в одном и том же районе, предпочитают добираться на своих собачьих упряжках. Однако не имеет большого значения, как они поедут. Вскоре все они уезжают и возвращаются гораздо раньше, чем мы, неопытные, ожидаем.

Что касается самого великого праздника, то трудно дать сколько-нибудь адекватное описание. Столы ломятся от разнообразной еды, чашки наполняются чаем, и все пожилые люди первыми рассаживаются. В некоторые годы у миссионера было принято накрывать большой стол во главе стола, за который приглашались официальные лица Компании Гудзонова залива и их семьи, а также все приезжие друзья, которые могли быть в стране. Вождам также было предоставлено место за этим столом, и эта честь была высоко оценена. Когда все расселись, они от души спели "Молитву перед мясом", перевод стиха на кри:

“Присутствуй за нашим столом, Господь,
Будь здесь и повсюду обожаем;
Эти создания благословляют и даруй нам
Возможность пировать с Тобой в Раю”.

Когда пожилые люди поели, столы быстро убрали; затем снова наполняли и снова наполняли, пока все не насытились, а некоторые даже не вернулись, “чтобы заполнить”, как они сказали, обнаружившиеся свободные места. Какой у них был аппетит; и какое безудержное наслаждение! Ни дурные предчувствия грядущего кошмара, ни приступы несварения желудка не нарушали их блаженства. Диспепсия и родственные ей болезни до тех пор никогда не посещали этот здоровый охотничий народ; и поэтому, когда был приготовлен такой пир из жирных продуктов, как этот, где они знали, что все они желанные гости, они хорошо провели время и получили его в полной мере, нисколько не беспокоясь о последствиях. Это была целая эпоха в их истории — самый благословенный день в году. На основании этого некоторые из них записали время, через столько-то лун после праздника; и по мере того, как наступал год, они договаривались о встречах за столько-то лун до следующего праздника.

Если припасов было еще много, когда последние поели, первые снова принимались за работу до тех пор, пока все ребра медведя не были обглоданы и каждая ляжка оленины не исчезла. Величественно приближалась ночь, прежде чем наступила эта стадия разбирательства. Когда он все-таки прибыл, охотные руки вскоре разобрали столы, вывели помещение, заменили сиденья, зажгли масляные лампы, и интеллектуальный пир состоялся. В течение многих лет Мамановатум, чье знакомое имя было Большой Том, был назначен председателем. На самом деле он был крупным человеком, почти гигантом, медлительным и неторопливым; но обычно он оставлял свой след во всем, что брался делать или говорить. Было забавно видеть его в кресле, председательствующим на большом собрании. Все его очень уважали, и никто не осмеливался злоупотреблять его кажущимся добродушием. Он медленно

поднялся, казалось, короткими рывками; но когда поднялся, ему было что сказать, и он это сказал.

Они всегда начинали любое собрание, проводимое в церкви, религиозными упражнениями. Затем Мамановатум произнес свою речь, всегда добрую и наводящую на размышления, лейтмотивом которой были слова благодарности Богу за благословения уходящего года. Закончив, он обратился с речью к разным индейцам. Некоторые из них тоже были очень хороши. Это вечер всех остальных, когда индийские ораторы стараются быть юмористичными и остроумными. Как раса, они не преуспевают в этом, но иногда у них получаются очень хорошие результаты. Хотя они начинали свои речи с какой-нибудь яркой шутки, вызывавшей улыбки и даже смех, в этом месте никогда не было ничего неподобающего, и все быстро переходило к выражению благодарности Богу за его благословения. Слушая их благодарные, радостные слова, можно подумать, что они были самыми любимыми людьми на земле; что никогда еще не было такого угощения, такой вкусной оленины, такой жирной медвежатины, такого крепкого чая с таким количеством сахара; и что ни у одного другого народа не было таких добрых миссионеров. Поэтому с более благодарными сердцами, чем когда-либо, они пели:

“Хвалите Бога, от которого исходят все благословения”.

Так они разговаривали и радовались вместе этому особому служению, которое было полностью их собственным. Ожидалось, что в этом случае белые отойдут на второй план и ничего не скажут.

Около десяти часов они вместе пропели славословие; и с благословением, произнесенным одним из них, этот интереснейший из дней, с его разнообразными удовольствиями, подошел к концу.

Прошло много лет с тех пор, как мы вместе со счастливыми Кри наслаждались этими богатыми праздничными днями; и все же они вошли в нашу миссионерскую жизнь как знаменательные дни; когда наши сердца были особенно тронуты спонтанной и сердечной добротой, проявленной к престарелым и страждущим, которые не смогли присутствовать, но щедрые подарки, присланные им, дали почувствовать, что они не были забыты или пренебрегли, а в значительной степени стали участниками удовольствий того богатого событиями дня.

Глава восьмая.

Дополнительный обоз с припасами и что из этого вышло.

“Поскольку у вас этой зимой так много великолепных собак, почему бы вам не взять с собой дополнительный поезд и не привезти с Ред-Ривер немного цивилизованной еды, чтобы она напоминала нам о других днях?”

Так говорила моя добрая жена, которая, как и я, иногда уставала от того, что примерно полгода в нашем рационе была местная пресноводная рыба. В течение остальных шести месяцев мы питались в основном дичью, такой как оленина, медвежатины, бобр, дикая кошка, куропатка, кролики и даже ондатры. Таким образом, эта просьба принести что-нибудь поесть, что отдавало

бы цивилизацией, не была необоснованной. Я направлялся в поселение Ред-Ривер по делам, связанным с духовным развитием нашей миссии, и это была хорошая возможность поделиться со мной кое-чем, что добавило бы нам комфорта и помогло в нашей хорошей работе; нам приходилось так много делать для наших бедных индейцев, которые часто попадали в беду и постоянно обращались к нам за помощью.

Мои великолепные даги, полученные в Гамильтоне, Монреале и других местах, увеличивались и размножались, пока теперь у меня не появилось несколько лучших ездовых собак в стране. Когда пришло время для долгого путешествия, я запряг их; и, взяв дополнительный поезд для дополнительного запаса еды, который предложила моя жена, с моим проводником и погонщиками собак, отправился в путешествие. Чтобы мы могли вернуться с полным грузом, мы отправились в путь с нашими санями, нагруженными рыбой, большое количество которой мы припрятали в разных местах наших стоянок, чтобы накормить наших собак на обратном пути.

Мы были в пути несколько дней, так как столкнулись с сильной метелью, которая очень затруднила путешествие с нашими тяжелыми грузами. Тем не менее, мы добрались до поселения и встретили теплый прием в доме нашего друга, почтенного. Мистера Сифтона. Дело, которое привело нас к цивилизации, было вскоре налажено, и мы начали закупать припасы на обратном пути, особое внимание уделяя приобретению дополнительного количества полезных вещей. Сначала я пошел к мяснику и купил у него около двухсот пятидесяти фунтов отборных кусков мяса, сказав ему, что, поскольку его придется тащить на собачьих упряжках несколько сотен миль, мне нужно как можно меньше костей. Он был порядочным человеком и хорошо относился ко мне. Затем я пошел к лавочнику и купил у него рис, муку, масло, овощные консервы и разные другие продукты, в общей сложности около шестисот фунтов. Я был очень горд таким грузом, в дополнение к запасу муки, который был на других санях. Отправив свои тяжело нагруженные собачьи упряжки на пару дней вперед, я последовал за ними — в компании Мартина Папанекиса, любимого индийского гонщика — с такими собаками, как. Вояжер, как лидер, а Джек, Каффи и Цезарь позади него, зная, что нам не составит труда обогнать остальную часть нашего отряда. Мы так организовали наше обратное путешествие, что каждую ночь добирались до лагеря, которым пользовались в исходном путешествии. В двух местах, к большому нашему отвращению, мы обнаружили, что волки или росомехи оказались слишком умны для нас, обнаружили наш тайник и сожрали нашу рыбу. Так что в те ночи нам приходилось кормить наших собак мясом, купленным в Ред-Ривер.

В назначенное время мы добрались до дома нашей миссии, где испытали огромное удовлетворение от изобилия и разнообразия припасов, добытых такой ценой тяжелого труда и опасностей. Меню было значительно улучшено, и дважды в неделю мы ели небольшое жаркое из говядины или баранины с овощами и десерт из рисового пудинга.

Так продолжалось две или три недели, когда наши сердца были опечалены, а наши обязанности и заботы значительно возросли из-за вспышки кори среди наших индейцев. Эта эпидемия была вызвана прибытием в нашу страну некоторых вольных торговцев, которые недавно переболели этой болезнью. Их выписали из больницы как вылечившихся; но тем или иным способом они заразились микробами болезни, так что, входя в вигвамы и покидая их, они распространяли заразу среди туземцев, и вспыхнула эпидемия. Эта странная новая болезнь привела людей в ужас.

В то время у меня были группы индейцев на реке Омеме, а также на реке Беренс, где мы тогда жили. Примерно в это же время корь вспыхнула и среди ряда индейцев-язычников под властью Толстоногого, упрямого, но дружелюбного старого вождя, который отказался стать христианином. В этом месте мы совсем недавно достроили дом миссии, несколько хозяйственных построек и удобное здание школы, которое мы использовали как церковь до тех пор, пока последняя не будет достроена. Весь лес для этих построек мы притащили с нашими собаками с большого острова, расположенного в нескольких милях от материка. Когда вспыхнула корь и мы увидели страх индейцев, мы сразу же, насколько это было возможно, превратили помещение нашей миссии в больницу. В дополнение к уже упомянутым зданиям мы также поставили для больных нашу большую палатку из кожи буйвола. Здесь, на импровизированных кроватях и кушетках, мы собрали вокруг себя страждущих, устроив их поудобнее, насколько позволяли наши ограниченные средства.

На реке Омеме наши индейцы-христиане, к счастью, спаслись; но индейцы-язычники, среди которых вспыхнула болезнь, обезумели от страха и во многих случаях действовали таким образом, чтобы усугубить болезнь. Некоторые из них, когда они вырвались, убежали из своих нагретых вигвамов и покатались по снегу, что, конечно, было самым ужасным обращением, приведшим к гибели многих. После этого их родственники пришли в такой ужас, что, боясь хоронить их тела, они разобрали вокруг себя вигвамы, оставив их на растерзание волкам; а затем передали мне, что, если я хочу, чтобы их друзья были достойно похоронены, я должен приехать и сделать это сам. Услышав это, я взял несколько досок, гвоздей, молоток, лопаты и другие необходимые вещи и с несколькими индейцами поспешил на место. После некоторых уговоров мне удалось уговорить индейскую семью перенести свой вигвам с того места, где он простоял всю зиму и где постоянно горел огонь; и там, где земля была еще теплой и незамерзшей, вырыли могилу, сделав ее достаточно просторной для всех умерших. Из наших досок мы сделали гробы и после простой религиозной службы похоронили своих умерших.

В Беренс-Ривер наш метод лечения больных был примерно таким. Ранним утром большие горшки, частично наполненные водой, подвешивали над хорошим огнем. В них было положено несколько фунтов хорошей свежей говядины или баранины, которую мы привезли из цивилизации. Когда рис хорошо разварился, в него всыпали несколько фунтов риса и оставили вариться до образования наваристого питательного супа. Затем в изобилии испекли сытные лепешки. Пока готовился этот завтрак для больных, миссионер со своими помощниками был усердно занят обходом больных. Их различные нужды были удовлетворены, были даны лекарства, и все, что только можно было, с радостью делалось для их комфорта. Затем жена миссионера со своими помощницами последовала за ними с котелками теплого супа, хлебом и чаем. Страждущим была подана эта питательная пища, которая пришлась им по вкусу. Были такие тяжелые случаи, что временами казалось, что спасти их будет невозможно; но с благословения небес на наши усилия нам удалось добиться выздоровления каждого пациента, находившегося под нашей непосредственной опекой. Делая все, что в наших силах, для их физического выздоровления, мы имели большие возможности для передачи религиозных наставлений. Пели сладостные гимны, переведенные на их родной язык, и у каждой постели часто читали и объясняли чрезвычайно великие и драгоценные обетования благословенной Книги. Страх перед этой странной новой болезнью оставил их, и они стали терпеливыми и полными надежды. Результатом было то, что в то время как среди индейцев-язычников на реке Омеме было много смертей, ни один из наших индейцев-христиан не умер.

Когда был вылечен последний случай и болезнь исчезла, мы подвели итоги наших запасов. Мы обнаружили, что весь этот дополнительный запас продовольствия, вместе с большим количеством муки и других вещей, был израсходован на питание наших бедных больных людей. К нашему столу не попало и десятой части всего, и поэтому нам снова пришлось вернуться к нашей родной пище. Рыба снова была нашим рационом двадцать один раз в неделю. Но мы испытали огромную радость и удовлетворение, узнав, что, по всей вероятности, мы спасли жизни многих наших людей; и нашли такое место в их сердцах, что наши будущие усилия по евангелизации или оказанию помощи в благословенной жизни будут намного более эффективными.

Глава девятая.

Урок, который никогда не забудется.

Когда я был маленьким мальчиком, мой отец выполнял большую миссию в глухих лесах Канады. Выносливые эмигранты из Старого Света теснились в этой новой стране, и каждый год выращивались новые тысячи акров зерновых там, где незадолго до этого росли темные первобытные леса, стоявшие веками.

Коренные индейские племена отступали перед этим неудержимым наступлением белого человека или селились в резервациях, выбранных для них правительством. В течение многих лет они сохраняли за собой право бродить по окрестностям и убивать дичь, которая все еще водилась в изобилии, но которой быстро становилось все меньше по мере увеличения поселений белых. В дополнение к охоте и рыбной ловле трудолюбивые индейцы создавали себе комфорт, изготавливая местные корзины, метлы, рукояти для топоров, мотыг и тому подобные изделия, которые они продавали дружелюбным поселенцам в обмен на еду и одежду. Те, кто оставил в покое огненную воду и был трудолюбив, таким образом, могли жить в комфорте.

Этим индейцам в их резервациях Евангелие проповедовали самоотверженные миссионеры, совершавшие свои трудные поездки. Эти визиты не были напрасными. Многие из этих детей леса, больные и неудовлетворенные своим старым язычеством, которое не давало покоя их беспокойным душам, с радостью приняли истину и стали ревностными, последовательными христианами. Их благочестивая жизнь во многих местах была постоянным укором непоследовательности и грехам их белых соседей. В дни моего детства, когда мне изредка разрешалось сопровождать моего отца в некоторые индейские лагеря, которые находились не очень далеко от нашего дома, я хорошо помню сладкие жалобные голоса индейцев, когда они пели некоторые из наших гимнов, переведенных на их язык. Их благочестивое и внимательное поведение во время религиозных служб произвело на меня глубокое впечатление. Мне всегда доставляло огромное удовольствие навещать их вигвамы, видеть, как молодежь занимается спортом, а те, что постарше, - своей работой: строят каноэ или плетут корзины.

В своем мальчишеском любопытстве я не ограничивал свои странствия исключительно индейцами-христианами; но, поскольку все были очень дружелюбны, я бродил по лагерю к разным вигвамам, чтобы увидеть что-нибудь новое и интересное. Поскольку я был известен как

сын Черного Плаща — так в племени называли миссионера, — меня всегда радушно принимали в вигвамах и отводили место в кругу у костра.

В одном вигваме произошел следующий характерный случай, который произвел на меня глубокое впечатление. На земле сидели представители трех поколений, все, за исключением престарелого дедушки, были усердно заняты работой, главным образом изготовлением корзин. Это был старик патриархального вида, и на мой юный взгляд, когда он сидел на своем одеяле и курил свою длинную трубку, казалось, что он погружен в свои мысли, не замечая ни меня, ни кого-либо другого.

Самым молодым в компании и тем, кто, естественно, привлек мое внимание, был юноша примерно моего возраста. Он деловито орудовал кривым индийским ножом, пытаясь изготовить стрелу. В своем стремлении к успеху он выронил нож и, к сожалению, очень сильно порезался. При виде крови, которая текла обильно, потому что рана была безобразной, парень издал вопль боли и тревоги, который сильно напугал его стойких родственников. Облегчение было быстро достигнуто, порез намазали бальзамом и перевязали куском оленьей шкуры. Мальчик не получил ни единого слова сочувствия, напротив, почти от всех в вигваме поднялся хор негодования и отвращения. Для них было большим позором, что один из членов их семьи, к тому же мальчик, проживший столько зим, вот так выл и рыдал из-за такой пустяковой травмы.

Как бы другие семьи смеялись над ними, когда бы услышали об этом! Какое-то время казалось, что они сурово накажут его не за неловкость в обращении с ножом, а за то, что он не контролировал свои чувства и относился к ране и боли с полным безразличием.

Особенно старый дедушка был глубоко взволнован и возмущен поведением, столь недостойным его внука, к которому, очевидно, он был глубоко привязан.

Индейцы очень редко наказывают своих детей. Особенно редко розги применяются к мальчикам. Девочкам в языческих семьях часто приходится нелегко, их часто колотят; но мальчики, как правило, сбегают, даже если они вполне заслуживают наказания. Здесь, однако, был очень серьезный случай. Мальчик совершил преступление, вскрикнув от обычного пореза на руке, нанесенного им самим. Нельзя оставлять это без внимания. Парню нужно преподать урок, который он никогда не забудет. И вот каким образом это было сделано, к большому моему изумлению, его старым дедушкой.

Посадив рядом с собой парня, который, очевидно, теперь чувствовал себя очень виноватым, он прочитал ему лекцию о том, как нужно переносить боль, не издавая ни крика, ни даже стоны. Тогда старик, который в молодости был великим воином, сказал ему, что, если он не будет более храбрым, он никогда не станет храбрым воином или хорошим охотником; и что, если он не сможет контролировать свои чувства и никогда не закричит, что бы ни случилось, они никогда не смогут уважать его больше, чем старую бабушку.

Пока старик взволнованно разговаривал с ним, теперь полностью выведенный из своего обычного спокойного состояния, он снова развел огонь, который частично догорел. Когда, благодаря добавлению нескольких очень сухих дров, огонь разгорелся очень сильно, он снова быстро повернулся к своему внуку и, резко и взволнованно заговорив, сказал: “Смотри сюда! Посмотри на меня! Именно так храбрый воин должен переносить боль!” Затем, к моему ужасу, он внезапно протянул руку и, сунув один палец в пламя, держал его там до тех пор, пока тот не обгорел.

Во время этого тошнотворного испытания ни один мускул на лице старика не дрогнул, ни один стон не сорвался с его твердо сжатых губ. Судя по его внешнему виду, это могла быть палка, которую он жег. Когда, наконец, он отнял хрустящий обожженный палец своей покрытой волдырями руки, он протянул его внуку и прочитал ему еще одну лекцию, сказав ему, среди прочего, что, если он когда-нибудь хочет стать великим или почитаемым среди своего народа, он должен слышать боль, не вздрагивая и не издавая крика.

Глава десятая.

Честный индеец; или оленина к пеммикану.

Много лет назад миссионеры, жившие в северной части того, что тогда было известно как территории Гудзонова залива, часто были настолько удалены от цивилизации, что были вынуждены в основном питаться рыбой и дичью. Поэтому во времена дефицита они приветствовали появление охотника, который приходил с большим количеством дичи.

Однажды холодным зимним днем человек, похожий на это описание, появился в нашем миссионерском доме. Он был прекрасным рослым индейцем и, как свойственно его народу, тихо вошел в нашу кухню без стука. Сняв со спины прекрасный окорок оленины, он бросил его на стол. Поскольку в то время наши запасы еды были очень ограничены — в среднем мы ели едва ли больше двух раз в день, — я был рад видеть это долгожданное пополнение; и поэтому, сердечно поприветствовав его, я сказал:

- Что мне дать тебе за эту оленину?

“Я ничего не хочу за это, поскольку оно принадлежит тебе”, - был его ответ.

“Вы, должно быть, ошибаетесь, - ответил я, - поскольку я никогда не видел вас раньше и не имел с вами дел”.

“О, но это действительно принадлежит тебе, и я больше ничего за это не хочу”, - настаивал он.

“Извините меня, - сказал я, - но вы *должны* позволить мне заплатить вам за это. Мы очень рады получить это, так как в доме мало еды; но у нас здесь есть правило: мы платим индейцам за все, что получаем от них”.

Причина, по которой мы пришли к такому решению, заключалась в том, что мы на собственном опыте убедились — как, мы предполагаем, и другие миссионеры в аналогичных областях, — что местные жители считают миссионера богатым или что его поддерживают богатые церкви; и, имея в своем распоряжении неограниченные ресурсы, он способен делать большие пожертвования в обмен на полученные меньшие. Миссионеру или его жене с большой вежливостью давали несколько кроликов или пару уток. Затем даритель, часто в сопровождении своей жены и нескольких детей, оставался на ужин и, по всей вероятности, съедал большую часть подарка. Конечно, их следовало пригласить на ужин — а аппетит у них был отменный. Поскольку они все еще медлили, пока не пришло время ложиться спать, миссионер, наконец, был вынужден намекнуть, что, по его мнению, им лучше пойти и посмотреть, на том ли месте их вигвам, где они оставили его утром. Обычно это приводило к

кризису, и мужчина говорил: “С тех пор как мы пришли, мы только и ждали, чтобы получить подарок, который ты собираешься нам сделать, за тот, который мы подарили тебе”.

Хотя они были довольны тем, что продавали по разумной цене различные вещи, которые могли предоставить для наших нужд, все же, если подарок принимался, они ожидали чего-то, во много раз превышающего его стоимость. Если бы этому позволили продолжаться, мы бы быстро остались без всего в доме. Поэтому, незадолго до прибытия этого странного индейца с олениной, в качестве меры предосторожности мы взяли за правило больше не получать подарков от индейцев; но за все привозимое, в чем мы нуждались, например, за мясо, рыбу или мокасины, должна была устанавливаться справедливая цена, согласованная обоими. И все же, несмотря на все это, рослый индеец настаивал, чтобы я получил окорок оленины бесплатно. Судя по некоторому прошлому опыту, я боялся, что если приму это в подарок, то это почти разорит меня. Поэтому я снова сказал ему:

- Вы должны позволить мне заплатить вам за это.

“Нет, нет”, - энергично ответил он. “Я не беру платы. Она принадлежит вам”.

“Как ты это понял? - Спросил я, еще более озадаченный, чем когда-либо.

Затем он перешел к своему объяснению, которое глубоко заинтересовало меня и, я уверен, заинтересует моих читателей.

Во-первых, он начал с того, что задал мне несколько вопросов:

- Прошлой зимой вы совершали поездку со своим гидом и погонщиками собак к реке Бернтвуд?

“Да, это так”, - был мой ответ.

- А ваши собачьи упряжки не были сильно нагружены?

“Да”, - ответил я.

- И разве за сильным снегопадом не последовала метель, которая, поскольку у вас не было следов в глубоком снегу, очень затруднила передвижение?

“Совершенно верно”, - ответил я, потому что все произошло именно так, как он описывал. - А разве вы не сделали в определенном месте тайник с пеммиканом и другими тяжелыми вещами, чтобы облегчить свой груз и дать вашим собакам больше времени?

- Да, - ответил я, потому что хорошо помнил то долгое путешествие и страшную бурю, которая сделала путешествие по непроходимому лесу почти невозможным.

Я отправился в путешествие протяженностью в несколько сотен миль, чтобы донести Евангелие до некоторых индейцев, которые все еще находились во тьме язычества. Я путешествовал с шестнадцатью собаками и четырьмя спутниками-индейцами, и там не было ни малейшего признака дороги. Это единственный большой недостаток; и любая группа охотников, торговцев или миссионеров, желающих путешествовать с любой скоростью, должна послать одного из своих людей впереди собачьих упряжек, чтобы он отмечал путь своими большими снегоступами по мере продвижения. Мастерство и выносливость, с которыми выполняется эта работа, изумительны и почти невероятны для тех, кто не был свидетелем этого. Часто местность в

течение нескольких дней остается безмятежно однообразной, без каких-либо ярких черт в пейзаже и без малейших признаков человеческих шагов. Облака могут собираться и закрывать все небо мрачной серой мантией, так что белый человек приходит в замешательство и не отличает юг от севера или восток от запада. И все же индийский гид продвигается вперед без колебаний и с безошибочной точностью.

Когда мы старались продвигаться вперед как можно быстрее, на нас обрушился свирепый шторм. Снегопад был таким сильным, что с нашими тяжелыми грузами быстрое продвижение было совершенно невозможным. Мы обнаружили, что должны либо облегчить наш груз, либо довольствоваться потерей много ценного времени в пути. Обсудив это с моими индейцами, мы выбрали прежний курс, и таким образом был сделан “тайник”. Несколько более тяжелых предметов были завернуты в большие одеяла, несколько молодых деревьев были пригнуты рослыми мужчинами, и связки закреплены на их верхушках. Когда их отпускали, молодые деревца поднимались вверх и таким образом удерживали свой груз так высоко над землей, что были в безопасности от крадущихся волков или росомех. Этот план намного безопаснее, чем использование больших деревьев, поскольку на последние могут забраться многие дикие животные, и с “тайником” придется повозиться недолго.

На облегченных санях — хотя, к сожалению, кое-чего из оставленных вещей не хватало — мы поспешили дальше и через несколько дней достигли места назначения. Мы обнаружили, что большинство индейцев рады видеть нас и жаждут получить наставления о путях великой Книги. Они были недовольны поступками своих отцов и потеряли всякую веру в своих заклинателей, поэтому с большим вниманием слушали то, что мы рассказывали о Евангелии Сына Божьего.

Пока мы таким образом выполняли свои миссионерские обязанности, в этой холодной северной стране бушевали снежные бури; так что, отправляясь в долгое путешествие домой, мы обнаружили лишь несколько следов тропы, проложенной нашими снегоступами и собачьими упряжками незадолго до этого. Однако мой проводник был очень умен, а мои великолепные собаки — очень проницательны, поэтому большую часть пути домой мы проделали тем же маршрутом, хотя первоначальная тропа была глубоко занесена снегом.

Место, где был устроен наш тайник, было должным образом достигнуто; и мы были очень рады получить дополнительные припасы, которые в нем находились, поскольку в течение некоторого времени у нас не хватало припасов. Сильные руки моих индейцев вскоре пригнули молодые деревца, развязали вязанки и погрузили их в разные собачьи упряжки. К своему удивлению, я заметил, что у одного из свертков — самым тяжелым предметом в котором был кусок пеммикана весом, возможно, пятьдесят или шестьдесят фунтов — мои люди разговаривали и жестикулировали самым серьезным образом. В ответ на мои расспросы они сказали, что этот сверток сняли во время нашего отсутствия, а кусок пеммикана отрезали и унесли.

“Ерунда!” Ответил я. “Вы, конечно, ошибаетесь. По-моему, все выглядит точно так же, как было, когда мы его устанавливали. А когда мы вернулись, здесь не было и следа следов.

Однако, несмотря на мои протесты, мои люди были уверены, что какое-то количество пеммикана взял незнакомец и что снежная буря замела следы. После еще небольшого обсуждения этот вопрос был снят, и после хорошей трапезы мы продолжили наш путь.

Несколько месяцев спустя появился этот странный индеец с олениной и своей историей, которую мы сейчас дадим ему закончить:

“ Я охотился в тех лесах, через которые ты проходил, потому что это мои охотничьи угодья. Я нашел след лося и долгое время шел по нему, но так и не смог выстрелить. У меня не было большого успеха в той охоте. Несколько дней ничего не стреляя, я сильно проголодался. Пробираясь через лес, я наткнулся на твой след и увидел твой тайник. Поэтому, когда я увидел, что это тайник миссионера, друга индейца, я обрадовался и сказал себе. Если бы он был здесь и знал, что я голоден, он бы сказал: ‘Угощайся’, — и это было именно то, что я сделал. Я сорвал молодое деревце и, развернув связку, отрезал кусочек пеммикана — ровно столько, чтобы мне было удобно носить его за поясом, пока я не доберусь до своего вигвама, расположенного далеко отсюда. Затем я связал сверток, закрепил его на верхушке дерева и снова пустил его вверх. А теперь я принес вам эту оленину в уплату за тот пеммикан, который я съел.

Честный человек! Он пронес на спине окорок оленины на расстояние около шестидесяти миль.

Конечно, я был в восторге и, похвалив его за честность, поинтересовался, откуда он знает, что тайник был сделан моей группой, а не группой индейских охотников.

Без малейших колебаний он ответил: “О, я видел следы твоих снегоступов на снегу”.

“Невозможно!-воскликнула. Я ответил: “Потому что снегоступы, которыми пользовалась вся компания, были сшиты Сэнди, моим мальчиком-индейцем, и все они были одного покроя”.

“Это неважно”, - ответил он, в то время как его глаза весело блеснули. “Со снегоступами все в порядке, но я все время видел твои следы. Когда индеец ходит, он ходит носками внутрь; когда белый человек ходит, он ходит носками наружу. Итак, я видел, где миссионер все время оставляет следы ”.

Мы все признали его умным и честным индейцем и порадовались, что под руководством другого миссионера, этого краснокожего индейца из леса, он так основательно усвоил уроки нагорной проповеди.

Глава одиннадцатая.

Подтверждение субботы.

Когда миссионеры отправляются к язычникам, проповедуя благословенное Евангелие великой Книги, они обязательно должны начинать с первых принципов. Когда произведено хорошее впечатление и тронуты сердца, тогда следует религиозное наставление в вопросах, о которых они были совершенно невежественны! и многое из того, что является ложным и часто очень детским, должно быть разучено.

Этим людям до прибытия миссионера суббота была совершенно неизвестна. Проповедь о ней поначалу повергла их в недоумение и беспокойство. Они думали, что это помешает их планам и нарушит их охотничьи договоренности, доведя их до крайней нужды. Они были бедны, хотя работали и ловили рыбу каждый день; и если бы они тратили один день из каждых семи и не стреляли из ружья и не ставили сети — что бы с ними стало! Так рассуждали некоторые индейцы.

С верой и любовью миссионеры излагали перед ними заповеди Божьи, добавляя обещания благословений послушным. Была тщательно изучена сама Книга, и было большое желание узнать, относятся ли такие отрывки, как тот, который мы здесь цитируем, к белым людям и индейцам сейчас: “Если ты отвернешь ногу твою от Субботы, от исполнения своих желаний в мой святой день и назовешь субботу наслаждением, святым Господним, почетным; и не будешь чтить его, поступая по-своему, не находя своего собственного удовольствия и не говоря своих собственных слов, тогда ты будешь радоваться в Господе, и Я заставлю тебя скакать по высотам Мира”. землю, и напою тебя наследием Иакова, отца твоего; ибо уста Господни изрекли это”.

Наконец, под руководством верного учения, которому помогал благословенный Дух, индийские христиане решили взять Книгу в качестве руководства и соблюдать день субботний. Ружья, луки и стрелы были немедленно отложены в сторону, а рыболовные сети на этот день были оставлены развеиваться на ветру. Никто не осматривал ловушки и не поднимал топоры к деревьям. Их простые блюда были приготовлены и съедены, и все, кто мог присутствовать, собирались в доме Божьем три раза в субботу.

Но теперь возникло ожесточенное сопротивление с неожиданной стороны. Крупная компания по торговле пушниной, которая так долго удерживала деспотическую власть в стране, по своей близорукости, опасаясь уменьшения отдачи от меха охотниками, если одна седьмая часть времени будет, как они выражались, проводиться в праздности, насмеялась над действиями миссионеров и с помощью взяток и угроз пыталась заставить индейцев игнорировать их учения по этому вопросу.

Когда начались летние каникулы и индейцы отказались путешествовать или работать на лодках в субботу, действия компании переросли в откровенное преследование. Необходимо некоторое описание этого “путешествия” в этой огромной дикой северной стране, чтобы наши читатели могли понять позицию, занятую соблюдающими субботу индейцами, и его наиболее удовлетворительные результаты.

Некоторые внутренние пункты Компании Гудзонова залива расположены так далеко от побережья, что проходило семь лет, а иногда и больше, прежде чем меха, полученные для отправки товаров, могли попасть на лондонский рынок. Тюки с товарами сначала были отправлены судами компании на фабрику в Йорке, на Гудзоновом заливе. Затем индийские туристы перевезли их на прочных лодках, вмещавших от трех до пяти тонн. Несколько таких лодок составляли “бригаду”. Был назначен командир всего состава и поддерживалась хорошая дисциплина.

Первая бригада поднимала тюки вверх по рекам, часто проходя множество опасных мест и сталкиваясь со многими рисками. Требовались большая осторожность и наблюдательность, и все же, несмотря ни на что, лодки иногда терпели крушение и гибли люди. Самой сложной частью работы было то, что называлось “изготовлением волок”. Некоторые реки полны водопадов и порогов, которые непроходимы для лодок. Здесь приходится делать переправы. Выносливые лодочники подплывают к порогам как можно ближе, насколько это безопасно, выгружают свой груз и переносят его на спинах в выбранное место ниже препятствия на реке. Затем лодки должны быть вытащены на берег и потащены по суше объединенными силами нескольких экипажей к тому же месту; здесь они снова спускаются на воду, и с грузом на борту путешествие возобновляется. В некоторых из этих поездок количество перевалок исчисляется

десятками. Приходится пересекать Великие озера, где временами бушуют свирепые штормы и где встречные ветры дуют с такой яростью, что иногда бригады задерживаются на много дней.

В норвежском доме, который в течение многих лет был великим северным складом товаров компании и крупным центром распределения предметов интерьера, эта первая бригада должна была обменять свой груз товаров на тюки дорогих мехов, которые другая бригада, прибывшая из более отдаленных районов, возможно, из Атабаски или Саскачевана, привезла к настоящему времени по пути на корабли для лондонского рынка. Затем эта вторая бригада возвращалась на сотни миль вглубь страны; и, встретив другую бригаду из еще более отдаленных регионов, обменивала свой груз товаров с этой третьей бригадой на еще более отдаленные регионы. Так продолжалось до тех пор, пока некоторые тюки с товарами не оказались более чем в трех тысячах миль от побережья, где они были выгружены; и различные посты получили свои запасы товаров для торговли мехом с индейцами. Так случилось, что прошли годы, прежде чем товары достигли некоторых мест; и меха также годами доставлялись на корабле в Англию.

Всю эту тяжелую работу выполняли индийские лодочники, или “трипперы”, как их называли. Они были охотниками за пушниной в холодные зимние месяцы; но пока была открытая вода, то есть не было льда, их нанимали сотнями, чтобы забирать товары и вывозить меха.

Единственной деспотической командой, отданной этим бригадам ротой, было: “вперед!” Они утверждали: лето в этих высоких широтах короткое; мы должны максимально использовать его. Каждый день говорит о себе, и, кстати, отставания быть не должно. Результатом было то, что люди работали до последней степени изнурения. Многие не справлялись с веслом, в то время как другие падали под тяжестью тяжелых грузов во время трудных переходов. “Быстро пополняйте ряды и двигайтесь дальше”, - был приказ. С начала сезона и до его закрытия царили волнение, спешка и высокое давление. Не было ни расслабления, ни субботы, ни отдыха.

Миссионеру казалось полной глупостью прийти туда, где существовали такие условия, и сказать лучшим людям из лучшей бригады: “Мы знаем, что лето короткое, и для благосостояния компании и вашего собственного жалования важно, чтобы товары были доставлены, а меха вывезены. Но Высшая Сила сказала: ”Помните день субботний, чтобы сохранить его святым, поэтому, когда вас настигнет субботняя ночь, привязывайте свои лодки, откладывайте весла и отдыхайте в тишине и благочестии, пока не закончится Божий день ”.

Компания в своей слепоте была сначала поражена, затем взбешена. Терять одну седьмую часть короткого лета, когда бригады иногда застигал лед, было недопустимо! Этому фанатизму необходимо положить конец! Они угрожали, они преследовали миссионеров и индейцев. Их монополия в стране давала им огромную власть, и они безжалостно ею пользовались. Не имея возможности подкупом или угрозами склонить миссионера к иной позиции, они прибегли к преследованиям и с помощью самой грязной клеветы стремились уничтожить его доброе имя и изгнать из страны.

Он был мудрым и рассудительным, а также храбрым человеком; и, стоя на своем посту, старался показать своим богатым и могущественным недоброжелателям, что им не причинит вреда, если их служащие будут отдыхать один день из семи. Он смело заявил, что человек может выполнить больше работы за шесть дней, отдыхая седьмой, чем работая непрерывно; и он бросил им вызов на испытание.

Сначала это утверждение, которое так убедительно подтвердилось, было встречено презрительным смехом. Однако, поскольку миссионер и его индейцы-христиане оставались верны себе, компания была вынуждена уступить настолько, что отправила бригаду по соблюдению субботы, что они сделали со многими опасениями. К их удивлению, они выполнили свою работу так же хорошо и вернулись за меньшее время, причем мужчины были более здоровы, чем те, кто не соблюдал субботу. В конце концов логика реального успеха восторжествовала. Всякое сопротивление прекратилось, и до того времени, когда старому порядку вещей пришел конец и весла уступили место паровой тяге, никто не был настолько опрометчив, чтобы усомниться в способности соблюдающих субботу индейцев превосходить в работе тех, кто не соблюдал день отдыха.

Я часто путешествовал с этими индейцами-христианами, и субботы, проведенные в этих долгих поездках, остаются сладкими и счастливыми воспоминаниями. Путешествие продолжалось до последнего часа субботы, когда можно было безопасно путешествовать, до тех пор, пока в какой-нибудь тихой гавани или уютной излучине реки, защищенной от внезапных штормов или торнадо, лодки не были надежно закреплены, а грузы тщательно накрыты клеенками. После ужина, приготовленного со льдом, все собирались у яркого походного костра для вечернего богослужения. Будет спет гимн, прочитана глава из хорошей Книги, и один или двое из компании вознесут молитву. Суббота должна была пройти тихо и безмятежно, с по крайней мере двумя впечатляющими и простыми богослужениями. В понедельник, едва забрезжил рассвет, мы были на ногах, и после торопливой трапезы и молитвы путешествие возобновлялось с новыми силами.

Так была введена суббота среди северных индейцев.

Глава двенадцатая.

Бог более Могущественный, чем Заклинатель.

Следующая прекрасная история заслуживает места среди очень многих реальных ответов на молитву. Господь все еще говорит своим последователям: “Дом Израилев все же спросит меня об этом, чтобы я сделал это для них”.

Наши новообращенные индейцы верят в Бога. С простой, детской верой они верят Ему на слово. Один из наших индейцев при крещении получил английское имя Эдмунд Стивенсон. Он был искренним, простым христианином. Его религия сделала его трудолюбивым, и поэтому своей прилежной охотой и рыбной ловлей он с комфортом обеспечивал свою жену и двоих малышей.

Однажды вечером, примерно в середине октября прошлого года, он оставил семью в своем маленьком доме в Норвежском хаусе и отправился вверх по быстрой реке, чтобы навестить своих родственников, которые жили в нескольких милях отсюда. В этих высоких широтах холодная зима наступает так рано, что река уже покрылась льдом. Чтобы ускорить путешествие, он надел коньки и, когда его видели в последний раз, быстро удалялся в вечерних сумерках.

Он не вернулся на следующий день, как обещал, и его семья, встревожившись, послала индийского гонца узнать причину. К его удивлению, друзья сообщили ему, что Эдмунд их не навещал и они не знали о его местонахождении. Когда эти новости разнесли по домам, поднялась большая тревога, и была быстро организована поисковая группа. С того места, где его в последний раз видели живым, они тщательно обследовали лед и через некоторое время обнаружили самые неопровержимые доказательства того, что бедняга утонул.

На том участке реки, где течение очень быстрое, они обнаружили, что лед был пробит; и хотя теперь все снова было прочно заморожено, все же в застывшей массе они обнаружили одну из перчаток Эдмунда из оленьей кожи, пуговицу от его пальто и другие свидетельства того, что здесь он провалился под лед и предпринял самые отчаянные попытки спастись. Поскольку было почти темно, когда поисковики сделали эти открытия относительно места и способа его смерти, они были вынуждены удовлетвориться этим и отложить поиски тела до следующего дня.

Рано утром следующего дня они усердно принялись за работу. Поскольку со вчерашнего вечера выпало много снега, их усилия были очень затруднены; и, хотя большое количество людей с лопатами для снега, топорами и абордажными скобами тщательно искали останки во многих местах, прошло несколько дней, а их усилия по-прежнему не увенчались успехом.

Среди искателей было несколько индейцев, которые все еще верили в мастерство и сверхъестественные силы колдунов или знахарей. Они, отчаявшись в своих усилиях, решили посоветоваться с одним из этих стариков и сказали:

- Давайте пойдем и посоветуемся со старым Кваскачарпо, пусть он поколдует для нас и скажет, где найти тело.

Индейцы-христиане протестовали против этого и пытались разубедить их, но безуспешно: они были так обескуражены в своих усилиях. Поэтому они отнесли фокуснику чай и табак и рассказали ему о цели своего прихода. В ответ на их пожелания и в обмен на их дары он отнес в палатку свой священный барабан и сумку с лекарствами, громко барабанил по ним, пока не довел себя до какого-то исступления или бреда, а затем сказал им, где нарубить льда и вытащить тело их мертвого товарища.

Когда индейцы-христиане слышали, что эти другие обратились за помощью к колдуну, они были очень опечалены. Особенно один из них, величественный старик по имени Томас Мустаган, был очень подавлен духом. Глубоко переживая потерю Эдмунда, он был очень обижен, когда до него дошла весть о том, что некоторые искатели вместо того, чтобы обратиться к Богу в своем замешательстве и беде, подобно царю Саулу, прибегли к таким сомнительным средствам.

Как только он получил это известие, то решил избрать совсем другой курс. Заставив свою жену приготовить побольше еды, он отнес ее вместе с несколькими чайниками чая к месту на берегу, недалеко от того места, где мужчины усердно искали тело.

Расчистив снег, он развел костер; и, когда чай был готов, собрал вокруг себя голодных и почти обескураженных мужчин и заставил их съесть его еду и выпить его чай. Затем он заговорил с ними о едином живом и истинном Боге и о Его силе слышать молитвы и отвечать на них. Он говорил о глупости и порочности тех, кто, услышав о Нем, пошел посоветоваться со злым

старым фокусником. “Давайте отправимся к тому Богу, о котором нас учили наши миссионеры. Он тот, кто поможет нам в нашей беде”.

Вместе с окружавшими его людьми он опустился на колени в снег и искренне и благоговейно попросил Бога услышать и помочь им в их горе и растерянности. Он молился, чтобы им была дарована мудрость, чтобы они могли найти тело своего дорогого друга, лежащее где-нибудь в этой холодной реке; чтобы они могли поднять его и похоронить на своем маленьком деревенском кладбище. Он очень искренне просил Бога утешить бедную скорбящую вдову и маленьких беспомощных детей. Так с верой в себя этот почтенный старый индеец, проживший более восьмидесяти зим, воззвал к Богу.

Когда они поднялись с колен, он сказал: “Теперь, надеясь, что Бог ответит нам, давайте приступим к работе”.

Из-за большого количества снега, выпавшего на лед, им пришлось сначала соскрести его, а затем по своему усмотрению решить, где прорубить лед, и оттащить тело. Хотя Томас был таким старым человеком, сейчас он казался самым бдительным и активным из всей компании. По общему согласию ему поручили возглавить партию индейцев-христиан, которые теперь усердно работали под его руководством.

Тем временем старый фокусник Кваскачарпо уверенным голосом сообщил своим последователям, что он колдовал, и в ответ услышал, что они должны были разрезать лед в определенном месте.

Не обращая никакого внимания ни на него, ни на его группу, индейцы-христиане продолжали работать, и как только лед очистили от снега, Томас заглянул внутрь, как только смог.

Внезапно он быстро поднялся с участка полупрозрачного льда, который внимательно осматривал, и, подозвав людей с топорами и ледорубами, сказал:

- Попробуй здесь.

Вскоре они прорубили большую дыру, пустили в ход захваты, и там, в сотнях ярдов от того места, куда фокусник направил своих последователей на поиски, было найдено тело.

Томас, внимательно разглядывая лед, заметил на нижней поверхности в этом месте множество пузырьков воздуха. Ему пришла в голову мысль, что здесь покоилось тело, и последний воздух вышел из легких и образовал эти пузырьки. Он попросил мудрости и божественного руководства и не был разочарован, ибо менее чем через час после того, как эти благочестивые индейцы преклонили колени в искренней молитве, тело их товарища было перенесено в его дом, а оттуда - к месту последнего упокоения в “Акре Бога” маленькой христианской деревушки.

Глава тринадцатая.

Бетси, жена-индианка.

Она была неплохой женщиной, но у нее было такое печальное лицо, на котором, казалось, никогда не было улыбки. Миссис Янг и я оба заметили это и говорили друг с другом об этом. Ее звали Бетси. Она была женой индейца по имени Атену, но который при крещении, как и большинство его соотечественников, попросил добавить к нему английское имя, и поэтому был известен как Роберт Атену. Судя по всему, он был тихим, трудолюбивым индейцем, который рыбачил и охотился, как и все остальные, и никому не доставлял хлопот. Поскольку он, как и многие из его соплеменников, был одарен готовностью высказываться и был очень верен, посещая все религиозные службы, и, казалось, вел благочестивый образ жизни, ему была предоставлена официальная должность в церкви, которую он очень ценил.

Однако было замечено, что продвижение Роберта в церкви, казалось, не рассеяло омрачение, которое было на лице его жены. В то время как другие женщины были такими яркими, счастливыми и благодарными за перемены, которые христианство принесло в их жизнь, и временами не замедлили рассказать об этом, она была заметным исключением.

Не желая совать нос в ее дела, находясь в замешательстве, мы были вынуждены некоторое время оставаться в неведении и могли только догадываться о причине.

Возможно, самым чудесным и бросающимся в глаза доказательством благословенности Евангелия, наряду с его божественной силой в спасении души, является то, как оно возвышает женщин. Поистине печально положение женщин в странах, недостижимых благословенного влияния христианства. Тот, чья чудесная и нежная любовь к Своей матери и к прекрасным женщинам, которые служили Ему, была так проявлена, когда Он ходил по нашей земле, по-прежнему остается Иисусом. И везде, где успешно провозглашается Его имя и сердца открываются для Его приема, сразу же происходит великолепное возвышение женщины из состояния неполноценности и деградации в такое, где ее почитают.

Племена северных индейцев на этом континенте, хотя и не были очень воинственными или имели обыкновение охотиться за скальпами своих врагов, совершали другие преступления и грехи, которые показывали, что они были падшими и грешными и очень нуждались в Евангелии. Среди недостатков и порочности мужчин было почти всеобщее презрение и жестокость по отношению к женщинам. Если мужчина говорил или поступал по-доброму со своей женой, или матерью, или дочерью, они считали это признаком слабости и изнеженности. Предполагалось, что быть суровым и холодным по отношению к женщинам - один из признаков идеального индейца, к которому они всегда стремились. Весь ручной труд, за исключением охоты и рыбной ловли, считался унижительным для женщин, а некоторые, насколько это было возможно, даже оставляли им рыбную ловлю. Там, где не было межплеменных войн, идеальным индейцем был только великий охотник. А у великого охотника его работа заканчивалась, когда убивалась дичь. Если бы было вообще возможно послать свою жену или мать к тому месту, где лежало животное, сбитое его стрелой или ружьем, он бы не побрезговал нести или тащить его обратно в лагерь. Он убил медведя, или лося, или северного оленя, или еще какое-нибудь животное, и теперь женская работа заключалась в том, чтобы отнести его в вигвам и как можно быстрее приготовить ему еду. Таким образом, мы видели, как великий рослый шестифутовый охотник крадучись вошел в деревню со своим ружьем на плече, в то время как бедная мать, или жена,

или дочь тащилась следом, почти раздавленная тяжестью дичи, навалившейся на ее спину. Он нес пистолет, она — дичь.

Затем, как бы она ни устала от тяжелой ноши, времени на отдых не оставалось. С быстрым резким “кинипе” (поторопись) она вскоре принималась за работу. Кожа была быстро и умело снята, а часть пикантного мяса приготовлена и подана ее мужу или сыну. Ей не разрешалось пробовать ни кусочка до тех пор, пока деспот не закончит неторопливо, разве что подобрать несколько костей, которые он снисходительно бросал ей, поскольку она сидела поодаль от него с девочками и собаками. Таким образом, с ней обращались как с рабыней, или работягой, или вьючным животным. Затем, когда наступила болезнь или старость и она стала неспособна работать, надрываясь и оставаясь рабыней, ее безжалостно лишили жизни: обычным методом было удушение.

Таково было печальное положение женщин в различных частях этого великого континента до того, как Евангелие достигло индейских племен. Очень чудесными и поразительными были преобразования, свидетелями которых мы стали среди тех, к кому мы пришли с истиной. В некоторых местах мы были свидетелями перемен, произведенных трудами достойных людей, которые были до нас; в других местах нам было позволено и посеять семена, и увидеть великолепный урожай.

Хотя, с точки зрения белого человека, люди здесь были бедными, все же маленькие домики, в которых жили последователи Господа Иисуса, были домами счастья, и повсюду царил дух доброты и привязанности. Там мужчины и женщины жили на равных условиях. Мужчины больше не ели в одиночку лучшую дичь и рыбу, но все вместе, мужчины и женщины, мальчики и девочки, как одна любящая семья, делили пропорционально тому, что было добыто. В результате в нашей миссионерской деревне воцарился дух довольства и счастья, что было очень отрадно.

Однако среди этих счастливых лиц и благодарственных записок было одно печальное лицо и беззвучный язык. Что было причиной? Наконец-то правда выплыла наружу, и это было почти драматично.

Однажды мы с миссис Янг были заняты своими обычными обязанностями, когда Бетси вошла в наш дом и, едва уделив время обычному утреннему приветствию, самым решительным образом воскликнула: “Роберт не добр ко мне и не обращается со мной так, как другие мужчины, называющие себя христианами, обращаются со своими женами”.

Это сильное, выразительное замечание поразило нас и сразу же дало нам ключ к разгадке причины печального выражения лица. Сначала мы не знали, как ответить на столь решительное высказывание, и поэтому молча ждали, что она продолжит. Но там она сидела тихо, почти спрятав лицо в черной шали, и, казалось, боялась продолжать. Итак, нам, наконец, пришлось нарушить неловкое молчание, сказав, что нам очень жаль слышать ее слова и мы не можем понять их значения, поскольку Роберт казался очень хорошим человеком и ревностным христианином.

Это сразу же заставило ее нарушить молчание, и, повернувшись ко мне, она сказала:

“Да, именно так. Если бы он не называл себя христианином, я бы никогда не возражала и молча снесла это; но он *называет* себя христианином и не обращается со мной так, как другие мужчины-христиане обращаются со своими женами”.

Затем она успокоилась и очень прямолинейно рассказала нам свою историю, которая заключалась в следующем:

Когда Роберт выходит и стреляет в оленя, он, правда, не возвращается домой с ружьем на плече и не заставляет меня идти по его следу и приносить дичь; он приносит ее сам, как другие индейцы-христиане; но когда ее приносят, он заставляет меня освежевать ее; а затем относит две задние лапы в форт и там обменивает их у торговцев мехами на муку, чай и сахар, которые приносит домой. Я должен приготовить для него переднюю лопатку оленя, испечь лепешки на костре из его муки, а потом, когда заварится чай и будет готов ужин, сидеть и смотреть, как он, и наши мальчики, и все мужчины—посетители, которые случайно окажутся там — а к тому времени их обычно бывает много, - едят, пока все не будет съедено. Он никогда не дарит ничего из этих вкусовностей ни мне, ни девочкам. Нам приходится плыть на каноэ и ловить сетью немного рыбы, чтобы прокормиться. И все же, - добавила она с некоторой горечью, -он называет себя христианином и обращается с нами таким образом, как будто никогда не слышал миссионера”.

Конечно, мы оба были возмущены, когда она рассказала свою историю, и не замедлили сообщить ей о нашем раздражении из-за того, что с ней так обошлись. Но как жена и по-женски, когда я сказал:

“Роберт услышит об этом и немедленно исправится”, - пробудились ее опасения, и казалось, что теперь она сама испугалась того, что сказала. Однако усмирить ее страхи было несложно, хотя поначалу действительно казалось, что она убежит из дома, вернется в свою палатку и смирится с унижительной жизнью, которая, по ее мнению, не должна была продолжаться так долго.

После небольшой консультации с миссис Янг наш план действий был согласован. Дело было в том, что Бетси должна была оставаться в доме миссии до тех пор, пока я не соберу в церкви несколько пожилых христиан; а позже должен был быть вызван Роберт, который, как мы узнали от его жены, в то время находился в своей палатке.

Но потребовалось совсем немного времени, чтобы собрать нужных мне людей, поскольку большинство людей в то время были по домам. Они были в полном неведении относительно цели, ради которой я собрал их вместе. Когда были в церкви. Я послал за миссис Янг и Бетси, чтобы они присоединились к нам. Бедняжка Бетси была теперь так напугана, что, казалось, как испуганный олень, она убежит в лес. Однако она была в надежных руках. Миссис Янг говорила успокаивающие слова и очень подбодрила ее, сказав, что то, что она сделала, придя к нам с рассказом о своих обидах, было совершенно правильно, и что очень скоро все прояснится.

Вскоре после того, как обе женщины вошли и заняли места рядом, вошел Роберт, за которым я послал двух мужчин.

Сначала он был очень удивлен этим собранием, и особенно озадачен, увидев свою жену, сидящую рядом с женой миссионера. Прежде чем он успел что-либо сказать, я указал ему на место, где он был бы на виду у своих братьев-индейцев и в то же время где его присутствие не

внушало бы благоговейный страх и не подавляло бы его жену. Вскоре после этого я запер дверь церкви и сказал:

- Давайте помолимся.

После молитвы я повернулся к Бетси и сказал:

Теперь, Бетси, если то, что ты рассказала миссис Янг и мне в миссионерском доме, правда, а я верю, что это так, я хочу, чтобы ты сейчас рассказала эту историю еще раз, чтобы эти христиане могли ее услышать. Не обращайтесь внимания на то, что Роберт находится здесь; если он христианин, как он говорит, я надеюсь, что известие об этом пойдет ему на пользу”.

Лица этих индейцев были изучающими. Никто не знал, даже сам Роберт, что хотела сказать Бетси, и поэтому они с изумлением ждали, когда услышат ее историю.

Получив ободряющие слова от миссис Янг, она начала; и хотя поначалу она была робкой и нервничала, вскоре она взяла себя в руки и в совершенно естественной манере рассказала историю обращения, которому она и девочки подверглись со стороны ее мужа. Судвоенным вниманием она остановилась на том, что, казалось, причиняло ей больше всего горя? “Если бы он так не называл себя христианином, я бы так сильно не возражал против этого”.

Индейцы - лучшие слушатели в мире. Они никогда никого не перебивают в разговоре. И вот, даже Роберт, который поначалу был просто ошарашен, взял себя в руки и промолчал. Очень немногие белые мужчины смогли бы это сделать. Я намеренно расположил его так, чтобы, если бы он внезапно попытался совершить насилие, более сильные люди могли бы немедленно удержать его. Но ничего подобного предпринято не было. По мере того как его жена все говорила и говорила, показывая разницу между его поведением по отношению к ней и их девочкам и поведением других мужчин-христиан по отношению к своим женам и дочерям, голова Роберта опускалась все ниже и ниже, пока он не сел, униженный и опозоренный перед своими братьями. Когда Бетси закончила свое выступление и села, я повернулся к собравшимся хорошим людям и просто сказал:

“Что вы думаете о подобном поведении того, кто называет себя христианином?”

Их возмущению не было предела. Подобно индейцам, они позволили Бетси рассказать всю свою историю без каких-либо прерываний; но выражение их лиц, когда она продолжала, говорило о том, насколько глубоко они были тронуты. Теперь, когда они услышали ее историю, казалось, что все они хотели высказаться по очереди; но среди них существуют хорошо понятные, хотя и неписанные правила старшинства, поэтому говорил первый по порядку, затем второй, затем третий и так далее.

Как они одели беднягу! Хотя это было очень сурово, это было по-христиански и по-братски. Они говорили как люди, которые были опечалены и ранены.

“Неужели ты именно так и поступил? Ты, Роберт Атону, который так долго называл себя христианином; ты, который так обращаешься со своей бедной женой и детьми, как будто никакой Библии или миссионера среди нас не было! Теперь мы знаем, почему Бетси была такой грустной и не радовалась, как другие женщины”.

Таким образом, они искренне упрекали его и выражали свое сожаление по поводу его бессердечного поведения.

Бедный Роберт, вскоре мне пришлось пожалеть его. Сначала, конечно, я был немного обеспокоен тем, как некогда гордый и вспыльчивый индеец воспримет обвинение своей жены в его проступках и эгоизме, а также эти выговоры от своих братьев. Однако все обошлось. Роберт просто закрыл свое загорелое лицо руками и молча выслушал все это. Когда я решил, что это зашло достаточно далеко, и про себя решил не задавать ему вопросов прямо сейчас, я попросил прекратить разговор, пошел и открыл дверь церкви.

Роберт сразу же встал и вышел из церкви.

Он ни с кем не обмолвился ни единым словом.

Бетси, как подобает жене, хотела немедленно последовать за ним, но миссис Янг убедила ее не уходить еще некоторое время. Она отвела бедное испуганное создание в дом миссии, дала ей чашку чая и что-нибудь поесть, и, что она ценила больше всего, несколько любящих сочувственных слов. Когда она вернулась домой, то обнаружила, что Роберта нет. Дети сказали, что он пришел и, сказав им несколько добрых слов, взял свое ружье и патроны и отправился на охоту. Он вернулся только на следующий день, но с ним был прекрасный олень. Он сам освеживал ее и, взяв две задние четвертинки, пошел, как обычно, в форт и обменял их на муку, чай и сахар. Вернувшись в свою палатку, он передал все это своей жене, и пожелал, чтобы она приготовила их, как обычно. После того, как все было приготовлено, он поставил все перед своей женой, дочерьми и сыновьями. Затем, сказав им, чтобы они наслаждались едой, он вышел из палатки. Взяв сеть, он отправился на озеро в каноэ, и после некоторого времени, проведенного за рыбной ловлей, его видели готовящим и поедающим свой улов на берегу.

Так он жил несколько недель. Он был хорошим охотником и работал очень усердно и успешно. Всю добытую дичь он приносил своей жене и детям, которыми, по его настоянию, они должны были полакомиться, а сам ограничивался рыбой, хотя пойманная в то время года рыба была далеко не лучшей.

Однажды субботним вечером, когда мы стояли перед домом нашей миссии, наслаждаясь великолепием великолепнейшего заката, мы увидели Роберта, поднимающегося по тропе. Когда он подошел ближе, я обратился к нему по-доброму, но было легко понять, что он в беде и что у него “что-то на уме”. Мы болтали о разных вещах, и я поощрял его высказываться свободно. Внезапным усилием воли он освободился от чувства скованности и сказал:

“Миссионер, ты позволишь мне прийти завтра на Причастие Вечери Господней?”

Четыре раза в год мы проводили это таинственное служение, и это было великим событием для наших коренных христиан. В ответ на его вопрос я ответил:

- Но, Роберт, что же заставляет меня желать помешать тебе сесть за стол Господень?

Пристально глядя на меня, он сказал:

“ Это хорошая сделка. Только подумайте, как я обращался со своей женой и дочерьми!”

“Да, - сказал я, - я помню это; но я также знаю, как вы обращались с ними в течение последних нескольких недель”.

С лицом, с которого теперь исчезли тени, он быстро сказал: —

- Ты что-нибудь слышал об этом?

“О да, Роберт, - ответил я, “ я все знаю об этом. У меня хорошие глаза и уши, и я видел и слышал, как благородно ты искупил свою вину. Я очень рад этому. Конечно, я приглашу вас к Господнему столу”.

После еще небольшого разговора я сказал:

- Скажи мне, Роберт, почему ты поступил так эгоистично по отношению к своей жене и дочерям?

Он только что с ударением произнес индийское слово, которое означает “Глупость”, — затем после небольшой паузы тихо добавил: “Но я думаю, что справился с этим”.

Так он и сделал.

Глава четырнадцатая.

Пять индейцев и Складной нож.

Индийские мальчики очень любят карманные ножи. Поскольку им приходится самим делать луки и стрелы, весла для своих березовых каноэ, а также рамы для снегоступов, конечно, хороший нож является ценным приобретением. Занимаясь строганием, индийские мальчики не отталкивают нож от себя, а всегда тянут его к себе. Они очень искусны в изготовлении тех немногих вещей, которые им требуются, и их отцы поощряют их выполнять свою работу как можно аккуратнее. Таким образом, чем лучше нож, тем качественнее работа, которую могут выполнить эти индийские парни, и они стремятся обладать самым лучшим ножом, который только возможно для них достать; точно так же, как индейцы постарше готовы заплатить любую цену в пределах своих возможностей за самое лучшее оружие, которое только можно сделать. Зная эту любовь к хорошему ножу, я однажды использовал его среди множества индийских парней в качестве стимула, чтобы побудить их петь, как будет объяснено в нашей истории.

В одной из наших индийских деревень, где существует процветающая миссия с ее дневными и воскресными школами, преданная женщина-учитель сказала мне во время недавнего визита:

“Я бы очень хотел, чтобы вы сделали что-нибудь, чтобы побудить наших мальчиков петь. У них хорошие голоса, но, похоже, они боятся ими пользоваться. Если мне удастся заставить одного из них спеть, остальные смеются над ним, и тогда в тот день пения больше не будет”.

Я с радостью пообещал сделать все, что в моих силах; но прежде чем я опишу принятый план, возможно, мне лучше дать некоторое описание этих индейцев, среди которых жила эта отважная молодая леди. Их охотничьи угодья находятся в обширном регионе, лежащем между

озером Виннипег и Гудзоновым заливом. Они называются Солто и являются подразделением великой алгонкинской семьи.

До самого недавнего времени они жили исключительно охотой и рыбной ловлей. Они были настолько невежественны даже о существовании хлеба, что когда первые миссионеры, переведшие на их язык молитву “Отче наш”, обратились с просьбой: “Дай нам на сей день хлеб наш насущный”, - чтобы сделать это понятным для них, им пришлось перевести это так: "Дай нам на этот день что-нибудь, что поддержит нас в жизни".

Они были и остаются очень бедными. Когда-то леса изобиловали дичью, и самые богатые пушные звери, такие как черная и серебристая лисицы, выдры, бобры, норки, куницы и горностаи, ловились в большом количестве; но непрекращающаяся охота почти истребила некоторых из этих животных, а других найти очень трудно. Озера когда-то изобиловали рыбой, но быстрый рост белого населения в северо-западных штатах и Манитобе настолько увеличил спрос, что сейчас вылавливается не вчетверо меньше рыбы, чем раньше.

В результате бедные индейцы, которые зависели только от этих вещей, уже не так богаты, как раньше, даже несмотря на ту небольшую помощь, которую они получают от правительства. Следовательно, настоящий долг миссионеров - не только обратить их в христианство, но и сделать все возможное в согласии с правительственными чиновниками, чтобы побудить их разводить скот, обрабатывать доступную землю и выращивать те выносливые культуры, которые созреют в таком холодном северном регионе.

Это было то самое место; и это были индейцы, мальчиков которых преданный учитель хотел, чтобы я научил петь. Просьба была высказана во время празднования праздника, который я им устраивал. Я вывез из цивилизации такие продукты, как мука, чай, сахар, смородина, конфеты; и в четыре часа утра индианки пришли в назначенное место и приготовили пирожные и так далее, а также сделали все другие необходимые приготовления.

Около десяти часов люди собрались на берегу реки перед церковью. Пришли все. Приветствовались все. Не спрашивали, христиане они или язычники. Мы сердечно приветствовали их всех и относились к ним одинаково.

У нас нет места здесь описывать радостные события праздника, радостные часы любовных бесед и религиозные службы, состоявшиеся после них. Достаточно сказать, что около четырех часов дня наступил час общения с детьми, и с ними мы провели очень интересное время. Я был восхищен их ответами на мои многочисленные вопросы, особенно их знанием благословенной Книги. Девочки пели очень мило, но от мальчиков исходило не так много музыки, и поэтому я сразу же начал действовать по просьбе учительницы.

Зная, как я уже говорил, любовь мальчиков к перочинным ножам, я подошел к одной из своих коробок и, достав шесть очень хороших ножей, встал перед толпой и сказал:

“Мальчики, послушайте меня. Я собираюсь подарить эти шесть ножей шести мальчикам, которые споют лучше всех. И смотрите! В то время как пять из них - хорошие двухлезвийные ножи, один из них - великолепный четырехлезвийный! А теперь я собираюсь подарить эту лучшую песню мальчику, который споет лучше всех!”

Действительно, волнение среди индийских парней было велико. Почти каждый мальчик в зале выбежал вперед, и суд начался. У индейцев в их диком состоянии нет музыки, достойной сохранения, и поэтому во всех наших миссиях переводятся наши гимны и песни и используются мелодии цивилизации. Учительница села за маленький орган, и началось тестирование. Они пели такие гимны, как “Скала веков”, “Приди, ты, источник всякого благословения”, “Такой же, как я”, “Иисус, все для меня, на небеса ушел” и многие другие.

Певцов более низкого уровня очень быстро отсеяли и отправили обратно на их места. Когда их число сократилось примерно до десяти, работа по отбору продвигалась медленнее; но в конце концов их число сократилось до шести. Теперь вопрос заключался в том, кто из этих шестерых получит нож с четырьмя лезвиями? Решить этот вопрос было нелегко. Члены комитета расходились во мнениях очень решительно; поэтому судили одного мальчика за другим, снова и снова, и по-прежнему не удавалось прийти к единогласному решению.

Пока комитет обсуждал этот вопрос, пятеро мальчиков, видя наше замешательство, забрали дело из наших рук и разрешили его таким образом, что это удивило и обрадовало всех нас. Эти пятеро были прекрасными образцами индийских парней. Они были гибкими и сильными, полными жизни и веселья. Шестой мальчик, Джимми Джакус, был калекой, у него одна нога была намного короче другой, в результате ему приходилось пользоваться костылями. Эти пятеро отошли в сторону, и было замечено, что они взволнованно, хотя и тихо, беседовали.

После их короткого обсуждения один из них вскочил и, глядя на меня, спросил:

- Миссионер, могу я кое-что сказать?

“Конечно, можете”, - ответил я.

“Что ж, миссионер, - ответил он, - мы, пятеро мальчиков, обсудили это, и вот что мы думаем по этому поводу. Как видишь, мы здоровы и сильны. Мы можем охотиться на кролика, куропатку и другую дичь; а потом, когда придет зима, мы сможем кататься на коньках по рекам и озерам; но Джимми хромает, у него больная нога. Он не может бегать по лесу. Он не может кататься на коньках по льду. Но Джимми любит строгать. Он хорошо умеет делать луки, и стрелы, и весла, и другие вещи, и хороший нож был бы как раз для него. Итак, мы, пятеро мальчиков, обсудили этот вопрос, и, поскольку он калека, мы будем очень рады, если вы отдадите Джимми лучший нож”.

Благородные юноши! Как люди были взволнованы этой речью. Она наэлектризовала меня и наполнила не только мои глаза слезами, но и сердце радостью.

Я мог только думать о прошлом, о жестокости и крайнем эгоизме тех мрачных дней, когда и среди молодых, и среди старых каждый был сам за себя, а несчастными и слабыми пренебрегали и презирали. Теперь, благодаря благословенному облагораживающему влиянию христианства, даже мальчики улавливали этот христианский дух и спонтанно действовали таким восхитительным образом.

Итак, Джимми получил нож с четырьмя лезвиями, а другим мальчикам - с двумя; но я был так доволен проявленным ими прекрасным духом, что добавил к подарку хорошую рубашку или куртку по выбору каждого мальчика.

Глава пятнадцатая.

Вождь племени Сольто, или Искатель Истины.

Она была крупной женщиной, и когда она вошла в наш миссионерский дом, ее поведение настолько отличалось от поведения обычной индийской женщины, что я испытал к ней некоторое предубеждение. Обычно индийские женщины, когда они входят в дом, тихи, скромны и не бросаются в глаза в своих движениях; но тут вошла крупная женщина, которая смотрела на нас испытующим взглядом и вела себя так решительно, что я почувствовал беспокойство в ее присутствии и вскоре ушел из дома на пару часов в лес, где работали несколько моих мужчин-индейцев.

Когда я вернулся, я надеялся, что она закончила свой визит и удалилась. Но нет, она была здесь; и было совершенно очевидно, что она приехала погостить. Когда моя добрая жена увидела мое явное раздражение этим новым посетителем, она отозвала меня в сторону и сказала:

“ Ты не должен сердиться на эту женщину. Она вождь и дочь вождя. Ее муж был вождем, и когда он умер, она, по просьбе своего народа, заняла его должность и с тех пор сохраняет ее”.

Она слышала от каких-то охотников за пушниной о том, что мы переехали жить в страну Сольто. Она также слышала о замечательной книге, которая у нас была, - "слове Великого Духа", и это тоже возбудило ее любопытство. Она с недоверием слушала эти слухи и не верила им; но по мере того, как они разрастались, ее любопытство было настолько возбуждено, что она решила наконец сама выяснить, правда ли все это, и действительно проделала многодневный путь, чтобы разобраться самой. И вот она была здесь, прочно обосновавшись в нашем маленьком доме, и поначалу я испытывал к ней сильное предубеждение из-за ее решительного поведения.

Я сел рядом с ней и попросил ее рассказать мне свою историю. Она действительно была умной женщиной и очень хотела узнать, правда ли то, что она слышала. Она была нетерпеливым исследователем истины, буквально ненасытной в своем любопытстве и в своем желании узнать все, что только можно. Она могла говорить утром, днем и вечером и заставляла одного из нас отвечать на ее вопросы все то время, пока она не спала и не ела.

Она пробыла у нас около двух недель, а затем вернулась к своему народу, тем временем посещая каждую религиозную службу и получая множество уроков божественной истины. Ей объяснили простой план спасения, и ее научили молиться.

Прежде чем она ушла, я сказал ей: "Теперь ты возвращаешься домой, и я хочу тебе кое-что сказать. Вы должны попытаться вспомнить, что мы говорили о любящем Отце и Его любимом Сыне. Вы должны стараться молиться Ему каждый день, и вы должны стараться любить Его и соблюдать все Его заповеди.

Так вот, одна из этих заповедей гласит: ‘Помни день субботний, чтобы свято хранить его’. Христиане соблюдают один день из семи, а вы говорите, что ваш народ желает быть христианами; и я вам верю. Мы хотим, чтобы вы были христианами во всем, и поэтому мы хотим, чтобы вы помнили это среди других заповедей. Чтобы помочь вам в этом вопросе, я дам вам этот большой лист бумаги и карандаш, и вы будете отмечать каждый проходящий день”.

Итак, начиная с понедельника, я показал ей, как отмечать дни таким образом: -111111. “Эти шесть - *твои* дни, в течение которых ты можешь охотиться, ловить рыбу и выполнять все свои обязанности вождя. Займитесь всеми своими делами в эти шесть дней; затем, когда наступит седьмой день, сделайте большую пометку таким образом: —

“Это отметка дня Божьего. Оставьте свое ружье и сеть в этот день и не ходите на охоту или рыбалку: это день отдыха и поклонения. Сделайте все приготовления к нему накануне. Позаботьтесь о том, чтобы у вас было заготовлено достаточно еды и нарублено дров, чтобы, когда наступит день Господень, вам не пришлось работать, охотиться или ловить рыбу. В этот день много думайте о Великом Духе и много молитесь своему любящему отцу, который все время видит и слышит вас и которому очень приятно, если мы соблюдаем Его день и поклоняемся Ему в этот день”.

Перед уходом она искренне умоляла меня приехать и навестить ее и ее племя, проповедовать им и объяснить путь Великой Книги. У меня было очень много встреч, но, обнаружив, что я могу прийти с большим количеством гостей, я сказал:

“Когда луна в виде орла начнет закатываться, прислушайтесь к звону колокольчиков на санях миссионера, ибо тогда он приедет повидать вас и ваш народ со своей собачьей упряжкой и проводником”.

Моя программа мероприятий была настолько обширной, что прошло около шести месяцев, прежде чем я смог нанести обещанный визит. Поэтому, когда возшла орлиная луна — а это было в феврале, — я запряг своих собак и, взяв одного из моих опытных проводников и пару погонщиков собак, отправился в далекую страну Оокемасис.

Мы были в пути около двух недель. Это было одно из самых опасных и изнурительных путешествий, которые я когда-либо предпринимал. Нам часто приходилось передвигаться по узким ледяным уступам, нависавшим над быстрыми водами великой реки. Иногда наши собачьи упряжки кружились на льду, и мы были очень близки к тому, чтобы упасть в темную холодную воду. Это было гораздо опаснее из-за того, что большую часть путешествия приходилось совершать ночью, так как ослепительные лучи солнца в дневное время делали нас настолько подверженными ужасной снежной слепоте, которая является таким болезненным заболеванием. Однако мы упорно шли вперед, и при дневном свете, когда это было возможно, и ночью, когда ничего лучшего сделать было нельзя, продвигались вперед и, наконец, достигли нашей цели.

Последние шесть миль пути лежали через замерзшее озеро, на дальнем берегу которого находилась деревня вожди. Когда они преодолели не более половины пути через озеро, зоркие глаза дозорных заметили наше приближение, после чего в деревне воцарилось большое волнение. Казалось, никогда не было более счастливой женщины, чем Оокемасис. Она приняла нас с чудесным радушием и выразительными словами выразила свою благодарность и радость. Когда мы прибыли, уже готовился приветственный пир. Когда она убедилась, что это миссионер, она сняла с подставки несколько голов северного оленя и, опалив шерсть и нарезав ее большими кусками, положила их в большую кастрюлю вариться.

После теплого приема нас проводили в большую палатку, где мы подождали, пока будет готов ужин. Поскольку у нее не было чая, я, к ее большому удовольствию, налил ей немного. Она была так взволнована, что то и дело забежала в палатку, чтобы рассказать мне, как велика была ее

радость оттого, что наконец этот человек и Книга пришли к ее народу. Когда ужин был готов, она проводила меня и моих слуг к столу. Было расчищено место, в центре которого на большом блюде лежала большая горка кусков оленьих голов. Вокруг стояло несколько оловянных чашек, наполненных горячим крепким чаем. Ее приглашения были ограничены количеством оловянных чашек, которые она могла собрать. Она посадила меня слева от себя, а своего начальника, следующего по авторитету после нее, справа. Мой проводник и погонщики собак были рядом со мной слева, и круг замыкали другие индейцы. Она была единственной женщиной в кругу, как только мы уселись на землю, несколько мужчин сразу же схватили по куску мяса и, вытащив охотничьи ножи, приготовились приступить к ужину:

“Остановитесь”, - сказал я. “Подождите минутку. Вы все станете христианами, а единственное, что делают христиане, - это просят благословения на свою пищу. Великий Дух дает нам все хорошее, и мы должны благодарить Его за это. А теперь закрой глаза, и я попрошу благословения”.

Все глаза были закрыты, пока я просил благословения из нескольких предложений. Закончив, я сказал “Аминь” и, конечно, открыл свои собственные глаза. К моему изумлению и забаве, все глаза, за исключением глаз моих индийских помощников, были по-прежнему закрыты. “Открой глаза”, - сказал я. “Аминь” здесь означает *“открой свой глаз”*. У него есть несколько других значений, но здесь сойдет и это”.

Затем мы приступили к нашему ужину. Не было ни тарелок, ни вилок, только наши охотничьи ножи. Каждый, включая миссионера, взял в левую руку по куску хорошо прожаренного мяса и начал разделять свой обед ножом. У моей подруги, вождини, были большие, сильные и не очень чистые руки. Но ее это не волновало. Она схватила большой кусок сочного мяса, в который почти погрузилась ее рука, и с большим наслаждением отрезала пикантные кусочки. Затем она бросила мясо на землю и сделала хороший глоток чая, а затем, схватив мясо, снова принялась за него с большим удовлетворением. Внезапно она снова уронила его на землю и, запустив жирную руку за пазуху платья, сказала:

“О, миссионер, я хочу, чтобы ты увидел, как я старался вести учет дня молитвы”. Тогда она вытащила из-за пазухи своего платья засаленную грязную бумагу, в которой я сначала не узнал большой чистый лист, который я ей дал.

“Вот, смотрите, - сказала она, - видите, как я старалась вести учет дня молитвы!”

Я с большим интересом изучил его и обнаружил, что все эти шесть месяцев она добросовестно вела запись. Вот он; подходящий день за весь этот долгий период. Затем она перешла к рассказу обо всем, что с ней произошло. Она сказала, что иногда, когда она была в своем вигваме, пытаясь думать о Великом Духе и Его Сыне, и пыталась помолиться Ему, в комнату врвался мальчик и говорил:

-Оокемасис, в ущелье есть большой северный олень, я уверен, ты сможешь его подстрелить.

Но я бы сказал: ‘Нет. Сегодня день молитвы, и я не могу ловить рыбу или стрелять в этот день’. Поэтому я никогда не ходил на охоту или рыбалку в день молитвы. Я просто стараюсь думать о Великом Духе, моем Отце, молиться и разговаривать с Ним, и пусть Он поговорит со мной”.

Конечно, я говорил ей добрые и ободряющие слова, и она действительно была очень счастлива их слышать.

Затем она отложила грязную бумагу и, наклонившись к земле, снова схватила свой большой кусок мяса. Посмотрев на мой, костлявый кусочек, который я выбрал потому, что мне было немного удобнее держать его, пока я его вырезал, она крикнула:

“Твой кусок мяса очень плохой, мой - очень хороший”, - и прежде чем я успел понять, что она имеет в виду, она поменяла кусочки. Конечно, я ничего не мог поделать, кроме как принять это с благодарностью. Я должен был одобрить мотив, даже если и не аплодировал поступку. Это был акт доброты, на который не все мы способны.

После обеда у нас была религиозная служба, которая длилась до самого ужина. Затем, после хорошего рыбного ужина, у нас была еще одна служба, которая длилась до полуночи. Затем она поручила меня одному из своих индейцев, у которого был большой вигвам. У него мы с моими индейцами провели ночь. Нас было всего двадцать два человека, которые спали вокруг костра в центре.

Я оставался с ними несколько дней, и с тех пор все они отказались от язычества и стали хорошими искренними христианами.

Глава шестнадцатая.

Большой Том.

Его полное имя было Мамановатум, что означает “О, радуйся”. Он был крупным мужчиной, почти гигантом, и обычно двигался медленно, за исключением тех случаев, когда шел по следу. Когда он вставал, чтобы обратиться к собранию, будь то в совете или церкви, он приподнимался на несколько дюймов и, казалось, отдыхал между ними. Но когда он встал и начал говорить, у него было что сказать, заслуживающее внимания.

Наше первое знакомство с ним состоялось в 1868 году. Он был проводником и рулевым судна, курсировавшего по Гудзонову заливу, на котором мы с женой отправились из Форта Гарри на Северной Красной реке в Норвежский дом, расположенный на озере Плейгрин, за северной оконечностью озера Виннипег.

В то время Большой Том, как его все называли, уже несколько лет был истовым христианином. Более ранние миссионеры предшествовали нам, и среди новообращенных индейцев был этот благочестивый человек, о котором мне приятно писать. Он сразу понравился нам обоим. Он был одним из благороднейших людей от природы. Довольные его доброжелательностью, мы восхищались мастерством, с которым он управлял маленькой лодкой на таком бурном озере.

Долгое и опасное путешествие длилось около четырехсот миль и заняло у нас около четырнадцати дней. Большой Том управлял нашей лодкой длинным веслом, которое он использовал как руль. Основной движущей силой этих лодок являются длинные крепкие весла, которыми управляют индийские экипажи. В нашей лодке было восемь хороших гребцов, и энергия и выносливость этих людей вызывали постоянное восхищение. Когда дул встречный

ветер или мы были в разгар штиля, час за часом эти верные люди трудились на своих веслах так же усердно, как любой галерный раб. Благоприятный ветерок, даже если он превращался в опасный шторм, всегда приветствовался, поскольку давал людям отдых от их рабской работы.

Как только ветер стал попутным, раздался радостный крик:

“Мэйу-нутин” (Попутный ветер) от гида, или, как кричали в этой поездке, “Сувэй-нас” (Южный ветер), обрадовало каждое сердце. Сразу же поднялась бурная деятельность. Весла были втянуты, и мачта, которая была прикреплена к борту лодки, была быстро установлена на место. Канаты были быстро натянуты, большой квадратный парус поднят, и мы понеслись вперед, подгоняемые попутным бризом.

С усилением ветра обычно поднимались большие волны; и Большому Тому приходилось очень осторожно управлять рулем, чтобы наша тяжело груженная лодка не погрузилась носом в покрытые пеной волны. Было приятно наблюдать за бдительностью этого осторожного рулевого, а также видеть силу и быстроту, с которыми он управлял нашей маленькой лодкой, когда казалось, что огромные волны вот-вот захлестнут нас. Его вежливость завоевала наше уважение, в то время как его способности рулевого вызывали наше восхищение.

Он сделал все, что мог, чтобы сделать нашу поездку, в которой было много недостатков, максимально комфортной и приятной. Было не очень удобно иметь на борту огромного борющегося быка, очень близко к тому месту, где мы должны были сидеть. Иногда, когда лодку подбрасывало на волнах, его голова свешивалась с одного борта суденышка, а вскоре после этого его хвост свешивался с другого борта.

Каждую ночь мы разбивали лагерь на берегу. Большой Том собрал пучки душистой травы, часть которой отдал быку в качестве корма, а с помощью остального постарался сделать наше окружение более комфортным и привлекательным. Он сожалел, возможно, не меньше нас, о том, что нам пришлось так долго путешествовать с этим огромным быком так близко от нас; и все же, прежде чем мы достигли конца нашего путешествия, казалось почти несомненным, что то, что мы считали полной помехой, стало нашим спасением. Однажды ночью, когда нам не терпелось двинуться дальше, индейцы решили не сходить на берег и не разбивать лагерь, а плыть всю ночь, так как ветер был попутный. В предрассветные часы ветер усилился почти до штормового, в то время как темные тучи закрыли почти все звезды. Большой Том — вот кем он был — остался на своем посту и, с благородной помощью своих опытных индейцев, под парусами с плотно зарифленными парусами быстро плыл в темноте. Миссионер и его жена спали на своей походной кровати, расстеленной у ног рулевого, а прямо за нами, растянувшись у наших ног, лежал огромный бык. Внезапно лодку швырнуло на бок, и она остановилась. Какое-то время царило сильное волнение, и выкрики приказов обычно спокойных индейцев почти не уступали ярости бури.

С большим присутствием духа. Большой Том мгновенно спустил парус, тем самым спасая нас от полного крушения. Оказалось, что мы бежали по наклонной стороне гладкой затопленной гранитной скалы. Нам действительно повезло, что наша лодка была хорошо защищена от груза и что самым тяжелым предметом был бык. По единодушному мнению индейцев, его большой вес спас нас от опрокидывания. Благодаря тщательному управлению лодка вышла из опасного положения невредимой, и полное приключений путешествие возобновилось.

После этого захватывающего приключения. Большой Том решил, что ночных путешествий больше быть не должно. Итак, с раннего рассвета до поздней ночи мы спешили дальше, каждый вечер разбивая лагерь в каком-нибудь удобном месте на берегу.

Походный костер, щедро заправленный топливом из больших лесов, растущих так близко, освещал смуглые черты наших рослых мужчин, некоторые из которых были заняты приготовлением вечерней трапезы, в то время как другие, собравшись живописными группами, были заняты чем-то другим. Этот сытный ужин пришелся по вкусу всем.

Вскоре после этого мы все собрались на вечернюю молитву. Несколько дополнительных поленьев, подброшенных в наш походный костер, так оживили его, что все желающие могли легко следить за чтением урока по своим собственным Заветам и использовать свои собственные сборники гимнов для пения. Воспоминания о некоторых из этих религиозных служб очень дороги. Мы до сих пор слышим глубокий сочный голос Большого Тома, читающего на своем музыкальном языке кри:

“Вейя Мунето испиче сакетапун уске, ке ниякью оо пауко-Коосисана, пико уна тапватовайиче нумавета оо га ниссевунатисети, мака оо га аяти какека пиматисевин”. Это перевод этого непревзойденного стиха, шестнадцатого из третьей главы Евангелия от Святого Иоанна.

Затем, после прочтения главы, исполнялся соответствующий гимн. У индийцев очень мало собственной музыки и еще меньше поэзии, которую можно использовать для религиозного поклонения. В результате миссионеры и учителя уже перевели более четырехсот наших отборных гимнов на индийский язык и используют вместе с ними мелодии, с которыми они обычно ассоциируются. По случаю, о котором мы говорим, нам действительно показалось милым и уместным спеть, пусть и на другом языке, любимый вечерний гимн:

“Слава тебе, Боже мой, этой ночью,
За все благословения света;
Сохрани меня, о, сохрани меня, Царь царей,
Под твоими собственными всемогущими крыльями”.

Когда наш вечерний гимн был спет, мы благоговейно преклонили колени на камнях, в то время как Большой Том или какой-нибудь другой благочестивый индеец руководил нами в молитве, за нами следовали еще один или два человека. Затем мы наслаждались сладким отдыхом до самого рассвета. Резкий призыв, на который все немедленно откликнулись, сопровождался торопливым завтраком и усердными молитвами, после чего путешествие возобновилось.

В этом путешествии было потрачено две субботы. Для наших индийских христиан суббота действительно была очень ценным благословением. Используя этот день в соответствии с Писанием как день отдыха и религиозного богослужения, а не как день разгула, они были как физически, так и духовно воодушевлены и, таким образом, могли выполнять работу намного лучше. Помимо утренней и вечерней молитв, у нас были две восхитительные религиозные службы на индийском и английском языках. Перерывы между ними были потрачены на чтение Книги и несколько приятных песенных служб.

Шли годы, и с их разнообразными обязанностями мы все чаще находили в Большом Томе самого ценного и надежного помощника. Его благородная последовательная жизнь сделала его

благословением как для белых, так и для индейцев. Если возникали споры и требовался арбитраж, именно Большого Тома первым рассматривали в качестве арбитра; и мы не можем припомнить случая, когда его решение было отклонено.

В свое время он был великим охотником, и ходило много историй о его мастерстве и доблести. В течение многих лет он считался лучшим охотником на лосей в деревне. Лось, хотя и самый крупный из племени оленей и имеет неуклюжий вид, может передвигаться по лесу с большой скоростью. Он никогда не скачет галопом, как другие олени, а переходит на размеренную рысь, с такой скоростью и выносливостью, что вскоре оставил бы позади самую быструю лошадь. Его голова украшена огромными широкими рогами огромных размеров и веса, и все же среди густых деревьев он может, будучи встревожен, передвигаться так быстро, что самый ловкий охотник вскоре оказывается далеко в тылу. Его зрение не такое, как у некоторых других видов оленей, но природа наделила его самым острым слухом и обонянием. От Большого Тома и других мы слышали, что даже когда в лесу бушевала жестокая ноябрьская буря, когда деревья раскачивались взад-вперед, а ветки ударялись друг о друга и ломались под порывом ветра, если неосторожный охотник, находившийся в сотнях ярдов от него, случайно наступал на маленькую сухую веточку, которая хрустела у него под ногой, лось сразу же улавливал звук и уносился прочь, как стрела, не останавливаясь на протяжении многих миль.

О мастерстве Большого Тома как охотника нам больше нечего сообщить в настоящее время; но здесь мы хотим зафиксировать пример его самоотречения, который прекрасно раскрывает бескорыстный характер этого человека и показывает, каковы были сердечные устремления.

На протяжении многих поколений эти американские индейцы были разделены на племена. Их языки многочисленны и разнообразны, но многие их обычаи и методы правления схожи. Во всех племенах правили вожди, имевшие большую или меньшую власть. У одних эта честь передавалась по наследству; у других - нет; хотя в последнем случае сын вождя, если он вообще подходил для этого, имел больше шансов быть назначенным на место своего отца. Когда канадское правительство заключало договоры с индейцами великого северо-запада, оно всегда признавало власть вождей; и через них сегодня все еще ведутся все дела с племенами. За некоторое время до заключения договора с северными кри должность вождя была упразднена. Когда пришло известие, что правительство собирается заключить с ними договор и желает знать, кто их глава, поднялось большое волнение. Правительство Доминиона было очень благородным в своем обращении с индейцами и в том уважении, которое оно оказывало вождям этого чувствительного от природы народа, которым выдавались серебряные медали, красивая одежда и дополнительные чаевые, как деньгами, так и припасами. Конечно, среди кри было волнение в связи с перспективой больших политических перемен. Советы проводились часто, и по этому поводу в вигвамах и у походных костров было выкурено много трубок. Обсуждались различные имена, выдвигались сыновья и внуки, но один за другим их отвергали. Большой Том почти не интересовался этим процессом и присутствовал лишь на нескольких советах. Однажды, к его удивлению, во время работы в своем саду его встретила делегация индейцев и сообщила, что он срочно нужен в доме совета. Здесь, на полном совете, ему сказали, что он был избранником народа, и что они хотели, чтобы он был их вождем — носил серебряную медаль с изображением Великой Матери (Королевы) на ней и был их голосом, когда они разговаривали с представителем Королевы (Губернатором) по всем вопросам, которые касались счастья и благополучия племени.

Я был проинформирован о решении народа и принял приглашение присутствовать на совете, когда должен был быть назначен Большой Том. В другие дни я посещал съезды своих белых друзей и там наблюдал, с какой готовностью принимались предлагаемые почести, политические и церковные. Здесь, однако, нас ждал сюрприз; исключение из общего правила, настолько удивительное, что над ним стоит задуматься.

Когда ему предложили должность шефа, этот крупный мужчина, который с ног до головы походил на шефа, вместо того чтобы сразу принять эту должность, был глубоко взволнован и, казалось, совершенно не мог придумать подходящего ответа. Как нам показалось, он пытался выразить свою благодарность за оказанную ему великую честь; но все, что он действительно сделал, - это отрывисто попросил отложить заседание совета до следующего дня.

Разочарованный перерывом, я был рад мысли о том, что Большой Том, застигнутый врасплох, почувствовал, что не сможет произнести речь, которой требовал случай, и поэтому попросил время, чтобы привести в порядок свои мысли, когда он произнесет речь, достойную великого события; потому что Большой Том был оратором неплохого порядка, хотя и довольно медлительным, пока не проникнется своей темой.

При повторном созыве совета мы все были там, горя желанием услышать индийскую речь при наилучших условиях. Это была речь, спокойная, красноречивая, восхитительная; но как сильно она отличалась от того, что ожидалось. Какой шанс представился честолубивому, устремленному человеку! Как он мог бы рассказать о себе, о том, что он сделал и что собирается делать! Но в обращении Большого Тома не было ничего подобного. Тихо и скромно он говорил, согреваясь по мере продолжения. Единственный краткий отчет, которым я располагаю о его выступлении, заключается в следующем, и он не отдает должного ни случаю, ни человеку:

“Давным-давно, когда миссионеры приходили и проповедовали нам, какое-то время мы отказывались слушать их и не хотели становиться христианами. Затем, через некоторое время, многие из нас, кто был во тьме, начали чувствовать в своих сердцах, что то, что они говорили нам, было для нашего блага; и поэтому мы приняли эти вещи, и они пошли нам на пользу. Когда я получил уверенность в своем сердце, что я дитя Божье и у меня есть душа, которая должна жить вечно, я обнаружил, что, совершая это спасение, я получил нечто великое, ради чего стоит жить. Сделать это было великой целью моей жизни. Мало—помалу я женился, а затем, когда моя семья увеличилась и начала расти вокруг меня, я обнаружил, что у меня есть еще одна цель, ради которой стоит жить - помогать ее членам на пути к небесам, а также работать для их комфорта здесь.

Затем, через некоторое время, миссионер поручил мне провести занятие. Мы должны были встретиться и поговорить о наших душах, о Божьей любви к нам и сделать все, что в наших силах, чтобы помочь друг другу стать лучше. Выполнять свой долг лидера было великой и важной работой. Выполняя эти обязанности, я обнаружил, что у меня есть еще одна цель, ради которой стоит жить. Эти три вещи —спасение моей собственной души; спасение моей семьи; сделать все, что в моих силах, чтобы помочь членам моего класса быть верными Ему и ободрять их — превыше всего в моем сердце.

“Я благодарен вам за доверие ко мне, за то, что вы попросили меня стать вашим начальником. Я знаю, что это большая честь; но я вижу, что это повлечет за собой много обязанностей, и тому, кто займет эту должность, придется заниматься многими другими вещами, помимо тех, на которые я нацелился. Так что вы должны назначить кого-нибудь другого; ибо в эти три дела я не

могу допустить, чтобы что-то еще вмешивалось. Я благодарю вас, братья мои, и люблю вас всех”.

Благородный, бескорыстный Большой Том! Слушая его, я гордился им больше, чем когда-либо; и я благодарил Бога за обращение таких людей из язычества в христианство и за развитие в их сердцах и жизни таких благородных качеств и добродетелей.

[| Предисловие |](#) [| Глава 1 |](#) [| Глава 2 |](#) [| Глава 3 |](#) [| Глава 3 |](#) [| Глава 4 |](#) [| Глава 5 |](#) [| Глава 6 |](#) [| Глава 7 |](#) [| Глава 8 |](#) [| Глава 9 |](#) [| Глава 11 |](#) [| Глава 12 |](#) [| Глава 13 |](#) [| Глава 14 |](#) [| Глава 15 |](#) [| Глава 16 |](#)
